

ISSN 2074-9201

ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ

№ 1 (62) 2021

Учредитель:
АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Журнал издается с 2001 года

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 сентября 2007 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 марта 2010 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью А.С. Попова

Редакционная коллегия:

Главный редактор
д.э.н., к.ф.н., доц. Делия В.П.
Заместитель главного редактора
к.ю.н. Милов П.О.
Компьютерная верстка
Савеличев М.Ю.
Корректор
Игнашина А.А.

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» – Я6743
Подписку можно произвести на сайте агентства.
Минимальный период подписки – 3 месяца

Издатель:

АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Адрес редакции и издателя:

117105, Москва, Варшавское ш., д. 23, каб. 203
Тел.: +7 (495) 782-52-73, +7 (916) 909-73-56
<http://ideka.ru>
e-mail: nauka@ideka.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768 от 11.02.2015 г.

НАУЧНЫЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

SCIENTIFIC INFORMATION-ANALYTICAL
MAGAZINE

АККРЕДИТОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ:
120001, 120002, 120008, 120009, 120013, 080005

В НОМЕРЕ:

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ,
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ,
Трибуна молодого ученого**

Авторы статей несут полную ответственность за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал «Вестник Академии права и управления» обязательна.
Журнал отпечатан в типографии «Юника»,
тел. 8 (343) 364-55-24

Подписано в печать 14.04.2021. Формат 60x84/8. Усл.-печ. л. 14,65.
Печать цифровая. Заказ № 476 от 26.04.2021 г. Тираж 2000 экз.

ISSN 2074-9201

9 772074 920102 6 2

12+

Члены редакционного совета:

08.00.00 Экономические науки

Рагулина Юлия Вячеславовна, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства Федерального научного центра аграрной экономики и социально-развития сельских территорий, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный работник науки и техники Российской Федерации;

Салихов Борис Варисович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство.);

Солодуха Петр Викторович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и мировой экономики, декан экономического факультета Российского государственного социального университета;

Шкодинский Сергей Всеволодович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра отраслевой экономики, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, заведующий кафедрой Экономической теории, Московский государственный областной университет.

12.00.00 Юридические науки

Агапов Павел Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета государственного управления и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации;

Бажанов Станислав Васильевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного университета технологий и управления, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, старший советник юстиции в отставке;

Гаврилов Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;

Краснова Кристина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия;

Кузнецов Петр Уварович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права Уральского государственного юридического университета;

Минбалева Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник Республиканского НИИ интеллектуальной собственности;

Нарутто Светлана Васильевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Пашенцев Дмитрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве

РФ, профессор Московского городского педагогического университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Полякова Татьяна Анатольевна, доктор юридических наук, доцент, заведующая Сектором информационного права Института государства и права Российской академии наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации третьего класса, почетный работник юстиции;

Радько Тимофей Николаевич, Радько Тимофей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, действительный член Академии гуманитарных наук, академик Российской академии адвокатуры, заслуженный юрист Российской Федерации, государственный советник юстиции первого класса, генерал-майор внутренней службы в отставке;

Тарасов Анатолий Михайлович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

Чернявский Александр Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Конституционного (государственного) и международного права Военного университета Министерства обороны РФ.

Зарубежные члены редакционного совета:

Анил Сарвал, доктор наук, профессор Пенджабского университета (г. Чандigarх, Индия);

Дэвид Рейнольдс, доктор наук, действительный член Британской академии наук, профессор истории Колледжа Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж). С октября 2013 г. возглавляет исторический факультет в Кембридже;

Мкртумян Арман Юрьевич, заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;

Пол Смит, доктор наук, профессор Университета Претории, Южная Африка (ЮАР);

Уоррен Кимбол, доктор наук, почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Университета Кембриджа;

Ю Синода, доктор наук, профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, г. Саппоро (Япония).

Эксперты:

Меськов Валерий Сергеевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры педагогики Высшей школы образования, профессор кафедры теологии филологического факультета, директор Учебно-научного центра междисциплинарных проблем образования и когнитивистики Московского педагогического государственного университета;

Тихонов Александр Васильевич, доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук;

Шерemet Игорь Анатольевич, доктор технических наук, профессор, член Военно-промышленной комиссии при Правительстве Российской Федерации, заместитель директора по науке, Российский фонд фундаментальных исследований, член-корреспондент Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации третьего класса.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Артамавичюс Владимир Леонасович, ПОДДЕЛКА, ИЗГОТОВЛЕНИЕ ИЛИ ОБОРОТ ПОДДЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАГРАД, ШТАМПОВ, ПЕЧАТЕЙ ИЛИ БЛАНКОВ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	
Vladimir L. Artamavichyus, FORGERY, PRODUCTION OR CIRCULATION OF FORGED DOCUMENTS, STATE AWARDS, STAMPS, SEALS OR LETTERHEADS: PROBLEMS OF QUALIFICATION AND LAW ENFORCEMENT	6
Бажанов Станислав Васильевич, Малахов Андрей Аркадьевич, ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ СКРЫВШЕГОСЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО	
Stanislav V. Bazhanov, Andrey A. Malakhov, THE EFFECTIVENESS OF MEASURES OF CRIMINAL PROCEDURAL COERCION APPLIED IN RELATION TO THE ABSCONDED SUSPECT AND ACCUSED	12
Базылев Владимир Николаевич, КОНТРАТИПИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИИ В МАСС-МЕДИА КАК ОБЪЕКТ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	
Vladimir N. Bazylev, INFORMATION COUNTER-TYPING IN MASS MEDIA AS AN OBJECT OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE	18
Егоров Вадим Алексеевич, Макаров Иван Николаевич, Иванова Виктория Игоревна, ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА МЕСТАМИ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ	
Vadim A. Egorov, Ivan N. Makarov, Victoria I. Ivanova, PUBLIC CONTROL OVER PLACES OF FORCED DETENTION: PROBLEMS AND SOLUTIONS	25
Манна Аммар Каримович, Сайфуллина Мария Ивановна, КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД КАК СУБЪЕКТ ТОЛКОВАНИЯ КОНСТИТУЦИИ РФ	
Ammar K. Manna, Maria I. Sayfullina, THE CONSTITUTIONAL COURT AS A SUBJECT OF INTERPRETATION OF THE CONSTITUTION OF THE RF	31
Климкин Валерий Николаевич, НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ (АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ)	
Valeriy N. Klimkin, VIOLENT ACTS OF A SEXUAL NATURE IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA (ACTUAL PROBLEMS OF QUALIFICATION)	36
Тарасов Евгений Александрович, О ЗНАЧЕНИИ ТРАНСПОРТНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОВЕРОК СТРАХОВЫХ СЛУЧАЕВ ПО ОСАГО С ПРИЗНАКАМИ ИМИТАЦИИ, ИНСЦЕНИРОВКИ И ПРОВОЦИРОВАНИЯ ПРОИСШЕСТВИЯ	
Evgenii A. Tarasov, ON THE IMPORTANCE OF TRANSPORT AND TRACOLOGICAL EXPERTISE IN CONDUCTING INSPECTIONS OF INSURANCE CLAIMS UNDER CTP WITH SIGNS OF IMITATION, STAGING AND PROVOKING AN ACCIDENT	40

Титовец Анна Эдуардовна, УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОЕРШАЕМЫХ ПО МОТИВУ РЕВНОСТИ	
Anna E. Titovets, CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF CRIMES COMMITTED ON THE GROUNDS OF JEALOUSY	44
Чернявский Александр Геннадьевич, ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА И ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО	
Alexander G. Chernyavsky, HISTORICAL SCHOOL AND NATURAL LAW	51
Шувалова Анастасия Михайловна, ПРАВСУДИЕ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ	
Anastasia M. Shuvalova, JUSTICE AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION.....	60

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Бакатин Александр Николаевич, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ БУНКЕРОВОЧНЫХ УСЛУГ В УСТЬЕВЫХ ПОРТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
Alexandr N. Bakatin, PECULIARITIES OF DEVELOPMENT OF BUNKERING SERVICES IN THE STATE PORTS OF THE RUSSIAN FEDERATION	67
Куклина Елена Юрьевна, Гостев Александр Николаевич, Демченко Татьяна Сергеевна, ИМИДЖ РУКОВОДИТЕЛЯ ОВД: СОЦИОЛОГО-ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	
Elena Y. Kuklina, Alexander N. Gostev, Tatyana S. Demchenko, IMAGE OF THE HEAD OF THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS: SOCIAL AND HERMENEUTIC ASPECT	73
Лисова Екатерина Валерьевна, УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	
Ekaterina V. Lisova, RAT THE LEVEL OF SOCIAL DEVELOPMENT IN THE REGIONS OF CENTRAL FEDERAL DISTRICT	83
Салихов Борис Варисович, НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ УСТОЙЧИВОГО И НЕУСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ (ЧАСТЬ II)	
Boris V. Salikhov, SCIENTIFIC-PRACTICAL POTENTIAL OF DETERMINING THE ESSENCE OF SUSTAINABLE AND UNSUSTAINABLE DEVELOPMENT (PART II).....	87
Сухина Юлия Валериевна, УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА	
Yuliya V. Sukhina, MANAGEMENT CONSULTING IN THE CONTEXT OF ENSURING BALANCED DEVELOPMENT OF INVESTMENT ACTIVITIES IN THE REGION	95
Трофимова Наталья Николаевна, ПОТЕНЦИАЛ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ НА БАЗЕ МООК В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ И ПЕРЕОБУЧЕНИЯ РАБОТНИКОВ ПРЕДПРИЯТИЙ	

Natalia N. Trofimova,

THE POTENTIAL OF DISTANCE LEARNING ON THE BASIS OF MOOC IN ORDER TO IMPROVE
THE SKILLS AND RETRAINING OF EMPLOYEES OF THE ENTERPRISES 102

Трибуна Молодого Ученого

Груднов Дмитрий Владимирович,

ВЛИЯНИЕ COVID-19 НА ЭКОНОМИКУ. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Dmitriy V. Grudnov,

IMPACT OF COVID-19 ON THE ECONOMY. INTERNATIONAL EXPERIENCE 108

Хабичев Расул Хамзатович,

КВАЛИФИКАЦИЯ ДИСТРИБЬЮТОРСКИХ ДОГОВОРОВ

Rasul Kh. Khabichev,

QUALIFICATION OF DISTRIBUTORSHIP CONTRACTS 113

Якимов Роман Васильевич,

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ГОРОДСКОМУ ПЛАНИРОВАНИЮ.

ЕСТЬ ЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ В ОБЩЕСТВЕННОМ УЧАСТИИ?

Roman V. Yakimov,

MODERN APPROACHES TO URBAN PLANNING.

IS THERE A NEED FOR PUBLIC PARTICIPATION? 118

Артамавичюс Владимир Леонасович,
аспирант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург,
vladimir.artamav@mail.ru

ПОДДЕЛКА, ИЗГОТОВЛЕНИЕ ИЛИ ОБОРОТ ПОДДЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАГРАД, ШТАМПОВ, ПЕЧАТЕЙ ИЛИ БЛАНКОВ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы квалификации и правоприменения ст. 327 Уголовного кодекса Российской Федерации «Подделка, изготовление и оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков». На данном этапе развития уголовного законодательства можно проследить реформирование уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за подделку. Такая тенденция обусловлена объектом посягательств состава преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, а именно важностью рассматриваемых правоотношений. Документы выполняют огромную роль во всех сферах государственной, общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни общества, они являются необходимым элементом в правозащитной и правоприменительной деятельности государства, предпосылкой нормального функционирования органов управления. Управленческое значение официальных документов является достаточно серьезным, а незаконное использование полномочий в сфере документооборота настолько общественно опасно, что государство охраняет его уголовно-правовыми средствами. Автором были выявлены следующие проблемы правоприменения и квалификации ст. 327 УК РФ: неправильная либо неоднозначная формулировка диспозиции рассматриваемой статьи УК РФ в обвинительном акте прокурора, а также вынесение оправдательного приговора на основании отсутствия в деянии состава преступления в связи с несоответствием объективной стороны диспозиции указанной статьи. Отмечено несовершенство понятийно-категориального аппарата, а именно отсутствие термина официальный документ в качестве примечания к статье ст. 327 УК РФ, что также усложняет применение уголовной нормы о подделках. Длительная неопределенность на практике понятия официального документа существенно усложняет защиту от преступных посягательств, когда предметом или средством преступления выступает такой документ.

Ключевые слова: подделка документов, фальсификация, уголовная ответственность, правоприменение, официальный документ, судебная практика

Vladimir L. Artamavichyus,
graduate student, Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Saint-Petersburg,
vladimir.artamav@mail.ru

FORGERY, PRODUCTION OR CIRCULATION OF FORGED DOCUMENTS, STATE AWARDS, STAMPS, SEALS OR LETTERHEADS: PROBLEMS OF QUALIFICATION AND LAW ENFORCEMENT

Abstract. The article deals with the issues of qualification and enforcement of Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation: forgery, production and circulation of forged documents, state awards, stamps, seals or letterheads. At this stage of the development of criminal legislation, it is possible to trace the reform of the criminal law norm providing for liability for forgery. This trend is due to the object of attacks of a crime under article 327 of the criminal code, namely the importance of legal relations. Since documents play a huge role in all spheres of state, socio-political, economic and cultural life of society, they are a necessary element in the human rights and law enforcement activities of the state, a prerequisite for the normal functioning of government bodies. The administrative significance of official documents is quite serious, and the illegal use of powers in the field of document management is so socially dangerous that the state protects it with criminal legal means. The author has identified the following issues of law enforcement and qualification of article 327 of the criminal code: incorrect or ambiguous wording of the disposition of the article of the criminal code in the indictment of the Prosecutor, and the acquittal

on the basis of absence of corpus delicti in connection with the discrepancy between the objective side of the disposition of the article. The author notes the imperfection of the conceptual and categorical apparatus, namely, the absence of the term official document as a note to Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation, which also complicates the application of the criminal norm on forgery. The long-term uncertainty in practice of the concept of an official document significantly complicates the protection against criminal encroachments, when the object or means of crime is such a document.

Keywords: forgery, falsification, criminal liability, law enforcement, official document, court practice

Несмотря на то, что удельный вес нарушений закона, совершенных путем подделки, в общей массе преступности незначительный, исключительная значимость объектов, на которые они посягают, характер и тяжесть вреда, который наносится в различных сферах общественной жизни, делают рассмотрение данной категории преступлений необходимым и актуальным.

Негативное влияние от изготовления, использования и оборота подделок испытывает определенный законом порядок деятельности государственного аппарата, здоровья населения, финансовой системы, банковской системы и т.д. Область использования документов в современном обществе постоянно расширяется и качественно меняется. В то же время данная сфера, как и другие сферы человеческой деятельности, страдает от преступных проявлений. В течение всего исторического периода противодействия преступности, общество отвечало на вызов преступных посягательств на документы. Исследуя проблему уголовно-правовой охраны документооборота, можно отметить, что в уголовном кодексе Российской Федерации приведен целый ряд норм, предусматривающих уголовную ответственность за преступления, предметом или средством совершения которых является документ, в том числе это предусмотрено ст. 327 УК РФ.

Изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков представляет повышенную общественную опасность, поскольку дестабилизирует финансово-кредитные отношения, затрудняет регулирование оборота официальных документов.

Одним из многих факторов, усложняющих реализацию управленческой функции государства, является наличие внешних вмешательств в порядок управления, в том числе путем искажения информации в документах, удостоверяющих юридически значимые факты. Общественная опасность подделки документов заключается также в том, что такие действия наносят ущерб государственной деятельности, нарушают общественные отношения в сфере документооборота, тем самым мешая компетентным органам и их должностным лицам объективно судить об истинных правах и обязанностях граждан, что в свою очередь может повлиять на принятие ими неправильных решений.

Вопрос квалификации и правоприменения подделки, изготовления или оборота поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков как способа совершения преступления был тщательно исследован, в частности, в работах И.В. Баландина [1], Ж.А. Бойцовой [2, 3, 4], М.А. Ефремовой [5, 6] и других ученых.

По своей сути уголовно наказуемые подделки почти всегда сочетаются с последующим использованием или сбытом поддельной вещи (документа, штампа, бланка и т. д.). Наличие определенной цели (в большинстве случаев это именно использование и сбыт) превращает «обычную» подделку на уголовно наказуемую. Цель использования в случае подделки отмечается во многих нормах Уголовного кодекса РФ, в которых предусмотрена уголовная ответственность за это незаконное деяние. Отдельное внимание следует обратить, что без дальнейшего использования или совершения с подделкой иных действий (например, сбыта), реальный ущерб объекту уголовно-правовой охраны не может быть нанесен. Учитывая высокую вероятность такого сочетания в преступной деятельности в большинстве норм, предусматривающих ответственность за подделку, одной из альтернативных форм совершения объективной стороны состава преступления предусмотрена такая форма, как сбыт поддельной вещи.

В ходе исследования проблем квалификации подделки, изготовления или оборота поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков невозможно обойти судебную практику, в ходе которой нередко возникают сложности. Эти сложности, прежде всего, обусловлены правовой оценкой действий лица, которое подделало документ, а затем его использовало. Одной из гарантий законности в сфере уголовного правосудия является правильная квалификация преступлений, которая предполагает единообразное применение уголовного закона ко всем преступлениям одного вида независимо от субъекта квалификации или места совершения преступления. Вместе с тем противоречива и практика органов досудебного расследования и судов по квалификации подделки документов и их дальнейшего использования.

Прежде всего, следует остановиться на уголовно-правовой норме, содержащей состав преступле-

ния – подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков. Так, ч. 1 ст. 327 УК РФ закрепляет следующее: «подделка официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях его использования или сбыт такого документа либо изготовление в тех же целях или сбыт поддельных государственных наград Российской Федерации, РСФСР, СССР, штампов, печатей или бланков» [11].

Необходимо обратить внимание на меры усовершенствования положений УК РФ, которые касаются подделок. С целью повышения эффективности противодействия подделке документов и использования документов был принят Федеральный закон от 26.07.2019 года № 209-ФЗ «О внесении изменений в статью 327 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [12]. Данный федеральный закон предусматривает ужесточение санкций состава преступления в виде подделки, изготовления или оборота поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков, оставляя сам перечень диспозиций неизменным. Российские исследователи, например Ж.А. Бойцова, также отмечают необходимость усиления контроля за изготовление, использование и оборот подделок, так как существующие наказания не совсем отвечают той степени общественной опасности, которую на сегодняшний момент несут в себе рассматриваемые преступления [2, с. 104]. Подобное реформирование уголовного регулирования правонарушения подделок имеет целью непосредственное влияние на судебную практику, квалификацию и правоприменение.

Своеобразным ориентиром для судебных инстанций является Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 года № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324-327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [7], пункт 9 которого закрепляет следующее положение для судов при решении дела о признании лица виновным в использовании поддельных документов: «суд должен установить, какие именно права мог предоставить этому лицу или иным лицам или фактически предоставил данный поддельный документ либо от каких обязанностей мог освободить или освободил». Данное положение является руководящим принципом для судов, которое позволяет конкретизировать и определить объектную сторону преступления. Исходя из анализа судебной практики, можно утверждать, что пренебрежение вышеуказанным пунктом Постановления приводит к возврату дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом.

На данный момент в судебной практике можно наблюдать как формальные ошибки, так и прак-

тические. Например, Постановление Центрального районного суда города Волгограда № 1-219/2017 от 22 июня 2017 года по делу № 1-219/2017 [9], согласно которому обвинительное заключение по уголовному делу в отношении подсудимого не соответствует вышеуказанным требованиям закона, поскольку лицо обвиняется в совершении двух эпизодов преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ. Однако изложенная в обвинительном заключении формулировка обвинения по ч. 1 ст. 327 УК РФ «изготовление официального документа, предоставляющего права, в целях его использования», не предусмотрена диспозицией указанной статьи. Учитывая изложенное, судья пришел к выводу, что уголовное дело в отношении подсудимого подлежит возврату прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом. По материалам дела и заключению суда, выраженных в виде Постановления, можно говорить о существовании формальной проблемы правоприменения статьи 327 УК РФ – несовершенстве формулирования диспозиции вышеуказанной статьи в каждом конкретном уголовном деле.

Можно привести другой пример из судебной практики, например, Постановление Куйбышевского районного суда города Новокузнецка № 1-40/2018 1-534/2017 от 2 февраля 2018 года по делу № 1-40/2018 [8], где подсудимой была осуществлена подделка листа временной нетрудоспособности с целью его дальнейшего сбыта, внеся в бланк обязательные для документа реквизиты, подписи и ложные сведения.

В судебном заседании было заявлено ходатайство о возвращении данного уголовного дела прокурору, поскольку обвинительный акт был составлен с нарушением требований Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации: органами предварительного расследования предъявлено обвинение в подделке официального документа, предоставляющего права и освобождающего от обязанностей в целях сбыта. Однако составленный обвинительный акт порождает для суда неопределенность в вопросе о том, в каком именно преступлении обвиняется подсудимая: в подделке листа нетрудоспособности или в его сбыте. Исходя из материалов дела и неопределенности постановления, суд признал необходимым возвратить данное уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Иным несовершенством статьи 327 УК РФ в правоприменении является отсутствие в деянии состава преступления, предусмотренного диспозицией рассматриваемой статьи. Примером служит Приговор Кайтагского районного суда № 1-1/2018 1-40/2017 от 10 октября 2018 года по делу № 1-1/2018 [10], согласно которому подсудимый составил и предоставил на подпись директору коммерческой организации заведомо подложные официальные документы:

акт приемки выполненных работ, справку о стоимости выполненных работ, которые предоставляли право фирме в лице директора на получение денежных средств. Из обвинительного заключения по делу не следует, какие конкретно действия, непосредственно направленные на исполнение объективной стороны ч. 1 ст. 327 УК РФ выполнил подсудимый.

После подписания директором заведомо подложных актов приемки выполненных работ и справки о стоимости выполненных работ подсудимый с целью доведения до конца совместного с директором преступного умысла, направленного на хищение денежных средств в особо крупном размере, предоставил указанные документы главе администрации, который в последующем передал указанные акты и справки для оплаты в бухгалтерию администрации. В подтверждение предъявленного обвинения органом следствия представлены показания свидетеля (директора) и заключение строительно-технической экспертизы.

Однако суд не признал достоверными показания свидетеля (директора) относительно того, что подсудимый принес ему документы, заключенные с администрацией, которые директор в последующем подписывал. Сторона обвинения не представила суду веских доказательств о причастности подсудимого к совершению инкриминируемых ему деяний, а также доказательств, опровергающих доводы подсудимого о том, что фактически условия контракта выполнены и он не получал от руководителя, каких-либо других денежных средств, кроме предназначенных для оплаты рабочим за проделанную работу.

На основании представленных подсудимым вышеуказанных заведомо подложных актов, бухгалтерией произведена оплата путем перевода денег на счет коммерческой организации. Из указанной суммы свидетель и подсудимый незаконно получили и присвоили денежные средства, тем самым их мошенническими действиями был причинен ущерб в особо крупном размере.

Приведенные в качестве доказательств вины подсудимого по факту мошенничества показания представителя потерпевшего и свидетелей не устанавливают вину подсудимого в совершении мошенничества, а лишь констатируют сам факт сложившихся между коммерческой организацией и администрацией обязательственных отношений. В предъявленном обвинении подсудимому органами следствия не конкретизировано время и место совершения преступления, а также вступление в преступный сговор подсудимого с руководителем коммерческой организации.

Суд оправдал подсудимого по предъявленному обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327, по факту отсутствия в деянии состава преступления.

Таким образом, следует выявить такие недостатки статьи 327 УК РФ: возврат прокурору дела для устранения препятствий его рассмотрения судом в связи с неправильной формулировкой диспозиции рассматриваемой статьи УК РФ; вынесение оправдательного приговора за отсутствием в деянии состава преступления в связи с несоответствием объективной стороны преступления диспозиции указанной статьи.

Исследователь М.А.Ефремова считает целесообразным дифференцировать ответственность за посягательства на уже существующие официальные документы и на их реквизиты – штампы, печати или бланки [6, с.38]. Данное предложение является нецелесообразным с точки зрения правоприменения уголовных норм судом и правоохранительными органами. Так, возникнут коллизии в теоретическом и практическом применении ст. 327, а именно выделение новых объектно-субъектных составляющих, новые правила квалификации и другие.

В свою очередь, Ж.А. Бойцова указывает на необходимость изменения ст. 327 УК РФ для дифференциации мер ответственности за использование официальных и иных документов путем исключения и дополнения существующей нормы [4, с. 100]. Пренебрежение общими правилами квалификации, произведенными в теории уголовного права и правилами квалификации преступлений, совершаемых путём подделки, может привести к неправильной квалификации действий виновного лица или даже к привлечению невиновного к уголовной ответственности.

Российский исследователь М.А. Ефремова предложила в корне изменить ст. 327 УК РФ, изложив ее в иной редакции: «подделка удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях его использования; то же деяние, совершенное с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение; использование заведомо подложного документа, а равно сбыт такого документа» [5, с. 19-20]. Теоретические наработки в данном направлении являются неотъемлемой частью доктрины уголовного права, однако недавно внесенные изменения в ст. 327 УК РФ делают данную статью полноценно действующей, а также не нуждающейся в коренной переработке.

Среди отечественных ученых также обсуждается мысль о недостаточно развитом понятийно-категориальном аппарате ст. 327 УК РФ. Например, И.В. Баландин предлагает дополнить ее примечанием, содержащим понятие официального документа [1, с. 67-68]. Поддерживает данную идею и Ж.А. Бойцова, которая предлагает дополнить примечанием ст. 327 УК РФ, в котором указать, что следует относить к официальным документам в рамках Уголовного кодекса РФ [3, с. 19]. Действительно, в статье 327 УК РФ отсутствуют четкие критерии отнесения официальных документов

к предметам преступлений настоящей статьи, нет никаких разъяснений относительно оценки признаков и содержания объективной стороны в этих нормах. Данный недостаток ст. 327 УК РФ позволяет утверждать, что отсутствие единого подхода к определению терминологии сказывается и на применении их судебными инстанциями и другими правоприменительными органами. Следует сделать вывод, что законодателю необходимо сформулировать понятие официальных документов (предмета преступления в ст. 327 УК РФ) или предоставить их конкретный перечень.

Таким образом, автором были выявлены недостатки квалификации действующей редакции ст.

327 УК РФ, включая в себя: возврат прокурору дела для устранения препятствий его рассмотрения судом на основании неправильной формулировки диспозиции рассматриваемой статьи УК РФ; вынесение оправдательного приговора за отсутствием в деянии состава преступления в связи с несоответствием объективной стороны диспозиции указанной статьи. В правоприменении ст. 327 УК РФ выявлено несовершенство понятийно-категориального аппарата, а именно отсутствие конкретизации термина «официальный документ» в качестве примечания к статье, что также усложняет применение уголовной нормы о подделках.

Список литературы

1. *Баландин И.В.* О понимании официального документа по статьям 292 и 327 УК РФ для целей квалификации преступлений // Юридический вестник Самарского университета. 2020. №6 (2). С. 63-69.
2. *Бойцова Ж.А.* К вопросу о дифференциации уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 327 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 104-106.
3. *Бойцова Ж.А.* Уголовная ответственность за подделку, изготовление или сбыт документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков: автореф. дисс... канд. юр. наук: 12.00.08. М., 2016. 28 с.
4. *Бойцова Ж.А., Калининская Я.С.* Новеллы уголовного законодательства в сфере оборота официальных документов, печатей, бланков, штампов и государственных наград // Вестник Московского университета МВД России. 2019. №7. С. 98-101.
5. *Ефремова М.А.* Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: автореф. дисс... канд. юр. наук: 12.00.08. М., 2018. 59 с.
6. *Ефремова, М.А.* Уголовная ответственность за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков / М.А. Ефремова // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 35-39.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 N 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324 – 327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371515/ (дата обращения: 05.01.2021).
8. Постановление Куйбышевского районного суда г. Новокузнецка № 1-40/2018 1-534/2017 от 2 февраля 2018 г. по делу № 1-40/2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/cnR9o40whdJt/> (дата обращения: 18.01.2021).
9. Постановление Центрального районного суда г. Волгограда № 1-219/2017 от 22 июня 2017 г. по делу № 1-219/2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/MzgtLqgmnXVL/> (дата обращения: 06.01.2021).
10. Приговор Кайтагского районного суда № 1-1/2018 1-40/2017 от 10 октября 2018 г. по делу № 1-1/2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/8CCKIazM8uIO/> (дата обращения: 03.01.2021).
11. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. №25. Ст. 2954.
12. Федеральный закон от 26.07.2019 № 209-ФЗ «О внесении изменений в статью 327 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 26.07.2019. № 30. Ст. 4111.

References

1. *Balandin I.V.* O ponimanii oficial'nogo dokumenta po stat'yam 292 i 327 UK RF dlya celej kvalifikacii prestuplenij // YUridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2020. №6 (2). S. 63-69.
2. *Bojcovaja ZH.A.* K voprosu o differenciacii ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya, predusmotrennyye st. 327 UK RF // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 2. S. 104-106.
3. *Bojcovaja ZH.A.* Ugolovnaya otvetstvennost' za poddelku, izgotovlenie ili sbyt dokumentov, gosudarstvennyh nagrad, shtampov, pechatej, blankov: avtoref. diss... kand. yur. nauk: 12.00.08. M., 2016. 28 s.
4. *Bojcovaja ZH.A., Kalininskaya YA.S.* Novelly ugolovnogo zakonodatel'stva v sfere oborota oficial'nyh dokumentov, pechatej, blankov, shtampov i gosudarstvennyh nagrad // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. №7. S. 98-101.

5. *Efremova M.A.* Ugolovno-pravovaya ohrana informacionnoj bezopasnosti: avtoref. diss... kand. jur. nauk: 12.00.08. M., 2018. 59 s.
6. *Efremova, M.A.* Ugolovnaya otvetstvennost' za poddelku, izgotovlenie ili sbyt poddel'nyh dokumentov, gosudarstvennyh nagrad, shtampov, pechatej, blankov / M.A. Efremova // Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2015. № 2 (20). S. 35-39.
7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 17.12.2020 N 43 «O nekotoryh voprosah sudebnoj praktiki po delam o prestupleniyah, predusmotrennyh stat'yami 324 – 327.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371515/ (data obrashcheniya: 05.01.2021).
8. Postanovlenie Kujbyshevskogo rajonnogo suda g. Novokuznecka № 1-40/2018 1-534/2017 ot 2 fevralya 2018 g. po delu № 1-40/2018 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://sudact.ru/regular/doc/cnR9o40whdJt/> (data obrashcheniya: 18.01.2021).
9. Postanovlenie Central'nogo rajonnogo suda g. Volgograda № 1-219/2017 ot 22 iyunya 2017 g. po delu № 1-219/2017 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://sudact.ru/regular/doc/MzgTLqgmnXVL/> (data obrashcheniya: 06.01.2021).
10. Prigovor Kajtagaskogo rajonnogo suda № 1-1/2018 1-40/2017 ot 10 oktyabrya 2018 g. po delu № 1-1/2018 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://sudact.ru/regular/doc/8CCKIazM8uIO/> (data obrashcheniya: 03.01.2021).
11. Ugolovnyj kodeks RF ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 30.12.2020) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 17.06.1996. №25. St. 2954.
12. Federal'nyj zakon ot 26.07.2019 № 209-FZ «O vnesenii izmenenij v stat'yu 327 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 26.07.2019. № 30. St. 4111.

Бажанов Станислав Васильевич,

полковник юстиции в отставке, доктор юридических наук, профессор,
академик Петровской академии наук и искусств, Москва,
svb-1956@mail.ru

Малахов Андрей Аркадьевич,

полковник милиции в отставке, доцент кафедры Уголовно-правовых дисциплин,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Владимирский филиал, город Владимир,
forensic.expert@outlook.com

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ СКРЫВШЕГОСЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются правовые вопросы, связанные с расследованием преступлений в форме предварительного следствия и дознания, с приостановлением производства по уголовным делам в случаях объявления подозреваемых и обвиняемых в розыск, а также с избранием в отношении них мер пресечения в ходе розыскной деятельности полномочных субъектов оперативно-розыскных и следственных органов.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, следователь, дознаватель, розыск, розыскная деятельность, приостановление предварительного следствия, мера пресечения, заключение под стражу, уголовно-процессуальное задержание лица в качестве подозреваемого

Stanislav V. Bazhanov,

retired colonel of justice, Doctor of Law, Professor, Academician Peter's Academy of Arts and Sciences, Moscow,
svb-1956@mail.ru

Andrey A. Malakhov,

retired police colonel, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir branch, Vladimir,
forensic.expert@outlook.com

THE EFFECTIVENESS OF MEASURES OF CRIMINAL PROCEDURAL COERCION APPLIED IN RELATION TO THE ABSCONDED SUSPECT AND ACCUSED

Abstract. This article discusses legal issues related to the investigation of crimes in the form of preliminary investigation and inquiry, with the suspension of criminal proceedings in cases of the announcement of suspects and accused persons on the wanted list, as well as with the election of preventive measures against them in the course of the search activities of authorized subjects of operational search and investigative bodies.

Keywords: suspect, accused, investigator, interrogator, search, search activity, suspension of preliminary investigation, preventive measure, placement in custody, criminal procedural detention of a person as a suspect

Догматичное восприятие норм УПК РФ позволяет выделить очевидный факт о необходимости различения таких видов процессуальной деятельности как установление лица, совершившего преступление, и розыск подозреваемого (обвиняемого), являющийся самостоятельным направлением, в том числе и следственной практики [9, С. 41-43].

В данном контексте весьма иллюстративен приказ Следственного комитета Российской Федера-

ции от 31.07.2014 года № 65 «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет». Пункт 1.1 названного нормативного правового акта обязывает руководителей структурных подразделений указанного ведомства принимать исчерпывающие меры к установлению лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности, а также местонахождения подозреваемых и обвиняемых по уголовным делам [1].

Приведенные рекомендации нуждаются в комментариях, поскольку:

– расследуются не уголовные дела, а преступления, о чём разработчики приказа, собственно, и пишут в заключительной части цитируемого абзаца;

– выражение «привлечение к уголовной ответственности» отождествляется здесь с процессуальным актом привлечения в качестве обвиняемого, тогда как указанные термины взаимозаменяемыми не являются;

– в предложенной редакции смешивается разнотипная деятельность следователей по раскрытию преступления и розыску подозреваемого (обвиняемого), чем, как уже отмечалось, уравниваются два обособленных подхода к научной интерпретации института розыска.

В конце XX века многие ученые писали о том, что причиной низкой организации сыскной деятельности является несовершенство (действовавшего на тот период времени. – **авт.**) уголовно-процессуального законодательства. Так, приостановление производства по уголовному делу и объявление обвиняемого в розыск допускалось только в случае неизвестности его места нахождения. Указанный регламент вызывал серьезные возражения, поскольку законодатель связывал обозначенное решение не с достаточной совокупностью доказательств, а с отсутствием таковых, что было крайне неудобно, поскольку не позволяло точно определять момент возникновения у следователя права на приостановление расследования и (одновременно) объявление розыска.

Не спасало положения и установление закона о том, что до приостановления предварительного следствия субъект расследования обязывался принимать всевозможные меры к обнаружению обвиняемого, так как указанная норма была неопределенной и вступала в противоречие с положениями ст. 197 УПК РСФСР, требовавшей их выполнения и после приостановления производства по уголовному делу.

Аналогичные претензии можно высказать к современной трактовке тематически близких (аналоговых) норм УПК РФ, в которых выделяются три основных вида процессуальной деятельности субъектов расследования:

1) Проверка сообщения о любом готовящемся или совершенном преступлении, осуществляемая до возбуждения уголовного дела;

2) Предварительное расследование в форме дознания или предварительного следствия;

3) Производство по уголовному делу после приостановления предварительного следствия.

Отталкиваясь от подобного утверждения, М.В. Бондарева подчеркивала, что законом был урегулирован правовой режим лишь стадии предварительного расследования, а в приложении к уголовным

делам, приостановленным в связи с не установлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, УПК РФ не содержал пояснений на предмет того, в каких нормативных рамках должна осуществляться соответствующая процессуальная деятельность [7, С. 57].

Пункты 1 – 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ раскрывают юридический статус подозреваемого и случаи, когда лицо признаётся таковым; перечислять их в данном контексте нет особой надобности, поскольку они хорошо известны.

Часть 1 ст. 225 УПК РФ провозглашает, что обвинительный акт составляется по окончании дознания. Именно с него (с этого момента) в уголовном процессе появляется обвиняемый по делам, подследственным органам дознания. Это означает, что его розыск можно объявлять только по завершении предварительного расследования. При этом не представляется возможным уяснить, что же следует подразумевать под приостановлением дознания в связи с розыском обвиняемого, поскольку данный акт совпадает с окончанием рассматриваемой досудебной стадии. Конечно, при производстве дознания в розыск может объявляться и подозреваемый, что, тем не менее, ни в коей мере не умоляет, а скорее наоборот, обостряет поднятую здесь проблему.

В УПК РФ чётко не урегулирована и процедура заочного объявления обвиняемого в розыск, то есть сразу же после вынесения постановления о привлечении в качестве такового, но без выполнения обязательных сопутствующих процедур. Нельзя направить такое уголовное дело и в суд с расчетом на то, что тот самостоятельно поручит розыск органам дознания, которые не следует путать с оперативно-розыскными органами. Объясняется сказанное тем, что дознание признаётся оконченным лишь «с лицом» при условии ознакомления последнего с итоговыми процессуальными документами.

Не работают в обсуждаемом русле и положения ст. 224 УПК РФ, поскольку ситуация, когда по уголовным делам органов дознания применяется заключение под стражу в отношении подозреваемого (до «предъявления обвинения»), в прикладной плоскости невозможна. К тому же избирать её после составления заключительного процессуального документа, то есть по окончании дознания, да еще в отношении скрывшегося обвиняемого (о подозреваемом и говорить не приходится), никто, безусловно, не будет.

Статья 224 УПК РФ, в частности, устанавливает, что при невозможности составить итоговый обвинительный документ в срок, предусмотренный её ч. 2, подозреваемому предъявляется обвинение либо избранная мера пресечения отменяется (ч. 3). Данное положение закона уязвимо, поскольку предъявление обвинения по правилам гл. 23 УПК РФ возможно толь-

ко по уголовным делам, подследственным следователям. На практике рассматриваемые противоречия именно так и устраняются, то есть уголовные дела, находящиеся в производстве органов дознания (по предметному признаку) передаются в следственные подразделения.

Однако обвинение, по общему правилу, предъявляется не подозреваемому, а обвиняемому или (просто) лицу, если в отношении оно не применялись меры уголовно-процессуального принуждения, в силу чего становится неясно, чем должны руководствоваться дознаватели в описываемых случаях?

К сказанному следует добавить несовершенство редакции п. 3 ч. 1 ст. 225 УПК РФ, где отмечается, что по окончании дознания дознаватель составляет обвинительный акт, в котором (среди прочего) указываются: ... 3) данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности. Здесь опять-таки не следует забывать о том, что терминологические выражения «привлечение в качестве обвиняемого» и «привлечение к уголовной ответственности» несут различную смысловую нагрузку [14, С. 208].

Что касается обвиняемого, то в указанном качестве лицо вовлекается в уголовный процесс с момента вынесения соответствующего постановления, а по уголовным делам органов дознания, – с момента составления обвинительного акта (обвинительного постановления).

О принятии любого из поименованных процессуальных решений подозреваемому (обвиняемому) становится известно в результате его личного ознакомления с соответствующими процессуальными документами, а также вследствие выполнения следователем (дознавателем) ряда организационно-распорядительных мероприятий, направленных на реализацию плана следственных действий, розыскных мер и, в известных пределах, оперативно-розыскных мероприятий, как-то: предъявление обвинения, избрание меры процессуального принуждения, объявление розыска, направление ходатайства о выдаче скрывшегося за границей подозреваемого или обвиняемого и т.д. [15, С. 375].

О приостановлении предварительного следствия в связи с отсутствием возможности участия в следственных действиях подозреваемого (обвиняемого), место нахождения которого известно, речь заходит в тех случаях, когда объект розыска находится вне пределов Российской Федерации. По данному основанию производство по уголовному делу приостанавливается и тогда, когда следователь знает о месте его нахождения, но лишен возможности профессионального общения с ним.

Часть 5 ст. 208 УПК РФ оговаривает, что до принятия решения о приостановлении предварительного следствия его властный субъект должен осуще-

ствить следственные действия, выполнимые в отсутствие скрывшегося подозреваемого (обвиняемого), а равно предусмотреть целесообразные меры к его розыску. Если в УПК РСФСР наличествовал прямой запрет на производство каких-либо следственных действий за исключением направленных на обнаружение объекта розыска (без возобновления расследования), то в УПК РФ об этом не упоминается вовсе. Но подчеркивается, что процессуальные меры, носящие длящийся характер, продолжают действовать и после приостановления расследования. Не отменяется и избранная ранее мера пресечения, если, конечно, для этого не отпали юридические основания.

Комментируемые установления закона неубедительны; они актуализируют постановку вопроса о том, как следователь может активно осуществлять розыск скрывшегося подозреваемого (обвиняемого), если он не наделен элементарными правами на осуществление поисково-познавательной деятельности?

Означенные теоретико-правовые неопределенности не лучшим образом сказываются на эффективности оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел, провоцируя длительное уклонение от расследования объектов розыска.

Так, при проведении комплекса оперативно-розыскных мероприятий с использованием сил и средств оперативно-поисковых бюро и бюро по специальным техническим мероприятиям МВД России на территории Московской области был задержан некий гражданин «Н» 1991 года рождения, долгое время находившийся в федеральном розыске, инициированном УМВД Ульяновской области за совершение ряда тяжких преступлений, в том числе разбойных нападений¹.

Между тем, по данным многочисленных социологических исследований, специально посвященных изучению приостановленных уголовных дел об убийствах, к раскрытию последних нередко приводило перманентное решение следователя о проверке процессуальным путем «ориентирующей» информации, не полностью отработанной оперативными уполномоченными уголовного розыска, либо вообще проигнорированной ими.

Некоторые ученые уверены в том, что по сравнению с существовавшей до 1961 года практикой прекращения производства по уголовным делам, институт приостановления расследования явился заметным шагом вперед. Однако, следователи и после принятия означенного решения по-прежнему (вынужденно) бездействовали, одной из причин чего являлось сохраняющееся вплоть до настоящего времени противоречие между императивными требова-

¹ По данным ГУУР МВД России. – прим. авт.

ниями закона о необходимости продолжения расследования и его же (закона) запретом на выполнение целевых следственных действий без возобновления производства по делу [2, С. 116-123].

Изложенное обосновывает потребность в глубоко научном осмыслении института розыскного расследования, предлагаемого к легализации в УПК Российской Федерации [6, С. 45-49]. Он предопределяет последующее приобщение наработанных в рамках розыскного расследования процессуальных документов к материалам приостановленного предварительного следствия.

Некоторые авторы факт уклонения подозреваемого (обвиняемого) от следственных органов предлагают криминализировать [10, С. 147]. Достоинство этого подхода состоит в том, что в условиях возбужденного таким образом «нового» производства следователь получает легитимную возможность производить любые следственные действия розыскной направленности с тем, чтобы при достижении ожидаемого результата соединить его с основным в одном производстве.

Теоретически начало розыскной деятельности вполне допустимо и без предварительной квалификации факта уклонения подозреваемого (обвиняемого) от органов предварительного расследования. Однако, отстаивая мнение о целесообразности легализации в УПК РФ розыскного расследования, полезно помнить, как минимум, о трёх принципиальных моментах.

Первое. Основанием для инициирования розыскного расследования должно стать постановление о приостановлении предварительного следствия и одновременном объявлении скрывшегося подозреваемого или обвиняемого в розыск; следует учитывать, что розыскная деятельность может осуществляться параллельно с расследованием.

Второе. Независимо от квалификации преступления, субъекта его совершения и санкции статьи УК РФ в ходе розыскного расследования в отношении скрывшегося подозреваемого (обвиняемого) должно избираться заочно исключительно заключение под стражу. Не так категорично, может быть, данный вопрос подлежит решению при объявлении перечисленных участников уголовного процесса в местный розыск; многочисленные обобщения следственной практики свидетельствуют о том, что обнаруживаются они, главным образом, в регионе своего проживания (регистрации) – области, крае и пр.

Третье. Ограничивать законодательно процессуальные сроки розыскного расследования, по всей видимости, нецелесообразно. Они могут обуславливаться сроками давности привлечения к уголовной ответственности, представляющими собой серьезную правовую проблему, нуждающуюся в глубоко научном (пере-) осмыслении.

Анализ ст. 210 УПК РФ показывает, что устанавливаемый ею регламент розыска подозреваемого (обвиняемого) адресуется, главным образом, следователям, хотя логика нормативного правового регулирования данного вопроса предполагает адекватный сыскной режим и в приложении к уголовным делам органов дознания.

В ч. 1 ст. 97 УПК РФ декларируется, что дознаватель вправе избрать подозреваемому (обвиняемому) одну из мер пресечения, предусмотренную УПК РФ, при наличии достаточных оснований полагать, что рассматриваемый участник уголовного процесса скроется от дознания (п. 1). Выбирая наиболее приемлемую из них дознавателю приходится руководствоваться положениями ст. 99 УПК РФ. К указанному в ней перечню следовало бы добавить и факт уклонения подозреваемого или обвиняемого от органов предварительного расследования, что способствовало бы форматированию типовых (приоритетных) предпосылок к избранию максимально подходящей к описываемым ситуациям меры пресечения в виде (заочного) заключения скрывшегося подозреваемого (обвиняемого) под стражу.

Нельзя не учитывать и того, что ст. 100 УПК РФ предусматривает исключительный режим избрания меры пресечения в отношении подозреваемого (ст. 97 УПК РФ) с учетом обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ. При этом (опять же) обвинение подозреваемому предписывается предъявлять не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения, а если он задерживался [4], а затем заключался под стражу – в тот же срок с момента задержания.

Ситуация усугубляется содержанием ч. 1 ст. 108 УПК РФ, декларирующей, что заключение под стражу применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые санкцией статьи УК РФ предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет. Это правило имеет свои исключения, согласно которым данная мера пресечения может применяться и при санкции статьи УК РФ менее 3-х лет лишения свободы, в том числе и в случае, когда подозреваемый или обвиняемый в совершении преступления скрылся от органов предварительного расследования.

Установления, ориентированные на своевременное пресечение попыток подозреваемых и обвиняемых скрыться от следственных органов, включены также в ст. 97 УПК РФ; в соответствии с ними дознаватель и следователь вправе избрать в отношении названных участников уголовного процесса одну из мер пресечения при наличии оснований полагать, что указанные участники уголовного процесса (среди прочего) скроются от дознания и предварительного следствия (п. 1)

Заметим, что в перечисленных нормах применение меры пресечения к потенциальным объектам розыска толкуется в качестве превентивного средства. О возможности избрания таковой в отношении уже скрывшегося подозреваемого или обвиняемого говорится исключительно декларативно.

При избрании заключения под стражу в постановлении суда должны указываться обстоятельства, на основе которых он принял такое решение. Ими не могут быть результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в нарушение ст. 89 УПК РФ. Однако указанная статья, в свою очередь, несовершенна, если не сказать несостоятельна; в приложении к ней правомерен вопрос: как в ходе оперативно-розыскной деятельности можно получить результаты, отвечающие требованиям, предъявляемым УПК РФ к доказательствам? [3, С. 6-8].

Как видим, в обсуждаемых нормах не описываются следственные ситуации, связанные с избранием мер пресечения в отношении подозреваемых или обвиняемых, объявляемых в розыск, что следует считать серьезной недоработкой законодателя.

Часть 4 ст. 108 УПК РФ обращает внимание на то, что неявка без уважительных причин сторон, извещенных о времени предстоящего судебного заседания, не препятствует рассмотрению ходатайства о заключении обвиняемого под стражу, за вычетом его неявки.

Часть 5 ст. 108 УПК РФ развивает вышеприведенные установления, декларируя, что принятие означенного судебного решения допускается лишь в случае объявления обвиняемого в международный или межгосударственный розыск. Тем самым, как не сложно заметить, игнорируется аналогичный правовой регламент в отношении розыска местного, а равно федерального.

В отдельных комментариях к теме, вынесенной в заголовок настоящей статьи, некоторые ученые от-

стаивают мнение о необходимости неукоснительного соблюдения судами при заключении подозреваемых (обвиняемых) под стражу их прав и законных интересов, гарантированных ст. 22 Конституции Российской Федерации. Надо заметить, что отмеченная норма Основного закона ориентирована на соблюдение прав и свобод человека, гражданина и личности (вообще), а не той незначительной их части, которая вовлекается в орбиту уголовно-процессуальных правоотношений.

О том, что подозреваемый или обвиняемый собирается скрыться за пределами Российской Федерации, может свидетельствовать, в частности, подтвержденный факт продажи им принадлежащего ему имущества, наличия за рубежом самостоятельных источников доходов, отсутствия на родине постоянного места жительства и устоявшихся социальных связей.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что УПК РФ должен включать в себя установления о применении в отношении скрывшегося подозреваемого (обвиняемого) лишь одной меры пресечения – заключения под стражу; вне зависимости от тяжести преступления, субъекта его совершившего, санкции статей УК РФ и т.д. Подобная организация сыска значительно упростит этапирование объекта розыска к инициатору последнего, сведя к минимуму потенциально неизбежные, но реально сопутствующие ему нарушения законности, обильно проявляющиеся в существующей не один десяток лет оперативно-следственной практике.

В условиях массового производства по уголовным делам не исключается, конечно, и добросовестное заблуждение субъектов расследования (розыска) относительно степени вины и реальных причин уклонения подозреваемых (обвиняемых) от оперативно-розыскных и следственных органов. В таких исключительных ситуациях не возбраняется включение правовых механизмов реабилитации пострадавших (гл. 18 УПК РФ).

Список литературы

1. Приказ Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 31.07.2014 № 65 «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет» // СПС Консультант Плюс.
2. *Бажанов С.В.* Групповой метод расследования как способ повышения эффективности предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1990.
3. *Бажанов С.В.* Семантическая несостоятельность термина «недопустимые доказательства» // Российский следователь. 2007. № 17.
4. *Бажанов С.В.* Тактико-правовые основы уголовно-процессуального задержания и допроса лица в качестве подозреваемого: учебное пособие. М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2009.
5. *Бажанов С.В.* Розыскная деятельность следователя (по обнаружению скрывшихся от следствия подозреваемых, обвиняемых): учебное пособие. М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2010.
6. *Бажанов С.В.* Историко-теоретические предпосылки к легализации в российском уголовно-процессуальном законодательстве института розыскного расследования // Российский следователь. 2016. № 8.
7. *Бондарева М.В.* К вопросу о характере деятельности следователя по приостановленному делу // Проблемы расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: материалы межвузовского научного семинара 13 ноября 2008 г. М.: Академия управления МВД России, 2008.
8. *Гранкин К.Б.* О роли органов следствия и дознания в розыске обвиняемых, местонахождение которых неизвестно // Предварительное следствие в условиях правовой реформы: сборник научных трудов. Волгоград, ВСШ МВД СССР, 1991.

9. Доля Е.А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Российская юстиция. 1995. № 5.
10. Касаткина Е.А. Розыск обвиняемого в уголовном процессе Российской Федерации: дис....канд. юрид. наук. Н. Новгород, НА МВД России, 2004.
11. Комлев Б.А. Раскрытие умышленных убийств по делам, приостановленным в случае не-установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого: автореф. дис... канд. юрид. наук. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1998.
12. Лавров В.П. Общие положения организации и методики расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: дис... доктора юрид. наук. М.: Академия МВД СССР, 1980.
13. Титов С.М., Титова Е.С., Джикия В.К., Ваганов С.В. Организация розыска лиц, совершающих преступления в сфере грузовых перевозок // Проблемы расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: материалы межвузовского научного семинара 13 ноября 2008 г. М.: Академия управления МВД России, 2008.
14. Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. М.: Зерцало, ТЕИС, 1996.
15. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2002.

References

1. Order of the Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation No. 65 of 31.07.2014 "On the organization of work on the investigation of criminal cases of crimes of past years" // SPS Consultant Plus.
2. Bazhanov S. V. Group method of investigation as a way to increase the effectiveness of the preliminary investigation: dis.... cand. jurid. M.: VYUZSH MVD SSSR, 1990. pp. 116-123.
3. Bazhanov S. V. Semantic inconsistency of the term "inadmissible evidence" // Russian investigator. 2007. No. 17. S. 6-8.
4. Bazhanov, S.V., Tactical and legal basis of criminal procedure of the detention and interrogation of a person as a suspect: a tutorial. Moscow: Academy of economic safety of the MIA of Russia, 2009.
5. Bazhanov S. V. Investigation of the investigator (detection hiding from the investigation of suspects): textbook. M.: Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010.
6. Bazhanov S.V. Historical and theoretical prerequisites for legalization in the Russian criminal procedure legislation of the Institute of Investigative Investigation // A Russian investigator. 2016. no. 8. P. 45-49.
7. Bondareva M.V. On the nature of the investigator's activity in the suspended case // The problems of the investigation of unsolved crimes of the past years: materials of the interuniversity scientific seminar on November 13, 2008 M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2008. P. 57.
8. Grankin K.B. On the role of bodies of investigation and inquiry in the search for the accused, the whereabouts of which is unknown // Preliminary investigation in terms of legal reform: collection of scientific works. Volgograd, vssh MVD of the USSR, 1991. P. 128, 129.
9. Dolya E.A. Using the results of operational-investigative activities in proving criminal cases // Russian Justice. 1995. No. 5. pp. 41-43.
10. Kasatkina E.A. Search for the accused in the criminal process of the Russian Federation: dis.... kand. jurid. Sciences. N. Novgorod, the Ministry of internal Affairs of Russia, 2004. P. 147.
11. Komlev A.B. Disclosure of homicides for, suspended in the establishing of the person subject to prosecute as the accused: author. dis. kand. jurid. Sciences. Moscow: all-Union Institute for the study of the causes and develop measures to prevent crime, 1998. P. 18.
12. Lavrov V.P. General provisions of the organization and methods of investigation of unsolved crimes of past years: dis ... doktor jurid. Sciences. M.: Akademiya MVD USSR, 1980. P. 70, 71.
13. Titov S.M., Titova, E. S., Jikia V. K., Vaganov V. tracing the perpetrators of crimes in the sphere of freight transportation // Problems of the investigation of unsolved crimes of the past years: materials of the interuniversity scientific seminar on November 13, 2008 M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2008. P. 359-367.
14. Criminal process: textbook for students of law universities and faculties / ed. by K. F. Gutsenko. M.: Zertsalo, TEIS, 1996. p. 208.
15. Criminal process: textbook / ed. by V. P. Bozhev. 3-e Izd., Rev. and EXT. M.: Spar

Базылев Владимир Николаевич,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры Общегуманитарных дисциплин и теории и истории государства и права, АНО ВО Институт деловой карьеры, профессор Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, главный эксперт Лаборатории экспертных исследований и ситуационного анализа «ЛЭКСАН», Москва,
v-bazylev@inbox.ru

КОНТРАТИПИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИИ В МАСС-МЕДИА КАК ОБЪЕКТ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу нового феномена в современных российских масс-медиа – контратипированной информации, используемой в противоправных целях при создании конфликтогенных текстов. Обсуждается необходимая эволюция методов юрлингвистической экспертизы в меняющихся условиях масс-медийного пространства. Представлен опыт и практические рекомендации проведения судебной лингвистической экспертизы контратипированной информации, затрагивающей честь, достоинство и деловую репутацию личности. Результаты исследования позволяют констатировать, что сугубо лингвистические категории события и оценки, которые до сих пор присутствуют в подавляющем большинстве экспертиз и являются традицией, удерживающейся с 90-х годов прошлого века, необходимо последовательно трансформировать в принципиально важные для юриспруденции категории факта и мнения, от различения которых зависит квалификация тех или иных высказываний как соответствующих/не соответствующих действительности. Констатируется, что в таком случае экспертизе подвергается (речевое) средство, но не (речевое) действие, каковым является речевой акт, который в современной лингвистике рассматривается как полноценная деятельность со всеми ее компонентами – мотивом (намерением, интенцией), целью, способами и средствами осуществления, результатом. Презумпции лингвиста-эксперта должны методически ориентировать его на поиски ответа на вопрос: может ли то или иное языковое средство оскорблять, порочить честь, достоинство и деловую репутацию, что в большей степени соответствует юридическим презумпциям.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, контратипированная информация, конфликтогенные тексты, достоверность вывода, стандартизация вывода.

Vladimir N. Bazylev,

Doctor of Letters, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian Disciplines and Theory and History of State and Law, Institute of Business Career, Professor of the National Research University Higher School of Economics, Chief Expert of the Laboratory of Expert Research and Situational Analysis "LEKSAN", Moscow,
v-bazylev@inbox.ru

INFORMATION COUNTER-TYPING IN MASS MEDIA AS AN OBJECT OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE

Abstract. The article is devoted to the analysis of a new phenomenon in modern Russian mass media – information counter-typing used for illegal purposes in the creation of conflictogenic texts. The necessary evolution of the methods of legal linguistic expertise in the changing conditions of the mass media space is discussed. The experience and practical recommendations of conducting a forensic linguistic examination of the information counter-typing affecting the honor, dignity and business reputation of an individual are presented. The results of the study allow us to conclude that a purely linguistic category of events and assessments that are still present in the vast majority of expertise and are a tradition held since the 90-ies of the last century should be transformed into a fundamentally important legal categories of fact and opinion, from the differentiation of which the qualification of certain statements as relevant / not relevant fact depends. In this case, the examination is subject to (speech) means, but not (speech) action, which is a speech act, which in modern linguistics is considered as a full-fledged activity with all its components -motive, intention, goal, methods and means of implementation, result. The presumptions of an expert should methodically guide him to find an answer to the question: whether a particular language means can offend, discredit honor, dignity and business reputation, which is more consistent with legal presumptions.

Keywords: forensic linguistic expertise, information counter-typing, conflictogenic texts, reliability of the conclusion, standardization of the conclusion

Контратипирование информации в масс-медиа – это один из приемов, связанных сегодня, помимо прочего, с продвижением в глобальном пространстве Интернета сведений, порочащих честь и достоинство конкретной личности или ее деловую репутацию. Последнее, безусловно, оказывается связанным в сфере права с практикой судопроизводства. В этом случае необходимым становится обращение к лингвистической экспертизе, которая в подобных делах характеризуется повышенной сложностью. Как мы неоднократно указывали в своих публикациях, «правовая защита имеет много субъективизма и еще больше оценочных моментов. Практика защиты деловой репутации, чести и достоинства сталкивается с проблемой «слова», которое нужно истолковать, осмыслить, соотнести с ограничениями, предусмотренными действующим законодательством. При этом нужно учитывать тот непреложный факт, что за тридцать лет, прошедших с момента теоретического осмысления практики судебной лингвистической экспертизы по названной категории дел и формулирования первых практических рекомендаций», в разработке которых принимал участие автор [5], многое изменилось не только в законодательстве страны, не только в накоплении экспертами практического опыта, но также, как справедливо констатирует М. Осадчий, в функционировании глобальных масс-медиа [4, с. 5-7].

Настоящий материал посвящен обсуждению опыта проведения судебной лингвистической экспертизы контратипированной информации, затрагивающей честь, достоинство и деловую репутацию личности.

Поясним термин: контратипировать означает «изготавливать дубликат для дальнейшего размножения или создания спецэффектов». То есть, речь идет о практике дублирования (иначе, контратипирования) друг друга отдельными источниками информации, которое грозит определенными дисфункциями адресату, а именно, измененными состояниями сознания вплоть до индуцированных индивидуальных психозов.

Все дело в том, что технические возможности обеспечения процессов коммуникации в реальном времени позволяют, как мы об этом писали, исследуя феномен агрессивности современного информационного пространства, «целенаправленно воздействовать на расширение области коммуникации, используя, в частности, многократные акты повторения одной и той же информации, оформленной с языковой точки зрения в разных жанрах. В условиях глобальных информационных процессов этот прием используется для максимального усреднения интерпретации смыслов знаковых систем сообщений участниками трансляции информации» [1, с. 198 сл.].

В качестве иллюстрации к сказанному выше назовем бытование в Интернете популярного российского сайта compromat.ru с собранием различного компро-

мата, руководителем которого является Сергей Горшков. Позиционируется этот сайт в качестве свободной библиотеки и существует с 1999 года. В 2010 году сайт был куплен у Горшкова компанией Neive Limited, принадлежавшей частному инвестору Андрею Рутбергу.

В основном контент сайта составляют перепечатки различной компрометирующей информации на разных видных деятелей политики, бизнеса, медиапространства со ссылкой на первоисточник.

Сегодня можно констатировать, что за двадцать лет сугубо информационный приоритет Интернета постепенно вытесняется откровенно пропагандистским, наступательным, а иногда и агрессивным подходом. Самым первым опытом стала в свое время серия так называемых «Когтей» – публикаций компромата в сети на рубеже нулевых, когда каждый новый вброс сенсационных материалов комментировался оффлайновыми средствами массовой информации. Сайт «Коготь», содержащий компромат на ряд видных российских политиков, довольно быстро исчез, однако его воздействие было достаточно эффективным. Приведем серию лингвистических иллюстраций по вторичным источникам: «на выборах губернатора Свердловской области в 2000 году команда конкурента Росселя мэра Екатеринбурга А. Чернецкого оплатила статью одной из районных газет, где предлагалось для тевтонской твердости убрать из фамилии мягкий знак; в ответ в Интернет был помещен сайт, где А. Чернецкому рекомендовалось сменить букву «р» на «г», чтобы не огорчать местных сионистов. Этот текст был распространен в местных газетах, на телевидении и радио» [6, с. 280].

Сегодня технология компромата постепенно перемещается из столицы на периферию. Местные участники предвыборных кампаний используют московские новшества с размахом. По тем же вторичным источникам можно проследить, «как в феврале 2011 года по электронной почте в редакции СМИ города Самары за полгода до выборов мэра этого города были разосланы сообщения, содержащие адреса страниц в Интернет, на которых, как оказалось, размещались так называемые аналитические записки с вариантами предвыборных сценариев. В одной из них за подписью некоего самарского политолога с целью политической раскрутки одного из вероятных кандидатов предлагалось организовать в Самаре на Пасху искусственный энергетический кризис с выключением света, остановкой метрополитена и наземного электрического транспорта. А затем поднять в областных СМИ рейтинг ликвидатора данной региональной энергетической катастрофы. Все названные на этой интернетовской странице действующие лица отвергли какую бы то ни было причастность к появлению в Сети провокационного сценария» [2, с. 131-132].

Как считает А.В. Дмитриев, «Интернет становится в первой четверти третьего тысячелетия все более

эффективным инструментом неформальной политической борьбы. А в связи со снижением суммарной доли пользователей Сети Москвы и Петербурга (10% – 20%) и ростом аудитории периферийных районов, тенденция к использованию «грязных» методов и технологий в ближайшее время сохранится» [3, с. 140]. К сожалению, проблемы регулирования в этой сфере информации сегодня так же далеки от своего правового разрешения, как и двадцать лет назад. Сошлемся на пример системы СОРМ («система технических средств по обеспечению оперативно-розыскных мероприятий»), которая призвана обеспечить объем информации, передаваемой и принимаемой пользователем. Рассматривая жалобы последних, Верховный Суд первоначально признал не соответствующим нормам законодательства приказ Минсвязи Российской Федерации о внедрении этого комплекса. Мотивировка Суда состояла в том, что приказ не прошел регистрацию в Минюсте. Позже спецслужбы все же зарегистрировали этот приказ и ввели в действие СОРМ.

Касаемо упомянутого выше сайта (compromat.ru), единственное, что удалось Роскомнадзору, так это в 2014 году внести ряд страниц данного сайта в реестр запрещенных из-за решения Октябрьского суда Белгорода. Сайт блокировался на территории России в 2008 и 2012 году. Неоднократно подвергался атакам и был недоступным для пользователей. В апреле 2017 года снова по решению суда был ограничен доступ лишь к отдельным страницам сайта. 14 сентября 2017 года «compromat.ru» был снова заблокирован в России. При том, что сайт Compromat.net оставался при этом доступен. До сегодняшнего дня трудно и долго добиваться решения об удалении информации из поисковиков через суд. Согласно статистике «Яндекса», после вступления в силу закона о праве на забвение в 2016-2017 годах компания удовлетворила 27% обработанных обращений. Отдельного внимания правоохранительных органов требуют сегодня к себе сайты-однодневки с компроматом разной степени правдивости — квинтэссенция индустрии fake news. В последнем случае речь идет о информационной мистификации или намеренное распространение мизинформации в социальных медиа и традиционных СМИ с целью введения в заблуждение, для того чтобы получить финансовую или политическую выгоду. Авторы поддельных новостей часто используют броские заголовки или полностью сфабрикованные истории для увеличения читательской аудитории и цитируемости. Прибыль при этом формируется аналогично принципам кликбейтинга и являет собой доход от рекламы, который генерируется независимо от достоверности опубликованных материалов. Легкий доступ к Ad-revenue, усиление политической поляризации общества и повсеместность социальных сетей обусловили распространение фальшивых новостей.

Возможности анонимного хостинга сайтов, на которых публикуются анонимные или псевдонимные авторы, затрудняют законное преследование таких источников за дезинформацию или клевету. К сожалению, правовое регулирование названного социального явления оставляет желать лучшего. Несмотря на существование пакета федеральных законов от 18 марта 2019 года о запрете фейковых новостей, т.е. публикации недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом правдивых сообщений. Законы 31-ФЗ и 30-ФЗ были подписаны президентом Владимиром Путиным 18 марта 2019 года и вступили в силу 29 марта 2019 года. Законы устанавливают лишь административную ответственность за распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создавшее угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, если эти действия лица, распространяющего информацию, не содержат уголовно наказуемого деяния (часть 9 статьи 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). Санкции, предусматриваемые новым законом, предполагают блокировку ресурсов с фейковой информацией (сайт, аккаунт в соцсети и т.п.), а также систему штрафов в размере от 100 до 500 тыс. руб. При этом, в соответствии с нынешней практикой, для блокировки ресурса не требуется решение суда. Предписание направляется в Роскомнадзор (далее – РКН) органами прокуратуры (генеральный прокурор или его заместители), а РКН требует от редакции/владельцев ресурса в течение суток удалить фейковую информацию. В противном случае ресурс блокируется. Доступ возобновляется после того, как владельцы ресурса удалят неподобающий контент, а надзорное ведомство удостоверится в этом.

На этом фоне становятся понятными все те проблемы, сложности и риски, с которым сталкивается сегодня судебная лингвистическая экспертиза. Обратимся к анализу конкретного материала. Речь пойдет о недавнем опыте автора: об обращении к экспертной организации со стороны одного из подразделений Управления уголовного розыска ГУ МВД России по Москве о проведении лингвистического исследования, т.е. о проведении исследования по вопросам, поставленным перед экспертом физическим или юридическим лицом, являющимся стороной по делу во вне-

судебном порядке. Эту сторону интересовал ответ на следующие вопросы: 1) Содержится ли в представленных материалах негативная информация о лицах А. и Б.? Если да, то в какой форме она выражена: утверждения о фактах, оценочного суждения, предположения, мнения и т.д.? 2) Содержатся ли в представленных материалах лингвистические признаки унижения А. и Б.? Если да, то выражены ли они в неприличной форме? 3) Содержат ли прилагаемые публикации или какие-либо их части лингвистические признаки речевого жанра «вымогательство»? В положительном случае указать данные публикации или их части. На исследование были представлены копии скриншотов с Интернет-сайта *compromat.ru* на 46 листах.

Исходя из обсужденных выше теоретических предпосылок, можно предложить серию практических рекомендаций по организации и проведению лингвистического исследования, а именно, опытный образец лингвистического исследования – языковой материал и аналитическая процедура¹.

Указать прежде всего следует на то, что анализируемые тексты были размещены на Интернет-сайте *compromat.ru*, в подкасте «Весь сор в одной избе. Библиотека компромата». Исследование рекомендуется начинать с определения жанровой принадлежности текстов в целом. Наименование сайта в целом и подкаста в частности имеет однозначное языковое значение – собрание компрометирующего конкретного человека материала, т.е. информацию, описывающую негативные с точки зрения общественной морали, нравственности, а также с правовой точки зрения факты деятельности конкретного человека.

Тем самым, все тексты, по мнению М.С. Чаковской, «сознательно помещаются адресантом (автором, составителем) в охватывающий их контекст (т.н. принудительную пресуппозицию), формируя у адресата (читателя) однонаправленный вектор понимания информации: разоблачение людей, опорочивших себя в глазах общества неблагоприятными поступками» [8, с. 22-23]. Информация в текстах оформлена как фактическая, т.е. соответствующая реальной действительности за счет использования следующих лингвистических средств:

- за счет именованых источников «документами», т.е. облеченными в письменную форму носителей информации, удостоверяющих наличие фактов определенного значения:

А. <...> опубликовал служебные документы о сделке <...>, которые он похитил используя свое служебное положение...

- за счет ссылки на публикации журналистов:

Журналисты, опубликовавшие по его просьбе данный материал...

- за счет ссылки на информацию от правоохранительных органов:

Мотивом преступления правоохранительные органы считают кражу А. служебных документов из Организации «В»... У правоохранительных органов появилась информация о возможном заказном убийстве А. ... По сведениям, полученным от лиц близких к следствию, заказчиком является бывший руководитель Организации «В» г-н Б.

- за счет прямого употребления в тексте слова «фактический», т.е. соответствующий фактам:

Фактически Б. купил за государственные деньги объекты недвижимости без документов...

- за счет ссылки на слова конкретного человека: *... так заявил сам А...*

Предъявляемая адресату (читателю) информация исключает возможность двоякого истолкования ее смысла: информация представлена в грамматической форме повествовательного предложения, ее истинность (возможность верификации) реализуется за счет следующих лингвистических средств: именованых источников информации документами, ссылки на публикации, ссылки на источники информации из правоохранительных органов, ссылки на слова конкретного человека, употребление слова «фактический». Это значит, что информация в текстах выражена в форме утверждения.

Качественная информация о личности А. и Б. в текстах выражается словами, которые в настоящий момент в современном русском языке имеют отрицательную коннотацию, т.е. дополнительные смысловые оттенки значения слова, устойчиво связанные с основным значением в сознании носителей языка, предназначенные для выражения эмоциональных или оценочных оттенков высказывания и отображения культурных и правовых традиций общества.

К ним относятся конкретные слова и словосочетания современного русского языка: *шантаж, ОПГ (организованная преступная группировка), заказать убийство, получить взятку, подвести под уголовное дело* (т.е. без оснований обвинять кого-либо в преступлении):

А. путем шантажа намеревался получить с В. 20 млн долларов ... . Это означает, что негативно характеризуется А. (шантажист), и В. (как человек, совершивший некий дурной поступок, который дает повод для шантажа).

Г-н Г. ... через своего советника А.... создал в городе Н-ске ОПГ для решения бизнес задач, в том числе устранения деловых партнеров...

Б. заказал убийство А.... (заказчик/инициатор убийства человека в традиционной культуре оценивается негативно).

¹ В целях придания языковому материалу инвариантного характера научного объекта исследования он переформатирован в безличную форму.

Г. и Б. получили взятку за закрытие уголовного дела против А. (получение взятки оценивается негативно и в традиционной культуре, и в сфере современного права, что по умолчанию известно адресату информации, размещенного на сайте, это фрагмент т.н. обыденного знания).

А. подвел М. под уголовное дело.

Это значит, что при упоминании в тестах А. и Б. адресант (автор, составитель) употребляет слова и словосочетания: *шантаж, ОПГ, заказать убийство, получить взятку, подвести под уголовное дело*, – для создания (порождения) негативной информации в форме утверждения.

Тексты содержат информацию, в которых дается негативная оценка конкретных личностей – А. и Б. – в форме констатации их неполноценности, наличия отклонений от нормы, присутствующей по умолчанию в общественном сознании. Демонстрация негативной оценки личности и неуважения носит публичный характер осуждения. Информация выражена следующими лингвистическими средствами:

- словами: *крыса* (слово из тюремного жаргона перешедшее в современный разговорный русский язык) – «человек, обворовывающий друзей или подельников»;

Б. привел в Организацию «В» крысу... (при этом негативная оценка деятельности относится в равной мере как к субъекту, так и к объекту деятельности; негативно оценивается поступок того, «кто привел», и того «кого привели»).

- описанием негативных действий или их последствий для других людей

А. рассказал, как по указанию своего руководителя... организовал уголовное преследование его партнера Д... Кому заносил взятки, какие силовые структуры были задействованы. В глаза бросается факт издевательства над Д... Сотрудники СИЗО г. Н-ска за деньги, которые им передавал А. заставляли Д. мыть другие камеры, сажали в карцер, инициировали издевательства других заключенных по отношению к Д., угрожали изнасилованием...

- характеристикой личности как «плохого отца», т.е. личности, не справившейся с одной из основных социальных обязанностей с точки зрения нормально общества (ценностной пирамиды по Маслоу):

Появилась информация, что старшая дочь А. сама заказала его убийство, пообещав расплатиться частью наследства которое она получит после смерти папы (обращает на себя внимание употребление разговорного слова «папа» вместо литературного «отец», что в данном контексте придает высказыванию издевательский (за счет сниженного стилистического регистра) характер и соотносится в общем контексте с теми текстами, которые описывают «издевательства и унижения» партнеров про биз-

несу, т.е. создают одну из сквозных тем всей серии текстов об А.).

- описание негативного с точки зрения традиционной морали поведения в т.ч. сексуального;

- описание социальной деформации личности и деформации ее социального статуса (снижение социального статуса вплоть до его элиминирования за счет попыток неадекватного сексуального поведения в отношении признанных и уважаемых в обществе политических лидеров), в массовом общественном сознании это описывается как «козел отпущения».

Тексты, предъявляемые адресату (читателю), негативные оценочные характеристики личности, описание негативных действий конкретных личностей и их последствий для других людей, характеристику личности, как не справившейся с выполнением своих социальных обязанностей по отношению к обществу, и характеризующейся девиантным сексуальным поведением с точки зрения общественной морали. Это значит, что в тестах есть лингвистические признаки унижения личности А. и Б.

Все анализируемые тексты аранжированы в три жанровые группы: публицистические тексты, тексты стихотворные и комментарии.

Тексты стихотворные и тексты-комментарии являются в данном контексте вторичными (несамостоятельными) текстами.

Стихотворные тексты и тексты комментариев повторяют по языковой форме (лингвистически) и по содержанию публицистические тексты, которые являются первичными. Например:

- публицистический текст: *А... бизнес которого всю жизнь строился по одной схеме – нагнуть-получить...*

- стихотворный текст: *Подписал он мне указ,|| чтобы нагибал я вас...*

- комментарий: *А. Знаю больше 15 лет. Хочешь заработать? А. конечно хочу. Надо предать друга за деньги. А. Без проблем.*

Стихотворные тексты и комментарии в основном содержат гиперболизированную (художественно преувеличенную) информацию о девиантном сексуальном поведении личности А. и Б. Выражена информация на литературном языке. Имеющиеся дисфемизмы являются жанровым признаком сатирического произведения и признаком авторского идиостиля.

Таким образом, в данном случае имеет место быть т.н. конратипирование информации в Интернет-пространстве, т.е. изготовление по определенному шаблону дубликата информации с жанровыми вариациями (в данном случае – публицистика, сатирическое стихотворение, комментарии) для дальнейшего размножения или создания спецэффектов, в т.ч. создания эффекта вариативности информационного пространства. Данный эффект достигается, в том

числе, за счет компактного во времени размещения информации в Интернет-пространстве: тексты публицистические опубликованы в течение одного месяца, стихотворные – одной недели, комментарии – одной недели. Подобная вариативность и компактность преследует, в том числе, по мнению Д.Л. Спивака, следующую цель: «используя лингвистические средства, ввести адресата (читателя) в измененные состояния сознания» [7].

При этом, в текстах отсутствуют требования передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких. Тем самым, это означает, что в текстах нет лингвистических признаков речевого жанра «вымогательство».

В заключении следует указать на то, что сугубо лингвистические категории события и оценки, которые до сих пор присутствуют в подавляющем большинстве экспертиз и являются традицией, удерживающейся с 90-х годов прошлого века, необходимо последовательно трансформировать в принципиально

важные для юриспруденции категории факта и мнения, от различения которых зависит квалификация тех или иных высказываний как соответствующих/не соответствующих действительности. Необходимость объективного экспертного анализа конфликтогенных текстов, подобных разобранным выше, обуславливает постановку вопроса о методике их исследования. Традиционно используемые в юрислингвистической экспертизе методы исследования текста применительно к конфликтогенному тексту, на наш взгляд, не всегда приводят к достоверным результатам. Принятая логика суда и экспертизы исходит из презумпций классической (структурной, системной) лингвистики, а именно результат воздействия конфликтогенного текста оценивается не по самому воздействию, а по его возможности. Презумпции лингвиста-эксперта направляют его на поиски ответа на вопрос: может ли то или иное языковое средство оскорблять, порочить честь, достоинство и деловую репутацию, и это соответствует юридическим презумпциям. По существу, в таком случае экспертизе подвергается (речевое) средство, но не (речевое) действие, каковым является речевой акт, который в современной лингвистике рассматривается как полноценная деятельность со всеми ее компонентами – мотивом (намерением, интенцией), целью, способами и средствами осуществления, результатом.

Список литературы

1. *Базылев В.Н.* Агрессивность современного информационного пространства// Человек. Культура. Образование. Научно-образовательный и методический журнал. – 2015. – № 2. – С. 198-208.
2. *Дмитриев А.В., Латыпов В.В., Яковлев И.Г.* Политика, политология, Интернет. – М.: Современный гуманитарный университет, 2012. – 103 с.
3. *Дмитриев А.В., Макарова И.В.* Неформальная коммуникация. Очерки теории и практики. – М.: Современный гуманитарный университет, 2013. – 167 с.
4. *Осадчий М.А.* «Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи». – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 256 с.
5. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации: коллективная монография/ Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А./под ред. А.К. Симонова, А.Р. Ратинова. – М.: Изд-во «Права человека», 1997. – 128 с.
6. *Скрипюк И.И.* Кодирование и декодирование значения в рекламном обращении// Век информации. – 2017. – № 2. – С. 280-281.
7. *Спивак Д.Л.* Лингвистика измененных состояний сознания. – Л.: Наука, 1986. – 92 с.
8. *Чаковская М.С.* Текст как сообщение и воздействие. – М.: Высшая школа, 2016. – 128 с.

References

1. *Bazylev V. N.* Aggressiveness of the modern information space// Culture. Education. Scientific, educational and methodical journal. – 2015. – No. 2. – pp. 198-208.
2. *Dmitriev A.V., Latypov V. V., Yakovlev I. G.* Politics, Political Science, Internet. – Moscow: Modern Humanitarian University, 2012. – 103 p.
3. *Dmitriev A.V., Makarova I. V.* Informal communication. Essays on Theory and Practice. – Moscow: Modern Humanitarian University, 2013. – 167 p.
4. *Osadchy M. A.* Russian language on the verge of law: Functioning of the modern Russian language in the conditions of legal regulation of speech. – Moscow: LIBROKOM, 2012. – 256 p.
5. The concept of honor and dignity in the texts of the law and the media/ Bazylev V. N., Belchikov A. Yu., Leont'ev A. A., Sorokin Yu. A., ed. by A. K. Simonov, A. R. Ratinova. – Moscow: Publishing House «Human Rights», 1997. – 128 p.

6. *Skripuk I.I.* Encoding and decoding of the value in an advertising appeal//The age of information. – 2017. – No. 2. – pp. 280-281.
7. *Spivak D.L.* Linguistics of altered states of consciousness. – Leningrad: Nauka, 1986. – 92 p.
8. *Chakovskaya M.S.* Text as a message and impact. – Moscow: Higher School, 2016. – 128 p.

Егоров Вадим Алексеевич,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права, процесса и криминалистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, город Липецк, vadim.egorov.68@bk.ru

Макаров Иван Николаевич,

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью, АНО ВО Институт деловой карьеры, Москва, excellennzz@gmail.com

Иванова Виктория Игоревна,

старший лейтенант юстиции, следственное управление МВД по городу Липецку, город Липецк

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА МЕСТАМИ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируется деятельность общественных наблюдательных комиссий. Деятельность данного общественного института направлена на защиту прав и законных интересов лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, а также на совершенствование системы исполнения уголовных наказаний в местах лишения свободы при проведении проверок членами данных комиссий, которые направлены, во-первых, на предупреждение и, во-вторых, на выявление нарушений законности и соблюдения прав лиц, отбывающих наказание. В работе исследуются положения нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность нового общественного института, который направлен на взаимодействие между Федеральной службой исполнения наказаний и обществом.

Ключевые слова: места лишения свободы, права осужденных, законные интересы лиц в местах лишения свободы, общественная наблюдательная комиссия, члены общественной наблюдательной комиссии

Vadim A. Egorov,

PhD in Pedagogic, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk, vadim.egorov.68@bk.ru

Ivan N. Makarov,

Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Management, Advertising and Public Relations, Institute of Business Career, Moscow, excellennzz@gmail.com

Victoria I. Ivanova,

Senior Lieutenant of Justice, Investigation Department of the Ministry of Internal Affairs in the city of Lipetsk, Lipetsk

PUBLIC CONTROL OVER PLACES OF FORCED DETENTION: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Abstract. The article analyzes the activities of public monitoring commissions. The activities of this public institution are aimed at protecting the rights and legitimate interests of persons serving a sentence of imprisonment, as well as improving the system of execution of criminal penalties in places of forced detention, performing their duties, preventing and detecting violations of the law in their activities, as well as respecting the rights of detainees. The article examines the provisions of normative legal acts regulating the tasks of public control, the procedure for creating and some aspects of the functioning of public monitoring commissions in the Russian Federation.

Keywords: public control, public organization, penal enforcement system, convict, correctional institutions, public monitoring commissions

Есть ли у заключенных права? Конечно есть! Однако в средствах массовой информации постоянно размещается информация о нарушении прав заключенных [20].

Учитывая, что уголовно-исполнительная система РФ (далее – УИС) является в силу своей специфики (исполнение уголовных наказаний) закрытым институтом, где по состоянию на 1 февраля 2021 года в местах лишения свободы содержалось 478 714 человек [5], то самым эффективным и действующим общественным элементом по контролю за соблюдением прав и законных интересов осужденных в местах принудительного содержания (далее – МПС) являются представители самого общества, члены Общественной наблюдательной комиссии (далее – ОНК) за местами принудительного содержания [7].

Общественные наблюдательные комиссии созданы в соответствии с Федеральным законом от 10 июня 2008 года № 76-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» [8]. Сегодня ОНК действуют во всех субъектах РФ. Контроль со стороны общества является эффективным механизмом воплощения подлинной демократии, важным принципом, отраженным в действующей Конституции РФ [9]. Последовательная политика гуманизации уголовных наказаний показывает положительные результаты, во-первых, снижение количества осужденных отбывающих наказание в виде лишения свободы, например, «Тюремное население неуклонно сокращается уже почти 20 лет. С 2000 года оно сократилось вдвое: с 1 млн 60 тыс. человек до 496 тыс.» [17].

Данный показатель в целом влияет на снижение количества жалоб и обращений на условия отбывания наказания, медицинского обслуживания, питания и т.д.

Однако, анализ жалоб, поступивших в адрес Уполномоченного по правам человека РФ [6], указывает на рост их количества. Например, каждое девятое обращение поступило по вопросам реализации уголовно-исполнительного законодательства (4187 жалоб), что увеличило количество обращений на 13% [12].

Значительно увеличилось число жалоб по вопросам содержания в изоляторах временного содержания и следственных изоляторах: с 791 до 1059 (на 34%), по вопросам досрочного освобождения от отбывания наказания с 195 до 250 (на 28%) [12]. Также наблюдается рост числа жалоб на применение физической силы и специальных средств со 152 до 364 (более чем в 2 раза) [1].

Общественный контроль, как особая форма волеизъявления общества, является одной из гарантий реализации конституционного механизма народов-

ластия. В большей или меньшей степени он присутствует в системе государственного устройства любой страны и выражается в общественных отношениях, характеризующихся проведением представителями различных социальных групп контрольных мероприятий в отношении органов публичной власти [4].

В орбиту деятельности членов ОНК включили осуществление контроля за множеством различных мест, в которых принудительно содержат граждан, например: соблюдение прав и законных интересов лиц, отбывающих наказание в МПС, в учреждениях, оказывающих психиатрическую помощь, участие в комиссиях по условно-досрочному освобождению (далее – УДО) и представительство в судах по различным вопросам смягчения режима отбывания, замены неотбытой части срока другими видами наказания, принудительными или исправительными работами. Кроме того, члены комиссии отвечают на вопросы осужденных при личных встречах при проведении проверок МПС, отвечают на поступившие письма, а также встречаются с родственниками осужденных по различным вопросам.

Следовательно, сфера данного вида деятельности очень обширна. При этом члены ОНК выполняют общественную нагрузку абсолютно безвозмездно, при этом затрачивая свое личное время, часто личные денежные средства. Таким образом, значимость данного вида общественного контроля подчеркивается на всех уровнях власти, однако фактически помощь не оказывает никто, отсутствует федеральное и региональное финансирование, под деятельность ОНК региональные власти не предоставляют даже рабочие помещения.

Как показывает статистика ежегодных отчетов председателей комиссий субъектов РФ, региональные власти практически не оказывают поддержки, которая требуется, прежде всего, в виде выделения помещений для проведения собраний членов ОНК, для разработки планов деятельности, обсуждения результатов проведенных проверок, хранения писем, жалоб, документации, а также для такой важной работы как прием граждан, освободившихся из МПС и родственников осужденных. Все это влечет определенные сложности для эффективной работы комиссий при решении неотложных и каждодневных проблем по защите прав и законных интересов осужденных.

Современное общество стремится в полном объеме контролировать властные структуры, при этом возникают конфликты, как итог обострение социальных и политических противоречий. Случай ИК-15 в Ангарске показал, что в условиях отсутствия общественного и государственного правозащитного контроля возникают предпосылки для всевозможных злоупотреблений. Данный факт стал поводом для бунта осужденных [3].

Данный факт, как и другие примеры, подтверждает необходимость государственной поддержки общественных институтов представительной демократии, в которых реализуется реальное участие граждан в форме общественного контроля в различных его формах.

Сегодня создан основательный фундамент контроля со стороны общества за МПС, который предоставляет возможность эффективно в реальном времени обеспечивать соблюдение прав и законных интересов лиц, отбывающих наказание, однако для этого необходимо постоянно совершенствовать систему правовых механизмов и процедур их реализации в практике исполнения уголовных наказаний. Есть и другая задача воплощения цели общественного контроля членами ОНК в ходе проведения проверок – не искать, а именно помогать вскрывать ошибки в процессе исполнения своих полномочий по исполнению уголовных наказаний и правовые пробелы системы в целом. Данные ошибки необходимо отражать в отчетах проведенных проверок и доводить до сведения руководства региональных и федеральных органов ФСИН России, что является действенным механизмом при проведении открытого разговора руководства ФСИН с сотрудниками региональных подразделений ФСИН, членами ОНК и другими общественными организациями [14]. Взаимодействие – главный принцип работы ФСИН и общества, члены ОНК могут осуществлять контроль в любое время и в любом учреждении, в соответствии с действующим законом.

Действующий сегодня механизм контрольной функции общества предоставляет возможность обращения осужденных в случаях, когда нарушено их право на судебную защиту, получение юридической помощи и консультации. Однако общественный контроль пока еще не в полной мере охватывает все стороны процесса ресоциализации, за рамками остаются вопросы постпенитенциарного периода и социальной адаптации вышедших на свободу из МПС лиц, что требует принятия неотложных мер в решении данного вопроса. Институт общественного контроля был создан более 60 лет назад, а первые акты приняты в 1955 году на первом конгрессе и зафиксированы в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными. Последние поправки, принятые в 2015 году в Вене, стали общепризнанным ориентиром для администраций тюрем по всему миру [2].

Важным моментом остается вопрос, что является нарушением международных стандартов прав заключенных, следовательно, определяется критерий их правильного применения в условиях отечественной системы исполнения уголовных наказаний [15]. Немаловажный вопрос также состоит и в том, кто проводит проверку: подготовленный член ОНК, эксперт или гражданин, который недавно привлечен к процессу общественного контроля.

Таким образом, ФСИН России, проводя политику открытых дверей, возлагает большие надежды на само общество в виде обучения тех, кто будет осуществлять контроль или привлекать специалистов (экспертов).

Однако, при всей положительной тенденции, общественность (члены ОНК субъектов РФ), которые осуществляют общественный контроль за местами принудительного содержания, в большинстве своем не являются юристами, психологами, педагогами, при этом они активные члены общества с обостренной гражданской позицией [16]. Следовательно, членов ОНК необходимо готовить, обучать, проводить с ними постоянные тренинги, которые будут оказывать им помощь в осуществлении контроля в МПС [18]. На это необходимы финансовые средства, которые выделяются не регулярно, что выражается в неполноценной подготовке общественников для проверок.

В свою очередь, пункт 53 Европейских пенитенциарных правил закрепляет необходимость развития связей между пенитенциарными учреждениями и общественностью [19]. Главный принцип общественного контроля заключается в его регулярности [13]. Для этого предусмотрен ежегодный отчет деятельности ОНК субъектов РФ перед Уполномоченным субъекта, Общественной палатой РФ и Общественной палатой субъекта РФ, в котором отражен хронометраж проведенных проверок, обращений осужденных, родственников и т.д. [7]

Контроль со стороны общества получил свое развитие с принятием Федерального закона от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы» и др. Согласно ч.2 ст.9 УИК РФ общественное воздействие является одним из средств исправления осужденных, посредством которого представители общественности оказывают содействие в работе учреждений и органов, исполняющих наказание, принимают участие в исправлении осужденных, а также могут осуществлять общественный контроль за деятельностью данных учреждений. Основы общественного контроля составляет Федеральный закон от 10 июня 2008 года № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», в ст.ст. 16, 16.1 и 25 закреплено право на посещение органов и учреждений, реализующих исполнение наказаний, членами общественных наблюдательных комиссий.

Особенностью деятельности комиссий является привлечение внимания общества, государственных органов, средств массовой информации к проблемам деятельности пенитенциарных учреждений [10]. Ос-

новными формами осуществления контроля являются: посещение учреждений, исполняющих уголовные наказания; участие в круглых столах, конференциях, приемах по личным вопросам осужденных и их родственников. Важным является то, что ОНК действуют на постоянной основе в целях содействия реализации государственной политики в области обеспечения прав человека в местах лишения свободы [11].

Выявленные недостатки являются традиционными. По количеству жалоб первое место занимают вопросы медицинского обслуживания, второе – трудоустройство, условия отбывания наказания и т.д. Общество уверено, что данный институт оказывает положительную роль в совершенствовании и доведении условий отбывания наказаний до международных требований.

Проблемным остается вопрос подготовки новых членов ОНК, правовая база перегружена, следовательно, не все члены способны без специальной подготовки быть профессионалами данной деятельности.

В ходе приема по личным вопросам важен принцип «не навреди», стоят задачи дать правильный совет, принять правильное решение, проверить документы, направить обращение на нарушение прав в МПС. Есть еще важное направление деятельности – это проведение общественного мониторинга, проверки, экспертизы, обсуждения, общественных (публичных) слушаний. Таким образом, уровень подготовки члена ОНК, установленный нормативно-правовыми актами, безусловно выше уровня знаний обычного гражданина, обладающего базовым уровнем правовой культуры. Данное обстоятельство применения юридической техники перегружает реализацию механизмов общественного контроля на практике.

Другое обстоятельство состоит в том, что не все граждане могут быть привлечены к участию в деятельности общественной организации по контролю властных структур.

Согласно части 1 статьи 3 Федерального закона от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» право на участие граждан в общественном контроле может быть реализовано следующими способами: лично или в составе институционализированных социальных групп. При этом ни гражданин, ни общественное объединение не указаны законодателем в качестве субъекта общественного контроля, которыми согласно статье 9 Федерального закона от 21.07.2014 года № 212-ФЗ являются только:

1. Общественная палата Российской Федерации;
2. Общественные палаты субъектов Российской Федерации;
3. Общественные палаты (советы) муниципальных образований;
4. Общественные советы при федеральных органах исполнительной власти;

5. Общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

Согласно положениям Федерального закона от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ некоммерческие организации вправе участвовать в осуществлении общественного контроля, но их правовой статус при этом отличается от статуса субъектов общественного контроля.

Таким образом, если гражданин желает и имеет необходимую подготовку, но не является членом общественной организации, тем более данная организация зарегистрирована менее одного года, а также в Уставе не указана деятельность по защите прав человека и гражданина, стать членом ОНК ему не представляется возможным. Данная политика государства вызывает к жизни пассивную форму правового нигилизма к данному институту народовластия. В итоге общество пытается и, как показывает практика, находит приемлемое взаимодействие, однако, оно, как правило, происходит с нарушением действующего законодательства.

Подводя итог проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Необходимо привлекать граждан к участию в деятельности рассмотренных общественных организаций, но главное необходимо создать условия для их деятельности, что требует внесения изменений и дополнений в законодательство, которые позволили бы сделать данный вид контроля эффективным и прозрачным.

Кроме того, необходимо выделить элементы контроля, например, общий и специальный, где первый будет отвечать за проведение процессов общественного мониторинга и общественного обсуждения, а также иные формы, не запрещенные законом, второй будет отвечать за процедуры общественной проверки, экспертизы, публичные слушания.

Законодательно закрепить некоторые существенные полномочия, при этом не выдавать мандаты членов ОНК представителям органов власти и лицам, привлеченных к ответственности за преступления и коррупционные правонарушения.

Необходимо чтобы деятельность комиссий была прозрачной, для чего потребуются создать общий сайт ОНК РФ и ОНК субъектов РФ, печатное издание, в котором можно будет отражать процесс проделанной работы, отвечать на вопросы, проводить конкурсы, что позволит избежать системных ошибок.

Закрепить возможность привлечения к ответственности за необоснованное вмешательство субъектов общественного контроля в деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, за размещение в СМИ, сети Интернет искаженных сведений о результатах контроля.

Особенно важно внести поправки в законодательство о финансовой и других видах поддержки: выделение средств на командировки, проживание и

питание. Решить вопрос о компенсации заработной платы отсутствующего сотрудника в период проведения им проверки. А также решить вопросы о выделении помещений под деятельность ОНК, создание сай-

тов для эффективного освещения их деятельности, которая на сегодня является весьма актуальной и должна стать прозрачной без кривизны событий, которые зачастую происходят в МПС.

Список литературы

1. Адвокаты прокомментировали важнейшие положения доклада Т. Москальковой за 2019 г. Режим доступа: <http://www.advgazeta.ru> (дата обращения 24.02.2021).
2. Актуальные вопросы защиты прав осужденных. Режим доступа: <https://www.unodc.org> (дата обращения 21.02.2021).
3. Бунт заключенных в ИК-15. Режим доступа: <https://lenta.ru> (дата обращения 18.02.2021).
4. Исправительную колонию № 6 УФСИН России по Липецкой области посетили члены ОНК. Режим доступа: <https://48.fsin.gov.ru> (дата обращения 22.02.2021).
5. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Режим доступа: <https://fsin.gov.ru> (дата обращения 25.02.2021).
6. *Москалькова Т.* Круглый стол «Обеспечение реализации принципа презумпции невиновности». Режим доступа: <https://ombudsmanrf.org> (дата обращения 22.02.2021).
7. Общественная наблюдательная комиссия Липецкой области. Режим доступа: <http://oplip.ru> (дата обращения 21.02.2021).
8. Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания: Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ (ред. от 27.12.2018). Собрание законодательства Рос. Федерации. № 24. Ст. 2789.
9. Общественно наблюдательные комиссии. Режим доступа: <http://antipytki.ru> (дата обращения 26.02.2021).
10. ОП: пандемия не помешает общественному контролю в МПС. Режим работы: <https://www.gazeta.ru> (дата обращения 22.02.2021).
11. Онлайн-режим обращения заключённых ИК-7. Режим доступа: <https://48.fsin.gov.ru> (дата обращения 22.02.2021).
12. О массовых нарушениях прав трудящихся заключенных и коррупции в ГУЛАГе 2.0. Режим доступа: <https://gulagu.net> (дата обращения 23.02.2021).
13. О массовых нарушениях прав трудящихся заключенных и коррупции в ГУЛАГе 2.0. Режим доступа: <https://gulagu.net> (дата обращения 23.02.2021).
14. Руководство ФСИН России ответило на вопросы общественных наблюдательных комиссий в формате «прямого диалога». Режим доступа: <https://fsin.gov.ru> (дата обращения 22.02.2021).
15. Семь дел, где ВС защитил права заключенных. Режим доступа: <https://pravo.ru> (дата обращения 22.02.2021).
16. Семинар по юридической и психологической поддержке для активистов, которые занимаются общественным контролем МПС. Режим доступа: <https://manandlaw.info> (дата обращения 26.02.2021).
17. Сокращение числа заключенных – результат либерализации уголовно-исполнительной политики? <https://www.advgazeta.ru> (дата обращения 15.04.2021).
18. Семинар для членов ОНК 2020. Режим доступа: <http://antipytki.ru> (дата обращения 26.02.2021).
19. Семинар по соблюдению прав человека в МПС Липецк. Режим доступа: <https://ombudsman-lipetsk.ru> (дата обращения 26.02.2021).
20. Тут, конечно, крыть уже нечем. // Новая газета № 20. 2021. 24 февр.

References

1. The lawyers commented on the most important provisions of the report of T. Moskalkova for 2019. Access mode: <http://www.advgazeta.ru> (accessed 24.02.2021).
2. Current issues of protection of the rights of convicts. Access mode: <https://www.unodc.org> (accessed 21.02.2021).
3. Riot of prisoners in IK-15. Access mode: <https://lenta.ru> (accessed 18.02.2021).
4. Correctional colony No. 6 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Lipetsk region was visited by members of the PMC. Access mode: <https://48.fsin.gov.ru> (accessed 22.02.2021).
5. Brief description of the penal system of the Russian Federation. Access mode: <https://fsin.gov.ru> (accessed 25.02.2021).
6. *Moskalkova T.* Round table “Ensuring the implementation of the principle of presumption of innocence”. Access mode: <https://ombudsmanrf.org> (accessed 22.02.2021).
7. Public Supervisory Commission of the Lipetsk region. Access mode: <http://oplip.ru> (accessed 21.02.2021).
8. On public control over ensuring human rights in places of forced detention and on assistance to persons in places of forced detention: Federal Law No. 76-FZ of 10.06.2008 (as amended on 27.12.2018). Collection of legislation of the Russian Federation. The Federation. No. 24. Article 2789.

9. Public monitoring commissions. Access mode: <http://antipytki.ru> (accessed 26.02.2021).
10. OP: the pandemic will not interfere with public control in the IPU. Working hours: <https://www.gazeta.ru> (accessed 22.02.2021).
11. Online mode of treatment of prisoners of IK-7. Mode of access: <https://48.fsin.gov.ru> (accessed 22.02.2021).
12. Of massive violations of workers' rights prisoners and corruption in the Gulag 2.0. Mode of access: <https://gulagu.net> (accessed 23.02.2021).
13. Of massive violations of workers' rights prisoners and corruption in the Gulag 2.0. Mode of access: <https://gulagu.net> (accessed 23.02.2021).
14. The management of the Federal penitentiary service of Russia answered questions from the public monitoring commissions in the format of "direct dialogue". Access mode: <https://fsin.gov.ru> (accessed 22.02.2021).
15. Seven cases where the Supreme Court defended the rights of prisoners. Access mode: <https://pravo.ru> (accessed 22.02.2021).
16. Seminar on legal and psychological support for activists who are engaged in public control of the Ministry of Internal Affairs. Access mode: <https://manandlaw.info> (accessed 26.02.2021).
17. Is the reduction in the number of prisoners the result of the liberalization of the penal policy? <https://www.advgazeta.ru> (accessed 15.04.2021).
18. Seminar for members of the ONC 2020. Access mode: <http://antipytki.ru> (accessed 26.02.2021).
19. Seminar on the observance of human rights in the IPU Lipetsk. Access mode: <https://ombudsman-lipetsk.ru> (accessed 26.02.2021).
20. Here, of course, there is nothing to cover. // Novaya Gazeta No. 20. 2021. 24 Feb.

Манна Аммар Каримович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, ФГАОУ ВО Российский университет дружбы народов, Москва

Сайфуллина Мария Ивановна,

студент 4 курса Юридического института ФГАОУ ВО Российский университет дружбы народов, Москва, ,
tigrtop@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД КАК СУБЪЕКТ ТОЛКОВАНИЯ КОНСТИТУЦИИ РФ

Аннотация. В статье анализируются особенности становления института толкования. Затрагивается проблема расширения круга субъектов, имеющих право на толкование норм Конституции. Авторы исследуют сущность субъективной (статистической) и объективной (динамической) концепций толкования. Обоснован вывод о том, что в настоящее время дискуссионным остается положение о Конституционном Суде РФ как о субъекте-интерпретаторе Конституции. Интересным, по мнению авторов, является позиция о целесообразности передачи права толкования парламенту (Федеральному Собранию Российской Федерации). Конституционному же суду должна быть отведена контролирующая функция, что не противоречило бы презумпции: толковать Конституцию может только орган, ее принявший. Поэтому парламент от имени многонационального народа, принявшего Конституции РФ, мог бы осуществлять этот вид деятельности. Авторами обосновывается предложение о целесообразности передачи права толкования парламенту (Федеральному Собранию Российской Федерации).

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, толкование норм Конституции РФ, субъекты толкования, официальное и нормативное толкование, теории интерпретации норм

Ammar K. Manna,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology,
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Maria I. Sayfullina,

the 4th year student of the Law Institute Peoples' Friendship University of Russia, Moscow,
tigrtop@mail.ru

THE CONSTITUTIONAL COURT AS A SUBJECT OF INTERPRETATION OF THE CONSTITUTION OF THE RF

Abstract. The article the problem of expanding the range of subjects entitled to interpret the norms of the Constitution is touched upon. The author explores the essence of subjective (statistical) and objective (dynamic) concepts of interpretation. The conclusion is substantiated that the provision on the Constitutional Court as the subject-interpreter of the Constitution remains debatable at the present time. Interesting, in our opinion, is the position on the expediency of transferring the right of interpretation to the Parliament (Federal Assembly). The Constitutional Court should be assigned a supervisory function, which would not contradict the presumption: only the body that adopted it can interpret the Constitution. Therefore, the Parliament, on behalf of the multinational people who adopted the Constitution of the Russian Federation, could carry out this type of activity. The author substantiates the proposal on the expediency of transferring the right of interpretation to the Parliament (Federal Assembly of the Russian Federation).

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, interpretation of the norms of the Constitution of the Russian Federation, subjects of interpretation, official and normative interpretation, theories of interpretation of norms

Начало создания архитектуры судебной власти в современном виде сопряжено с разработкой Концепции судебной реформы 1991 года. Значение общественных структур в разных странах отличается в значительной степени, различны также и организационно-юридические формы реализации права, исторические пути формирования и трансформации данного правового института. Но народное представительство значительным образом трансформирует правосудие, развивается функция надзора общества непосредственно за судебной системой. И уже сама судебная власть получает некую направленность на отражение общественных стандартов.

Российская Федерация является демократическим государством, а это значит, что для обеспечения реализации принципа законности и равенства всех граждан перед законом необходимо чтобы все субъекты правоприменения правильно понимали смысл и содержание нормативно-правовых актов, и способствовали правильной их реализации. Однако принятые в июле 2020 года поправки к Конституции РФ и бурный рост правотворческой деятельности не только в законодательных, но и в исполнительных федеральных органах и органах субъектов Российской Федерации сказываются на низком качестве отдельных правовых актов, приводят к возникновению правовых коллизий, пробелов, неоднозначных формулировок, к дублированию норм, что влечет за собой различные, а порой совершенно противоположные интерпретации, и, как следствие, ведет к неоднозначным правовым последствиям. Все вышеперечисленное объясняет особое внимание, которое уделяют исследователи вопросам, связанным с толкованием.

Авторы поставили целью научной статьи рассмотреть историю формирования института толкования норм Конституции РФ Конституционным Судом РФ, сформировать комплексное представление о толковании, осуществляемом Конституционным Судом, на основе изучения юридической литературы и анализа законодательства.

В советский период институт официального толкования в соответствии с п. «в» ст. 33 Конституции РСФСР 1936 года и п.6 ст. 115 Конституции РСФСР 1978 года декларировал право Президиума Верховного Совета РСФСР толковать законы РСФСР. В 1989 году в связи с поведенной союзной конституционной реформой это право перешло в компетенцию Верховного Совета РСФСР. Конституция СССР 1977 года (п. 5 ст. 121) наделила правом толкования по вопросам, урегулированным общесоюзным законодательством законов СССР, Президиум Верховного Совета Советского Союза. По единодушному мнению конституционалистов, это было обусловлено презумпцией – данный вид деятельности мог осуществлять только орган, принявший Конституцию. Данный вид толкова-

ния имел высшую юридическую силу и был общеобязательным для всех субъектов права. Однако необходимо отметить, что прямого указания на возможность толкования норм Конституции в данных нормативных актах не содержалось. В правоприменительной же практике Съезд народных депутатов и Верховный совет приняли только два постановления.

На II (внеочередном) Съезде народных депутатов РСФСР (27 ноября – 15 декабря 1990 года) было принято решение о создании Конституционного Суда РСФСР. Соответствующие изменения 15 декабря 1990 года были внесены в Конституцию РСФСР 1978 года. В правовом акте указывалось на то, что «Конституционный Суд РСФСР избирается Съездом народных депутатов РСФСР. Процедура же избрания и деятельность Конституционного Суда регламентируется Законом РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР».

История становления института Конституционного Суда РФ достаточно подробно исследована учеными. Так, конституционисты выделяют следующие основные этапы деятельности Конституционного Суда [1 с. 92-96, 2. с. 1]. Первый этап сравнительно короткий – январь 1992 года – сентябрь 1993 года. Он характеризовался наличием широких полномочий Конституционного Суда, задекларированных в статье 1 закона РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР», а именно: «1) Рассмотрение в заседаниях дел о конституционности международных договоров и нормативных актов; 2) Рассмотрение в заседаниях дел о конституционности правоприменительной практики; 3) Дача заключений в установленном настоящим Законом случаях» [3].

В период с 1992 по 1993 годы Конституционный Суд рассмотрел 27 дел о конституционности нормативных актов и 19 индивидуальных жалоб граждан [4]. Однако, несмотря на то, что закон предусматривал запрет на рассмотрение политических вопросов, постепенно некоторые судьи Конституционного Суда были втянуты в «политические игры», поэтому Конституционный Суд из органа судебной власти превратился в орудие политики, что привело к приостановлению его деятельности 5 октября 1993 года.

Второй этап деятельности Конституционного Суда начинается с принятия Конституции РФ, в ч. 5 статьи 125 которой было задекларировано и п.4 статьи 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» продублировано такое важное правомочие, как возможность Конституционного Суда РФ давать толкование норм Конституции [5]. Согласно п. 4 ст. 125 Конституции РФ Конституционному Суду также было предоставлено право толкования закона на предмет соответствия Конституции РФ. В данном случае вступает в действие институт конституционного контроля.

В.О. Лучин считает неверным решением наделение правом толкования норм Конституции только

Конституционный Суд РФ. По мнению ученого, правом толкования Конституции должен обладать субъект, принявший Конституцию, – многонациональный народ РФ, а от имени народа – парламент как высший представительный и законодательный орган РФ [6. С. 600]. М.А. Краснов считает, что наделение Федерального Собрания правом толкования даст серьезное преимущество над Президентом и правительством, но «такое парламентское полномочие нужно было бы рассматривать не как нарушение равновесия в системе публичной власти, а, напротив, как механизм, направленный на уравнивание властных прерогатив в этой системе» [7. С. 80]. Стоит отметить, что в таких постсоветских государствах, как Армения, Беларусь, Латвия, официальное толкование осуществляет именно парламент.

И.А. Кравец же указывает на то, что наделение Конституционного Суда РФ правом толкования – это дань правовой традиции, сложившейся во многих странах Европейского континента [8. С. 530]. Ю.Л. Шульженко аргументировала это тем, что деятельность Конституционного Суда РФ направлена на обеспечение сдерживания и противовеса властей в законодательной сфере [9. С. 207-213]. Мы же поддерживаем точку зрения В.А. Кряжкова, утверждающего, что «судебное толкование Конституции – это средство, с помощью которого обеспечивается единообразное ее применение» [10. С. 587].

Под официальным толкованием Конституции РФ понимается особая деятельность Конституционного Суда РФ, в которой Суд уясняет конституционную норму для себя и доводит до всеобщего сведения всех субъектов права. Конституционный Суд в своей деятельности осуществляет два вида толкования: нормативное и казуальное.

Для обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ Конституционный Суд РФ интерпретирует конституционные нормы в каждом конкретно рассматриваемом деле, независимо от того, выявление это конституционного смысла правового акта, либо оценка конституционности оспоренного правового акта, либо рассмотрение спора о компетентности госорганов. Такой вид толкования предусмотрен п.п.3-3.1 ст.3 ФЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» и признается официальным – казуальным. Г.А. Гаджиев и К.Б. Калиновский используют такие термины, как «конкретно-казуальное толкование» и «конституционно-правовое толкование» [11, 12. С. 183-219]. Основной целью толкования является обоснование решения Конституционного Суда в мотивировочной части, которое становится обязательным не только для лиц, участвующих в деле, но всех правоприменителей. В отличие от казуального толкования других судов, казуальное толкование Конституционного Суда выходит за пределы такого толкования и имеет нормативно-прецедентный характер.

Официальное и обязательное, т.е. нормативное толкование, осуществляемое Конституционным Судом РФ, предусмотрено в ст.106 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ». Оно распространяется на неограниченный круг случаев, не ограничено во времени, обязательно на всей территории РФ и для всех субъектов правоотношений. Д.Р. Кантемирова указывает на то, что официальное толкование, даваемое Конституционным Судом, является легитимным [13. С. 41] (от лат. *legitimus* «согласный с законами», правомерный, законный»).

Осуществление нормативного толкования является обязанностью Конституционного Суда, возникающей в случае наличия неопределенности и недостаточной полноты формулировок, внутренней противоречивости терминов.

Законодатель также в ст. 36 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» основанием к рассмотрению дела о толковании относит «обнаружившуюся неопределенность в понимании положений Конституции Российской Федерации» [14].

Правом на обращение в Суд с запросом о толковании в соответствии с ст. 105 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» обладают узкий круг субъектов – это Президент РФ, Совет Федерации, Государственная Дума, Правительство РФ, органы законодательной власти субъектов РФ.

В науке конституционного права развернулась острая дискуссия по поводу необходимости расширения этого круга. Так, например, Т.Я. Хабриева и Ю.Л. Шульженко предлагают наделить Конституционный Суд правом самостоятельного осуществления толкования. Ю.Л. Шульженко считал, что это необходимо сделать для «повышения престижа Конституционного Суда, а также для более квалифицированного, оперативного решения вопросов толкования законодательства» [15. С. 66-67]. Е.В. Колесников и Ю.В. Степанова не видят необходимости в предоставлении такой инициативы Конституционному Суду, но в тоже время предлагают расширить круг субъектов путем включения исполнительных органов государственной власти, Верховный, Высший арбитражный суды [16. С. 213]. А.А. Батяев же предлагал ввести, помимо Верховного и Высшего арбитражных Судов, и Генерального прокурора РФ [17. С. 33; 18. С. 57].

В науке конституционного права сложились две концепции толкования Конституции: субъективная (статистическая) и объективная (динамическая). Так, сторонники субъективной концепции толкования (Е.А. Лукьянова) считают, что Конституционный Суд должен объяснить и уточнить только волю законодателя, заложенную в правовой норме. Конституционный Суд не может корректировать, изменять смысл Конституции либо при осуществлении толкования выходить за ее пределы. Е.А. Лукьянова отме-

чает, что «толкование не вносит и не может вносить поправок и изменений в действующие нормы» [19. С. 47-58]. По мнению ученого, институт толкования призван противодействовать любым попыткам противопоставления буквы и духа закона, что является скрытой формой изменения закона.

Сторонники объективной (динамической) концепции (С.А. Авакьян, Н.В. Витрук) утверждают, что, помимо разъяснения смысла нормы текста, Конституционный Суд вносит позиции, являющиеся нормативным дополнением к конституционной норме как по сути, так и по форме. В дальнейшем нормы Конституции без такого толковательного решения не воспринимаются [20. С. 25-40]. Н.В. Витрук также указывает на то, что при толковании норм Конституционным

Судом формулируются новые положения, которые имеют юридическую силу, равную юридической силе Конституции [21. С. 103].

Таким образом, в настоящее время дискуссионным остается положение о Конституционном Суде как субъекте-интерпретаторе Конституции. Интересным, на наш взгляд, является позиция М.А. Краснова о целесообразности передать право толкования парламенту (Федеральному Собранию Российской Федерации). Конституционному же Суду должна быть отведена контролирующая функция, что не противоречило бы презумпции: толковать Конституцию может только орган, принявший ее. Поэтому парламент от имени многонационального народа, принявшего Конституцию РФ, мог бы осуществлять этот вид деятельности.

Список литературы

1. Барнашов А.М. Конституционный суд Российской Федерации: становление и развитие правового статуса // Вестник Томского университета Том 287 (на обложке -276). – Томск, 1999. – С.92-96.
2. Басангов Д.А. Доктринальное конституционное толкование в деятельности Конституционного Суда РФ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 1.
3. О Конституционном Суде РСФСР: закон РСФСР от 12 июля 1991 г. №1599-1 // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации» и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – №30. – Ст. 1017.
4. Ведерников А.Н. Исторический очерк становления конституционного судопроизводства в современной России // Вестник Томского государственного университета. -2009. – № 322. – С. 115 – 117.
5. Федеральный Конституционный Закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – №13. – Ст. 1447.
6. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / В.О. Лучин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 687 с.
7. Краснов М.А. Толкования Конституции как её фактические поправки // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016.- № 1 (110).- С. 77-91.
8. Кравец И.А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления / И.А. Кравец. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 675 с.
9. Шульженко Ю.Л. Форма Российской Конституции и ее толкование / Ю.Л. Шульженко // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. – 2000. – № 11. – С. 207-213.
10. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» / под ред. Г.А. Гаджиева. – М.: Норма: ИНФРАМ. – 2012. – С.587.
11. Комментарий к Федеральному Конституционному Закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (под ред. Г.А. Гаджиева). – «Норма: Инфра-М». – 2012 г.
12. Калиновский К.Б. Глава 12. Конституционный Суд Российской Федерации // Суд и правоохранительные органы Российской Федерации. В 2 т. Учебник для академического бакалавриата / Под общ. ред. В. В. Ершова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 686 с. – Серия: Бакалавр. Академический курс. С. 183-219.
13. Кантемирова Д.Р. Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации // Научный альманах. – 2018. – № 3-3(41) – С.41.
14. Федеральный Конституционный Закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – №13. – Ст. 1447.
15. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика / Ин-т государства и права РАН. – М.: Юристъ, 1998. – 245 с.
16. Шульженко Ю.Л. Закон о Конституционном Суде РФ 1994 года // Государство и право. – 1995. – № 7. – С. 66-67.
17. Федеральный Конституционный Закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» – Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 6 – Ст. 550.
18. Комментарий к ФКЗ от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / Под ред. А.А. Батяева. М., 2006.
19. Лукьянова Е.А. Конституция в судебном переплете. // Законодательство. – 2000. – № 12. – С. 47- 58.
20. Авакьян С.А. Нормативное значение решений конституционных судов [Текст]: научное издание / С. А. Авакьян // Вестник Московского Университета. – 2004. – №4 . – С. 25-40.
21. Витрук Н.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение. // Конституционное право: Восточно-европейское обозрение. – 1999. – №3. – С.103.

References

1. *Barnashov A.M.* Konstitucionny`j sud Rossijskoj Federacii: stanovlenie i razvitie pravovogo statusa // Vestnik Tomskogo universiteta Tom 287 (na oblozhke -276). – Tomsk, 1999. – S.92-96.
2. *Basangov D.A.* Doktrinal`noe konstitucionnoe tolkovanie v deyatel`nosti Konstitucionnogo Suda RF: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – M., 2004. – S. 1.
3. O Konstitucionnom Sude RSFSR: zakon RSFSR ot 12 iyulya 1991 g. №1599-1 // Vedomosti s`ezda narodny`x deputatov Rossijskoj Federacii i Verhovnogo Soveta RSFSR. – 1991. – №30. – St. 1017.
4. *Vedernikov A.N.* Istoricheskij ocherk stanovleniya konstitucionnogo sudoproizvodstva v sovremennoj Rossii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. -2009. – № 322. – S. 115 – 117.
5. Federal`ny`j Konstitucionny`j Zakon ot 21 iyulya 1994 g. № 1-FKZ «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 1994. – №13. – St. 1447.
6. *Luchin V.O.* Konstituciya Rossijskoj Federacii. Problemy` realizacii / V.O. Luchin. – M.: YuNITI-DANA, 2002. – 687 s.
7. *Krasnov M.A.* Tolkovaniya Konstitucii kak eyo fakticheskie popravki // Sravnitel`noe konstitucionnoe obozrenie. – 2016.- № 1 (110).- S. 77-91.
8. *Kravec I.A.* Rossijskij konstitucionalizm: Problemy` stanovleniya, razvitiya i osushhestvleniya / I.A. Kravec. – SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2004. – 675 s.
9. *Shul`zhenko Yu.L.* Forma Rossijskoj Konstitucii i ee tolkovanie / Yu.L. Shul`zhenko // Konstitucionnoe pravosudie v stranax SNG i Baltii. – 2000. – № 11. – S. 207-213.
10. Kommentarij k Federal`nomu konstitucionnomu zakonu «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii» / pod red. G.A. Gadzhieva. – M.: Norma: INFRAM. – 2012. – S.587.
11. Kommentarij k Federal`nomu Konstitucionnomu Zakonu «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii» (pod red. G.A. Gadzhieva). – «Norma: Infra-M». – 2012 g.
12. *Kalinovskij K.B.* Glava 12. Konstitucionny`j Sud Rossijskoj Federacii // Sud i pravooxranitel`ny`e organy` Rossijskoj Federacii. V 2 t. Uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata / Pod obshh. red. V.V. Ershova. – 3-e izd., pererab. i dop. – M.: Izdatel`stvo Yurajt, 2016. – 686 s. – Seriya: Bakalavr. Akademicheskij kurs. S. 183-219.
13. *Kantemirova D.R.* Tolkovanie Konstitucii Konstitucionny`m Sudom Rossijskoj Federacii // Nauchny`j al`manax. – 2018. – № 3-3(41) – S.41.
14. Federal`ny`j Konstitucionny`j Zakon ot 21 iyulya 1994 g. № 1-FKZ «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 1994. – №13. – St. 1447.
15. *Xabrieva T.Ya.* Tolkovanie Konstitucii Rossijskoj Federacii: teoriya i praktika / In-t gosudarstva i prava ran. – M.: Yurist`, 1998. – 245 s.
16. *Shul`zhenko Yu.L.* Zakon o Konstitucionnom Sude RF 1994 goda // Gosudarstvo i pravo. – 1995. – № 7. – S. 66-67.
17. Federal`ny`j Konstitucionny`j Zakon ot 05.02.2014 № 3-FKZ «O Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii» – Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 2014. – № 6 – St. 550.
18. Kommentarij k FKZ ot 21.07.1994 № 1-FKZ «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii» (postatejny`j) / Pod red. A.A. Batyaeva. M., 2006.
19. *Luk`yanova E.A.* Konstituciya v sudebnom pereplete. // Zakonodatel`stvo. – 2000. – № 12. – S. 47- 58.
20. *Avak`yan S.A.* Normativnoe znachenie reshenij konstitucionny`x sudov [Tekst]: nauchnoe izdanie / S. A. Avak`yan // Vestnik Moskovskogo Universiteta. – 2004. – № 4. – S. 25-40.
21. *Vitruk N.V.* Pravovy`e pozicii Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii: ponyatie, priroda, yuridicheskaya sila i znachenie. // Konstitucionnoe pravo: Vostochno-evropejskoe obozrenie. – 1999. – №3. – S.103.

Климкин Валерий Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Правового обеспечения национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, klimkin-vn@mail.ru

НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ (АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ)

Аннотация. В статье анализируются актуальные сегодня проблемные вопросы квалификации преступлений, совершаемых на сексуальной почве. Выделены нормы международных конвенций и национального уголовного законодательства, практика их применения. На основе проведенного исследования автором сформулированы возможные способы разрешения выявленных проблем.

Ключевые слова: российское уголовное законодательство, сексуальные преступления, действия сексуального характера, назначение наказания, квалификация сексуальных преступлений, уголовная ответственность

Valeriy N. Klimkin,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Legal Support of National Security of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, klimkin-vn@mail.ru

VIOLENT ACTS OF A SEXUAL NATURE IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA (ACTUAL PROBLEMS OF QUALIFICATION)

Abstract. The current problematic issues of qualification of crimes committed on sexual grounds are analyzed. Highlighted the norms of international conventions and national criminal legislation, the practice of their application. On the basis of the study, possible ways of solving the identified problems were formulated.

Keywords: Russian criminal legislation, sexual crimes, acts of a sexual nature, sentencing, qualification of sexual crimes, criminal liability

Важной задачей уголовного права, не теряющей актуальности на всем пути его развития, является совершенствование правовых норм о противодействии анализируемым в настоящей статье преступлениям. Крайне важным для правоприменения является точное понимание состава насильственных действий сексуального характера. На этой основе возможно установление единообразия практики применения действующего уголовного закона. Назначение уголовного наказания принято считать особой формой реализации уголовной ответственности, тогда как её основанием является деяние, которое содержит все признаки состава преступления.

Статья 132 УК РФ включает в себя несколько составов[3]. Принято считать, что уровень общественной опасности деяния предопределяет тяжесть санкций разных частей каждой статьи УК РФ. В то же время, не все преступления одного вида могут быть отнесены к такой классификации. Нередко закон содержит лишь два состава: основной и квалифициро-

ванный. В основном это относится к преступлениям, имеющим более высокую общественную опасность. Сюда традиционно относят тяжкие насильственные и коррупционные преступления.

Основной состав преступления не включает в себя ни отягчающие, ни смягчающие обстоятельства. В уголовном законе он отражен, в основном, как определенная часть статьи. Другое дело, квалифицированный состав. Здесь уже есть обстоятельства (квалифицирующие признаки). Как правило, они относятся к отягчающим и помещаются законодателем в части соответствующих статей УК РФ, которые расположены за основным составом. В части квалифицированных составов принято выделять особо квалифицированные, которые указывают на максимально высокую тяжесть деяния. Соответственно, в данном случае назначается наиболее строгое наказание. Отягчающие обстоятельства квалифицированного состава относятся к признакам объекта, либо объективной стороны или признакам субъекта и субъективной стороны преступления.

Говоря об основном составе ст. 132 УК РФ, следует обратить внимание на её первую часть, где указано на мужеложство, лесбиянство, либо другие действия сексуального характера, сопровождающиеся насилием (его угрозой), либо использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей). В этой части не присутствуют отягчающие или особо отягчающие обстоятельства, влияющие на степень общественной опасности преступного посягательства. За совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, указанного в ч. 1. ст. 132, предусмотрено наказание – от 3 до 6 лет лишения свободы.

При анализе материалов судебной практики, связанной с назначением наказаний по ч. 1 ст. 132, можно сделать вывод о том, что среднее количество лет лишения свободы, назначаемое судами в РФ, составляет 4 года.

Квалифицирующие признаки (ч. 2 ст. 132 УК РФ) включают групповой характер действий, наличие угрозы убийством, нанесение тяжкого вреда здоровью, совершение преступления с особой жестокости, а также заражение потерпевшего заболеванием, передающимся половым путем. За совершение этих действий, в соответствии с ч.2 ст. 132 УК РФ предусмотрено наказание в виде 4-10 лет лишения свободы. Также, в качестве дополнительного наказания, здесь может быть применено ограничение свободы с тем, чтобы обеспечить усиливающее карательное воздействие на область, не охваченную основным наказанием.

В соответствии с проанализированными материалами судебной практики среднее количество лет, назначенных судом в качестве наказания в виде лишения свободы, предусмотренных данной частью ст. 132, составляет около 6 лет.

Так как деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 132 совершаются с применением насилия, то есть, вопреки желанию и воли жертвы, часто данное преступление совершается группой лиц. Данные действия следует квалифицировать по п. «а» ч.2 ст. 132. Для правильного применения судами данной нормы Пленум ВС в своем Постановлении от 4 декабря 2014 года разъясняет, что изнасилование может признаваться групповым, когда несколько человек насилует потерпевшую(его) или потерпевших, действуя при этом организованно с использованием насилия или угроз в отношении нескольких лиц, насилуют или совершают насильственные действия сексуального характера с каждым или хотя бы с одним потерпевшим. Верховный суд РФ также разъяснил и иное применение ч. 2 ст. 132, указав, в частности, на то, что групповым изнасилованием необходимо считать как действия тех, кто насилует сам, так и тех, кто помогал в этом путем физического или психического насилия.

Такие действия Пленум указал считать соисполнительством в изнасиловании. Что касается вспо-

могательных действий того, кто сам не принимал участия в изнасиловании или применении насилия, никому не угрожал, но все же содействовал преступлению иными способами, Пленум указал квалифицировать такие действия по ч. 5 ст. 33 УК РФ, а при отсутствии квалифицирующих признаков, соответственно – по ч. 1 ст. 131 УК РФ или по ч. 1 ст. 132 УК РФ.

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил также содержание пунктов части 2 статьи 132 УК РФ. Это, в частности, угроза убийством, а также причинение тяжкого вреда здоровью. Сюда же принято относить особую жестокость совершенного деяния и заражение заболеванием, передающимся половым путем[4]. Обратим внимание на то, что использование в п. «в» ч. 2 ст. 132 дефиниции «венерическое заболевание» представляется некорректным, ввиду того, что данная группировка заболеваний в современных медицинских квалификациях признается устаревшей. Вместо неё в последние десятилетия в международной и российской практике используются дефиниции заболевания (инфекции), передающиеся половым путём (ЗППП или ИППП), к которым, в частности, относится ВИЧ, который никогда не признавался венерическим заболеванием[5].

Исходя из положений ч. 3 ст. 132 за преступления, предусмотренные частью 1 и частью 2 настоящей статьи, назначается наказание в виде длительного лишения свободы – от 8 до 15 лет. Также в этих приговорах предусматриваются дополнительные наказания в виде ограничений, если инкриминируемые действия совершались с несовершеннолетним или в их результате был причинен тяжкий вред здоровью, к которому российский законодатель приравнял ВИЧ инфицирование.

Исходя из того, что за совершение указанных деяний законодатель ввел наказание в виде лишения свободы на срок превышающий 10 лет, данное преступление является особо тяжким. Законодатель справедливо относит указанные действия к особо тяжким преступлениям. Ведь защита прав несовершеннолетних, в том числе и защита их права на половую неприкосновенность, является одной из приоритетных задач не только в РФ, но и в международном сообществе. Так, в соответствии со ст. 34 Конвенции ООН «О правах ребенка», которую СССР ратифицировал еще в 1990 году, все участники приняли на себя обязательства защищать детей от любых форм сексуальной эксплуатации и совращения. Для этого государства в своём национальном праве, а также на уровне международных договоров и конвенций преследуют и предотвращают любое склонение (принуждение) детей к сексуальной деятельности; не допускают и криминализуют любое использование детей для целей проституции и иных сексуальных практик, включая порнографию[2].

Международные документы, учитывая неполное физическое и умственное развитие детей (преамбула Декларации прав ребенка ООН от 20 ноября 1959 года)[1], требуют создать особые условия охраны, равно как и правовых способов защиты.

Наказание за умышленные преступления в отношении несовершеннолетних всегда должно быть более суровым, чем за совершение тех же преступлений в отношении людей, достигших 18-летнего возраста.

Хочется заметить, что в отличие от других глав УК в 18 главе несовершеннолетие имеет детальную градацию. То есть, затрагивая, к примеру, ст. 132, можно заметить, что несовершеннолетние разделены на две категории: до 14 лет и 14-18 лет, что законодатель установил в качестве критерия отграничения особо квалифицирующих признаков деяния, которые влияют на ужесточение наказания. В данном случае, оно отличается суровостью. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 132 это лишение свободы от 12 до 20 лет. Кроме того, суды вправе назначить и дополнительное наказание, касающееся ограничения на занятие должностей или деятельностью. При этом к квалифицирующим признакам в данной части являются:

- 1) Смерть потерпевшего (потерпевшей) по неосторожности;
- 2) Недостижение потерпевшего (потерпевшей) 14-летнего возраста.

Логика здесь следует за возрастом потерпевшего, чем он меньше, тем более существенный вред причиняется и больше общественная опасность.

За деяния, предусмотренные п. «б» ч. 4 ст. 132, если они были совершены лицом ранее судимым за такое же преступление, следует наказание в виде длительного (до 20 лет) лишения свободы. Также и в этом случае могут назначаться дополнительные наказания, хотя при таких длительных сроках лишения свободы, они вряд ли имеют смысл. В данном случае возможно и назначение пожизненного лишения свободы.

Следует отметить, что не насильственные развратные действия, которые совершены в отношении ребенка, лица с психическим заболеванием, либо находящегося в состоянии не понимания того, что с ним

делают, нельзя квалифицировать по ст. 132 УК РФ по признаку совершения других, не указанных в статье сексуальных действий, пользуясь беспомощным состоянием потерпевшего. В данном случае следует указать на исключение, при котором ребенок вполне понимает характер и значение таких действий.

Таким образом, проблемами, возникающими при квалификации рассматриваемых деяний, являются проблемы разграничения половых преступлений, а также различия между насильственными действиями сексуального характера, изнасилованием и понуждением к действиям сексуального характера.

Правильная квалификация преступлений, будучи значимым требованием законности, выступает гарантией соблюдения прав и законных интересов граждан. Точная квалификация также существенна криминологически, ведь именно на ее базе моделируется качественная структура преступности, что, в свою очередь, позволяет осуществлять превенцию преступлений на сексуальной почве. Ложная квалификация неизбежно формирует неправильную оценку состояния и текущей динамики преступности, что неизбежно ведет к неадекватной и мало результативной профилактике.

Применительно к правотворчеству, корректная квалификация преступления значима не менее, так как демонстрирует законодателю достигнутый уровень правоприменительной эффективности ранее разработанных и действующих в настоящий момент уголовно-правовых норм. Кроме того, тенденции, выявленные в вопросах квалификации, могут стать материалом и стимулом для изменений и дополнений законодательства.

Таким образом, дальнейшие исследования вопросов квалификации рассматриваемых преступлений важны не только с точки зрения правильной квалификации в контексте правотворческой деятельности и соблюдения прав и законных интересов граждан, но и будут способствовать выработке эффективных мер противодействия рассматриваемому виду преступности, улучшению криминальной ситуации в стране в целом.

Список литературы

1. Декларация прав ребенка [Электронный доступ]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml
2. Ковенция ООН о правах ребенка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 02.02.2021)
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации – 17 июня 1996 г. – № 25 – Ст. 2954.
4. Постановление Пленума ВС РФ от 04.12.2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против неприкосновенности и половой свободы личности»// «Российская газета», N 284, 12.12.2014.
5. Всемирная организация здравоохранения. Глобальная стратегия профилактики инфекций, передаваемых половым путём, и борьбы с ними, 2006-2015 гг. Женева, 2007. С. 6-7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.who.int/reproductivehealth/publications/rtis/9789241563475/ru/>

References

1. Declaration of the Rights of the Child [Electronic Access] – Access Mode: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml
2. UN covension on the rights of the child [Electronic resource]. – Access mode: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (date accessed: 02.02.2021)
3. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation – June 17, 1996 – No. 25 – Art. 2954.
4. Resolution of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation of 04.12.2014 No. 16 “On judicial practice in cases of crimes against the inviolability and sexual freedom of the individual” // “Rossiyskaya Gazeta”, N 284, 12.12.2014.

Тарасов Евгений Александрович,

кандидат технических наук, доцент кафедры Строительной техники и инженерной механики,
ФГБОУ ВО Воронежский государственный технический университет, город Воронеж,
382652@mail.ru

О ЗНАЧЕНИИ ТРАНСПОРТНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОВЕРОК СТРАХОВЫХ СЛУЧАЕВ ПО ОСАГО С ПРИЗНАКАМИ ИМИТАЦИИ, ИНСЦЕНИРОВКИ И ПРОВОЦИРОВАНИЯ ПРОИСШЕСТВИЯ

Аннотация. В статье обосновывается эффективность транспортно-трасологической экспертизы для установления достоверности обстоятельствам ДТП на основе анализа предъявленных и зафиксированных повреждений и следов контакта. Приводятся признаки имитации ДТП. Описаны особенности следовой картины при имитации ДТП без реального столкновения транспортных средств. Указано, что устройства объективного контроля (регистраторы) часто используются как составная часть сценария, по которому реализуется развитие механизма ДТП. Делается вывод, что инструментальные методы исследования при производстве транспортно-трасологической экспертизы позволят избежать двойного толкования происхождения следов.

Ключевые слова: ДТП, транспортно-трасологическая экспертиза, имитация ДТП, ОСАГО, страховая компания

Evgenii A. Tarasov,

PhD in Technics, associate Professor of the Department of construction machinery and engineering mechanics,
Voronezh state technical University, Voronezh,
382652@mail.ru

ON THE IMPORTANCE OF TRANSPORT AND TRACOLOGICAL EXPERTISE IN CONDUCTING INSPECTIONS OF INSURANCE CLAIMS UNDER CTP WITH SIGNS OF IMITATION, STAGING AND PROVOKING AN ACCIDENT

Abstract. The article substantiates the effectiveness of transport and tracological expertise to establish the reliability of the circumstances of an accident based on the analysis of the presented and recorded damage and traces of contact. The signs of an accident simulation are given. The features of the trace pattern in the simulation of an accident without a real collision of vehicles are described. It is said that objective control devices (recorders) are often used as an integral part of the scenario, according to which the development of the accident mechanism is realized. It is concluded that instrumental research methods in the production of transport and tracological expertise will avoid a double interpretation of the origin of traces.

Keywords: Road accidents, transport and tracological expertise, simulation of road accidents, CTP, insurance company

Введение системы обязательного автострахования и практика ее функционирования показали, что помимо положительных изменений в ситуации с последствиями ДТП для граждан, сформировалась и система использования ОСАГО с целью обмана, присвоения средств страховых компаний, мошенничества в сфере автострахования с использованием транспортных средств [1].

Одно из наиболее распространенных проявлений страхового мошенничества – фиктивные ДТП и инсценировки ДТП, организованные с целью ремонта

автомобиля и устранения ранее полученных повреждений за счет средств, полученных от страховщика, при признании ДТП страховым случаем. Эффективным средством противодействия практике страхового мошенничества стало использование страховыми компаниями транспортно-трасологической экспертизы для установления достоверности описания происшествия участниками и соответствия картины реальным событиям и обстоятельствам ДТП на основе анализа предъявленных и зафиксированных повреждений и следов контакта.

Транспортно-трасологическая экспертиза позволяет построить динамическую модель механизма развития ДТП по зафиксированной следовой картиной и сопоставить полученные на основе объективных данных выводы с картиной, которую описывают участники ДТП. Объективность и достоверность данных является базовым преимуществом любого научного метода с точки зрения доказательной силы и возможности не только умозрительно выстроить предположительную картину развития событий, но и положить в ее основу данные измерений и исследований, подлежащие проверке и научному обоснованию [2].

Имитация ДТП и провоцирование ДТП для получения страховых выплат по ОСАГО. При проверке на достоверность картины ДТП, приведенной на схеме, в описании (объяснении) участников и в виде материалов, собранных аварийным комиссаром страховой компании на месте происшествия (при осмотре автомобиля), автотехническая экспертиза позволяет с высокой степенью достоверности установить факты несоответствия следовой картине. Поскольку для страхового мошенничества применяются два варианта действий (сценариев): имитация (инсценировка) и провоцирование ДТП, необходимо выработать навык и базу знаний, позволяющих отличить имитацию ДТП от реального происшествия, которое было умышленно спровоцировано одной из сторон.

Признаки имитации ДТП в следовой картине и описании механизма развития происшествия участником. Имитация ДТП — это попытка создания искаженной следовой картины происшествия (столкновения) с целью выдать более старые повреждения за новые, чтобы получить страховые выплаты. Имитирование ДТП можно охарактеризовать как крайне грубую, примитивную и построенную на некотором знании признаков столкновения в общей следовой картине попытку навязывания восприятия механизма и результатов ДТП [3].

Мы не рассматриваем мотивы и механизмы страхового мошенничества в части реализации сценариев и оформления имитации ДТП как фактического происшествия, но, исходя из практики работы экспертов, указываем типичные для таких случаев признаки:

- следы столкновения расположены вне связи с описанной и показанной на схеме ситуацией, их расположение указывает на явно иной механизм развития происшествия;
- при осмотре автомобиля видно наложение новых следов на места, где ранее возникла коррозия, имелись признаки деформации и нарушения структуры материалов;
- при объективном исследовании оценка силы, направления и продолжительности столкновения по имеющимся следам не соответствует характеру повреждений;

- присутствуют следы, оставленные посторонними предметами, которыми наносились повреждения на лако-красочное покрытие (далее-ЛКП) и материалы кузова для имитации последствий столкновения.

При проведении транспортно-трасологической экспертизы по следам столкновения выявляются признаки, указывающие на несоответствие объективно видимых и зафиксированных следов заявленному описанию происшествия и схеме ДТП. Механизм инсценировки может быть установлен по характеру следов, признакам воздействия на материалы [4].

Признаки ДТП, возникшего в результате провоцирования одним из участников. «Автоподстава» или спровоцированное ДТП характеризуется наличием признаков реального столкновения, которое стало следствием поведения водителя и реакции второго участника. При этом уже на этапе оформления и предъявления материалов страховой компании инициатор навязывает ложные выводы, которые должны привести к увеличению оценки повреждений. В некоторых случаях транспортно-трасологическая экспертиза может выявить признаки «усиления» следов посторонними предметами, умышленные искажения, но при первичном осмотре будут видны следы истинного столкновения [5].

Если целью «подставы» служило именно завышение оценки повреждений, а не мошенническое получение средств от второго участника, то в следовой картине будет просматриваться наложение следов и признаков:

- явные следы контакта транспортных средств при перестроении или в результате удара в заднюю часть автомобиля, при этом преобладающие следы контакта будут расположены с правой стороны автомобиля инициатора ДТП;
- поверхностный характер следов на частях кузова и ЛКП, соответствующий незначительному по силе и продолжительности контакту;
- несоответствие свежих следов картине деформации или иных повреждений транспортного средства (далее – ТС), заявленных инициатором ДТП как последствия столкновения;
- наличие признаков более ранних повреждений и воздействий, корректирующих следовую картину для усиления эффекта при оценке повреждений.

При этом транспортно-трасологическая экспертиза может обнаружить следы естественного износа кузова автомобиля, повреждения подвески и несущей конструкции, говорящие о более серьезном происшествии, которое не было зафиксировано [6].

Особенности следовой картины при имитации ДТП без реального столкновения. Представители страховой компании могут провести транспортно-трасологическую экспертизу для выявления признаков имитации ДТП по следам на кузове и по

вреждениям конструктивных частей автомобиля. На основе практического опыта эксперта и анализа накопленных данных, можно сделать ряд выводов и рекомендовать обратить внимание на ряд особенностей.

1. Следы указывают на недостаточную для описанного механизма развития ДТП динамику контакта. Например, при контакте с передней частью другого транспортного средства в момент его торможения, на кузове пострадавшего автомобиля останется продольный след с характерным изгибом. Во время торможения передняя часть автомобиля опускается, после остановки в результате реакции подвески она динамично поднимается. В зависимости от скорости движения и замедления, след по траектории контакта будет иметь завершение с направленным вверх под углом финальным штрихом. При имитации ДТП создать такую картину без реального столкновения крайне затруднительно.

2. Полученные силовой частью конструкции автомобиля повреждения динамически не связаны с описанным механизмом происшествия. Например, состояние лонжеронов кузова говорит о воздействии диагонально направленной силы от переднего правого угла в сторону заднего левого, при этом на правой стороне имеется выраженный и свежий след от продольного динамического контакта в направлении от задней части автомобиля к передней. Повреждение могло быть нанесено посторонним предметом для имитации следа столкновения, но деформация кузова не соответствует динамической картине ДТП по оставленному следу.

3. Имеются вмятины на задней части кузова, но не нарушена целостность осветительных приборов, по высоте вмятины расположены вне зоны предполагаемого контакта с частями другого автомобиля.

4. При наличии следов повреждения кузова без существенной остаточной деформации (“царапин”) владелец транспортного средства указывает на повреждение узлов крепления двигателя, что должно быть связано с более интенсивным воздействием на поверхности частей кузова.

При транспортно-трассологической экспертизе следует уделить внимание наличию посторонних микрочастиц в местах контакта. Если следовая картина ДТП была воспроизведена с использованием посторонних предметов, то с высокой степенью вероятности обнаружится:

- отсутствие частиц ЛКП от другого автомобиля в местах контакта окрашенных частей;
- наличие следов предмета несвойственной частям автомобиля формы и твердости;
- повреждение ЛКП исследуемого автомобиля в виде следа от твердого и острого предмета или группа параллельных следов с равными расстояниями между линиями (металлическая щетка, металлическая тёрка, смятая проволока);

- отсутствие признаков деформации оставившего след предмета в конце линии взаимодействия.

Последний пункт имеет особое значение, если речь идет о вероятном столкновении с остаточной деформацией частей кузова. Выступающие детали оборудования большинства современных автомобилей имеют либо гладкую поверхность без выраженных острых углов, либо низкую прочность. При столкновении они с крайне малой вероятностью оставят след, характерный для прочного, твердого или острого металлического предмета, например, молотка, мотка проволоки, фрагмента стального арматурного прутка. При имитации ДТП, если речь идет о возможности связать старые повреждения с происшествием, инициатор не может полностью воспроизвести картину, в которой естественный износ и старение следа можно полноценно замаскировать. Это касается и случаев, когда имитация, инсценировка и провоцирование ДТП объединяются в одном замысле [7].

Сложная следовая картина при имитации, инсценировке и провоцировании ДТП. Следует иметь в виду, что имитация следов является составной частью инсценировки ДТП, а последняя может использоваться в «подставе» для усиления эффекта и создания более сложной картины повреждений. Анализ данных из материалов страховых компаний показывает, что по мере оснащения транспортных средств устройствами объективного контроля (регистраторами) грубая имитация следов с применением посторонних предметов утрачивает смысл, зато растет число спровоцированных ДТП, в которых она используется как составная часть сценария, по которому реализуется развитие механизма ДТП.

Особенности следовой картины при таких обстоятельствах могут выражаться в смешивании и наложении признаков.

1. Повреждения локализуются на левой стороне кузова и в задней части, поскольку столкновение планируется с минимальным риском виновности инициатора.

2. Локализация повреждений указывает на стремление избежать фиксации событий средствами объективного контроля (видеорегиистратором).

3. Часть повреждений ЛКП и поверхностей кузова накладывается на более старые следы, имеющие посторонние загрязнения, иногда не соответствующие сезону года и состоянию дорожного покрытия. Например, металл имеет признаки коррозии и оседания частиц соли, при этом он может быть зачищен.

4. Высока вероятность обнаружения на левой стороне кузова многочисленных следов восстановления ЛКП после незначительных повреждений (царапин, линий сколов), при этом они оказываются смещенными к задней части автомобиля.

5. Повреждения с признаками старения следа могут иметь характер, указывающий на их искусственное происхождение и применение посторонних предметов.

Кузов и несущие конструкции имеют ряд повреждений, по признакам указывающих на более интенсивное взаимодействие, чем предполагает следовая картина и вероятный механизм развития ДТП [8].

Ценность комплексной оценки следовой картины по результатам транспортно-трассологической экспертизы автомобиля после ДТП. Результаты транспортно-трассологической экспертизы имеют ценность как полученные научными методом данные, объективность которых не вызывает сомнений. При проведении исследования следовой кар-

тины применяются аппаратные и инструментальные методы, лабораторные анализы, позволяющие избежать двойного толкования, интерпретировать след с большим числом вариантов происхождения.

Специалисту страховой компании следует рассматривать эти данные как информацию для построения картины, отражающей механизм развития ДТП, отдельно фиксируя признаки, по которым может быть выявлена и доказана имитация следов, инсценировка происшествия и его провоцирование. При рассмотрении случая с учетом данных объективной фиксации (регистраторов) вероятность успешного страхового мошенничества значительно снижается, эффективность подобных действий с точки зрения получения выгоды вызывает все больше сомнений.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 18.12.2018) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».
2. Подставные ДТП для страховой: инсценировка и наказание. [Электронный ресурс]: <http://zakon-auto.ru/dtp/podstavnye-dlya-strahovoj.php>. Доступ 15.03.2021.
3. Транспортно-трассологическая экспертиза по делам о дорожно-транспортных происшествиях (диагностические исследования). – 1998. – Вып. 1, ВНИИСЭ. – 100 с.
4. Показатели состояния безопасности дорожного движения. [Электронный ресурс]: <http://stat.gibdd.ru>. Доступ 16.03.2021.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019).
6. Транспортно-трассологическая экспертиза по делам о дорожно-транспортных происшествиях (диагностические исследования). – 1988. – Вып. 2, ВНИИСЭ. – 120 с.
7. *Байэтт Р., Уотс Р.* Расследование дорожно-транспортных происшествий. – М.: Транспорт. – 1978. – 288 с.
8. Методическое пособие для экспертов, следователей и судей «Транспортно-трассологическая экспертиза по делам о дорожно-транспортных происшествиях» (диагностические исследования). Часть 1, 2. – М.: ИЦ ИПК РФЦСЭ, 2006.

References

1. Federal Law No. 40-FZ of 25.04.2002 (as amended on 18.12.2018) "On Compulsory insurance of Civil Liability of Vehicle Owners".
2. Fake accidents for the insurance company: staging and punishment. [Electronic resource]: <http://zakon-auto.ru/dtp/podstavnye-dlya-strahovoj.php>. Access 15.03.2021.
3. Transport and tracological expertise in cases of road accidents (diagnostic studies). – 1998. – Issue 1, VNIISE – – 100 p.
4. Indicators of the state of road safety. [Electronic resource]: <http://stat.gibdd.ru>. Accessed 16.03.2021.
5. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended on 27.12.2018) (with amendments and additions, intro. effective from 08.01.2019).
6. Transport and tracological expertise in cases of road accidents (diagnostic studies). – 1988. – Issue 2, VNIISE. – 120 p.
7. *Byatt R., Watts R.* Investigation of road accidents. – M.: Transport. – 1978. – 288 p.
8. Methodological guide for experts, investigators and judges "Transport and tracological expertise in road traffic accidents" (diagnostic studies). Part 1, 2. – Moscow: IC IPK RFTSSE, 2006.

Титовец Анна Эдуардовна,
соискатель кафедры Прокурорского надзора и криминологии,
ФГБОУ ВО Саратовская государственная юридическая академия, город Саратов,
klan1986.86@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОЕРШАЕМЫХ ПО МОТИВУ РЕВНОСТИ

Аннотация. В статье предпринята попытка дать уголовно – правовую характеристику преступлениям, совершаемым по мотиву ревности, и привлечь внимание (как со стороны научного сообщества, так и со стороны российского законодателя) к имеющимся проблемам уголовно-правовой регламентации рассматриваемых в настоящей статье преступных посягательств. Автором обозначены объективные и субъективные признаки рассматриваемых преступных посягательств. Выявлены несовершенства правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за преступления, которые совершаются по мотиву ревности и порождают у правоприменителей проблемы их квалификации. Автором отмечается, что доведение до самоубийства, в частности, доведение до самоубийства, совершаемое по мотиву ревности, по конструкции объективной стороны есть усеченный состав преступного посягательства и считается оконченным с момента доведения до покушения потерпевшего на самоубийство. Новизна исследования обусловлена комплексным (концептуальным) подходом к уголовно-правовой характеристике преступных посягательств, совершаемых по мотиву ревности, и разработанными на его основе предложениями по совершенствованию норм в рассматриваемой части российского уголовного закона. Констатируется, что в настоящее время назрела необходимость внесения изменений в исследуемой части в российский уголовный закон. Кроме того, автор приходит к выводу, что назрела необходимость разработать и принять Постановление Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации преступлений, совершаемых по мотиву ревности, где подробным образом предлагается разъяснить нижестоящим судам оценочные признаки, наличествующие в составах преступных посягательств, совершаемых по мотиву ревности, и иные вопросы, вызывающие проблемы при квалификации рассматриваемых преступных посягательств.

Ключевые слова: преступления; преступления, совершаемые по мотиву ревности; мотив; ревность; субъективные признаки; объективные признаки; уголовно-правовая характеристика

Anna E. Titovets,
Applicant at the Department of Prosecutor's Supervision and Criminology, Saratov state law Academy, Saratov,
klan1986.86@mail.ru

CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF CRIMES COMMITTED ON THE GROUNDS OF JEALOUSY

Abstract. The article attempts to give a criminal – legal characterization of crimes committed on the grounds of jealousy, and to draw attention, both from the scientific community and from the Russian legislator, to the existing problems of criminal-legal regulation of the criminal encroachments considered in this article. The objective and subjective signs of the considered criminal offenses are indicated. Imperfections of the legal norms providing for criminal liability for crimes that are committed out of jealousy and give rise to problems of their qualification among law enforcement officers are revealed. The author notes that incitement to suicide in general and in particular, incitement to suicide committed on the grounds of jealousy, according to the construction of the objective side, is a truncated part of the criminal act and is considered completed from the moment of bringing the victim to attempt suicide. The novelty of the study is due to the complex (conceptual) approach to the criminal-legal characterization of criminal attacks committed on the basis of jealousy, and the proposals developed on its basis for improving the norms in the considered part of the Russian criminal law. It is stated that at present there is a need to make changes in the studied parts of the Russian criminal law. In addition, the author comes to the conclusion that there is a need to develop and adopt a Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the qualification of crimes committed on the grounds of jealousy, where it is proposed to explain in detail to the lower courts the evaluation signs

that are present in the composition of criminal attacks committed on the grounds of jealousy, and other issues that cause problems in the qualification of the considered criminal attacks.

Keywords: crimes, crimes committed on the basis of jealousy, motive, jealousy, subjective signs, objective signs, criminal-legal characteristics

На территории российского государства уже длительное время криминогенная ситуация продолжает оставаться сложной и напряженной. Согласно статическим данным в 2016 году на территории РФ было зарегистрировано 2 160 063 преступлений (темп прироста составил – 9,6%); в 2017 году – 2 058 476 (– 4,7%); в 2018 году – 1 991 532 (– 3,3%); в 2019 году – 2 024 337 (+ 1,6%); в 2020 году – 2 044 221 (+ 1,0%) [20]. Не исключением являются и преступления, совершаемые по мотиву ревности.

Рассматриваемые в настоящей статье преступные посягательства – это противоправные деяния, посягающие на различные блага личности. Нередко ревность, как мотив совершения преступлений, связывается с преступными посягательствами, предусмотренными ст.ст. 105, 107, 110, 111, 112, 113, 115, 116.1, 117, 119 УК РФ и др. Круг данных преступлений не ограничен. Из ревности могут совершаться и иные преступные посягательства, но, тем не менее, в большинстве случаев из ревности совершаются преступления против личности, в частности, преступления против жизни и здоровья.

Преступления, совершаемые по мотиву ревности, относятся к насильственным преступным посягательствам, и обусловлено это тем, что ревность, как феномен социального бытия человека, порождающая совершение преступления, наличествует у вспыльчивых и неуравновешенных людей, обладающих агрессией, что зачастую ведет к совершению насильственных преступлений. Уголовно-правовая характеристика рассматриваемых преступных посягательств имеет важное значение.

Общественная опасность исследуемых преступных посягательств не вызывает сомнений, ибо зачастую они посягают на различные блага личности. Термин «личность» в данном контексте означает человека, индивидуума как субъекта социальных отношений и сознательной созидательной деятельности; отдельное человеческое «Я» [12, с. 552]. Термин «личность» шире, чем термин «человек», под которым понимается живое (биологическое) существо обладающее даром речи, мысли и способностью производить и использовать в своих целях орудия труда [12, с. 1085]. Эти понятия соотносятся как часть и целое. Однако, несмотря на данное обстоятельство, ни научным сообществом, ни российским законодателем, как правило, не проводится различий между данными терминами, они используются как синонимы, как тож-

дественные понятия. Тем не менее, в уголовно-правовой доктрине наличествуют попытки разграничить данные термины, в частности, по мнению некоторых ученых, термин «личность» в отличие от термина «человек» включает в свое содержание «социализированную личность», однако данный подход нельзя признать успешным. В частности, по мнению А.Н. Красикова личностью может считаться не всякий человек, как биологическое существо, обладающий даром речи и мыслительным процессом, а только человек, который, способен самостоятельно владеть, пользоваться, распоряжаться правами, а также самостоятельно исполнять установленные государством обязанности [17, с. 6]. Но при данном подходе, мы будем вынуждены исключить из круга потерпевших, в отношении которых совершаются преступные посягательства против личности новорожденных, младенцев, лиц, страдающих психическими расстройствами, что является неприемлемым в принципе, поскольку уголовное законодательство защищает любого человека и гражданина.

Видовым объектом рассматриваемых преступных посягательств может быть жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность [6]; право на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность [17]; общественные отношения, гарантирующие право человека на жизнь и здоровье, находящиеся под уголовно-правовой охраной [15]; общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни, здоровья [4; 11]. Данные разночтения позиций научного сообщества относительно видового объекта преступных посягательств, совершенных по мотиву ревности, обусловлено тем, что в настоящее время в уголовно-правовой доктрине нет единства во мнении относительно объекта преступления. На наш взгляд более предпочтительной является позиция ученых, которые под объектом преступного посягательства предлагают понимать определенные блага, которые охраняются уголовным законом, под угрозой наказания. В связи с чем видовым объектом рассматриваемых преступных посягательств выступает жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность как определенные блага, охраняемые российским уголовным законом.

Исходя из чего, непосредственным объектом рассматриваемых преступлений выступает жизнь, здоровье и телесная неприкосновенность конкретного человека.

Потерпевшим от преступных посягательств, совершаемых по мотиву ревности, может быть лицо

независимо от пола, возраста или каких-либо иных характеристик, а в некоторых случаях обязательным признаком потерпевшего должно быть его поведение, а именно противоправное или аморальное, которое вызвало у виновного состояние аффекта. Анализ материалов правоприменительной практики в исследуемой части показывает, что преимущественно потерпевшими от преступных посягательств, совершаемых по мотиву ревности, являются лица женского пола. За редким случаем потерпевшим может быть мужчина. Данное обстоятельство обусловлено тем, что лицам мужского пола в большей степени присуща ревность, способная породить совершение преступного посягательства, нежели лицу женского пола.

Объективная сторона рассматриваемых преступных посягательств выражается в деянии, как в форме действия, так и в форме бездействия. Только в форме активных действий могут выражаться преступные посягательства, совершаемые по мотиву ревности, предусмотренные ст.ст. 107, 113, 116.1, 117, 119 УК РФ. Все остальные рассматриваемые нами преступные посягательства могут быть совершены как в форме действия, так и в форме бездействия.

Так например, в уголовно – правовой доктрине вопрос относительно формы деяния доведения до самоубийства является дискуссионным. Одни авторы полагают, что доведение до самоубийства может быть совершено только в форме действия, другие – как в форме действия, так и бездействия [6, с. 246]. Анализ российского уголовного закона и материалов правоприменительной практики в рассматриваемой части, показывает, что преступное посягательство, предусмотренное ст. 110 УК РФ и совершенное по мотиву ревности может быть совершено как в форме активных действий, так и в форме бездействия.

Обязательным признаком объективной стороны некоторых рассматриваемых нами преступных посягательств выступают последствия в виде смерти, причинения вреда здоровью различной степени тяжести, и как следствие, в данном случае конструктивным признаком объективной стороны выступает причинно – следственная связь.

Нередко криминообразующим признаком исследуемых в настоящей статье составов преступных посягательств, выступают способы их совершения. В частности, к таким составам преступных посягательств следует, например, отнести доведение до самоубийства. Российский законодатель в диспозиции ч. 1 ст. 110 УК РФ устанавливает способы совершения доведения до самоубийства (угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение чести и достоинства).

Закреплены также и способы совершения такого преступления как истязание (путем систематического нанесения побоев; иные насильственные действия).

Исходя из того обстоятельства, что указанные способы совершения данных преступных посягательств являются оценочными категориями и не разъясняются российским законодателем в уголовном законе, в правоприменительной практике нередко возникают вопросы квалификации данных преступных посягательств в целом, в частности, преступных посягательств, совершаемых по мотиву ревности. В целях купирования при квалификации рассматриваемых составов преступных посягательств и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности и назначения справедливого наказания наличествует необходимость разъяснений Пленумом Верховного Суда Российской Федерацией вышеуказанных способов совершения преступлений.

По конструкции объективной стороны анализируемые преступные посягательства сконструированы как по типу материальных (например преступные посягательства, предусмотренные ст.ст. 105, 107, 111, 112, 113, 115 УК РФ), так и по типу формальных (например преступные посягательства, предусмотренные ст.ст. 116.1, 117, 119 УК РФ). Кроме того по конструкции объективной стороны рассматриваемые преступления могут быть усеченными. В частности, из ревности может быть совершено и доведение до самоубийства (ревность мотивом совершения доведения до самоубийства явилась в 5,2% случаев из всех совершенных преступных посягательств, предусмотренных ст. 110 УК РФ [8, с. 98]).

Однако, следует констатировать, что в настоящее время по мере осмысления конструкции объективной стороны доведения до самоубийства, научным сообществом были выработаны различные позиции. Его относят к материальным составам преступного посягательства [2, с. 80; 5, с. 101]; формальным составам преступления [18, с. 53; 23, с. 42]; формально – материальным составам преступного посягательства [7, с. 812; 16, с. 403]. Однако для признания доведения до самоубийства окончанным составом преступного посягательства не требуется не только наступление преступных последствий (смерть человека), но и доведение до конца тех действий, которые способны вызвать данные последствия. Исходя из чего следует констатировать, что доведение до самоубийства по конструкции объективной стороны есть усеченный состав преступного посягательства и считается окончанным с момента доведения до покушения потерпевшего на самоубийство.

Субъективная сторона преступных посягательств, совершаемых по мотиву ревности, характеризуется исключительно умышленной формой вины, которая может выражаться как в прямом, так и косвенном виде умысла (например преступные посягательства, предусмотренные ст.ст. 105, 107, 111, 112, 113, 115 УК РФ), либо может выражаться исключитель-

но в прямом виде умысла (например преступные посягательства, предусмотренные ст.ст. 116.1, 117, 119 УК РФ), что находится в прямой зависимости от конструкции объективной стороны исследуемых преступных посягательств. При этом следует отметить, что сторонники материального подхода к конструкции объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, характеризуют субъективную сторону умышленной формой вины, которая выражается в прямом или косвенном виде умысла [2, с. 80; 5, с. 101]; сторонники формально – материального подхода по отношению к доведению до самоубийства – умышленной формой вины и прямым или косвенным видом умысла, по отношению к покушению доведения до самоубийства – только прямым видом умысла [3, с. 356; 7, с. 812]. Кроме того, другие ученые напротив полагают, что доведение до самоубийства может быть совершено не только умышленно, но и по неосторожности [1, с. 75; 9, с. 502].

Российский законодатель устанавливает, что преступным посягательством, совершенным по неосторожности, признается только такое преступление, когда это предусмотрено диспозицией статьи Особенной части УК РФ. В данном случае, исходя из законодательной конструкции ст. 110 УК РФ, доведение до самоубийства может быть совершено исключительно умышленно. При этом в связи с тем, что доведение до самоубийства по конструкции объективной стороны выступает усеченным составом преступного посягательства, его субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины, которая выражается в прямом виде умысла.

Исследуемые в настоящей статье преступления не могут являться преступными посягательствами, которые характеризуются неосторожной формой вины, ибо в данном случае наличествует мотив совершения преступления – ревность, который выступает личным, низменным, антисоциальным мотивом с изменчивым антиобщественным содержанием. Ревность имеет конкретную направленность.

Ревность, как мотив рассматриваемых преступных посягательств, не является конструктивным признаком состава преступных посягательств и не влияет на их квалификацию. Ревность, как мотив преступных посягательств упоминается лишь в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 от 27 января 1999 года № 1 [21]. Однако данное обстоятельство никоим образом не умаляет рассмотрение ревности, как мотива совершения преступных посягательства, ибо в настоящее время на территории российского государства зарегистрировано значительное количество преступных посягательств, совершаемых именно по мотиву ревности.

В качестве конструктивных признаков составов преступных посягательств, совершаемых по мо-

тиву ревности, российский законодатель устанавливает эмоцию – состояние аффекта (например, ст. 107 УК РФ, 113 УК РФ). Аффект (сильное душевное волнение) представляет собой психическое расстройство, выступающее некой реакцией человека на возникающую острую для него психотравмирующую ситуацию. Он на недлительное время дезорганизует конкретного человека посредством сужения его сознания, однако при этом в сознании конкретного человека не прекращается течение интеллектуальных, эмоциональных и волевых процессов. Кроме того следует отметить, что аффект сопровождается импульсивными действиями человека, его соматовегетативными нарушениями, нарушая при этом не только целостное восприятие конкретным человеком окружающей его обстановки, понимание наличествующей ситуации, но и снижает возможность руководить в полном объеме своими действиями [14, с. 21].

У человека аффективное состояние может возникнуть под воздействием различных поводов. Российский законодатель при конструировании некоторых составов преступных посягательств, совершаемых по мотиву ревности, устанавливает исчерпывающий перечень поводов к возникновению у виновного лица состояния сильного душевного волнения. Данные поводы в настоящее время не раскрываются российским законодателем, более того они являются оценочными категориями, которые определяются российским законодателем в уголовном законе абстрактно и раскрываются исключительно российским правоприменителем исходя из его усмотрения и наличествующих обстоятельств конкретного уголовного дела. В связи с чем в правоприменительной практике наличествуют проблемы при квалификации рассматриваемых преступных посягательств, совершаемых в состоянии аффекта, что во многом порождено несовершенством уголовно – правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за преступное посягательство, совершенное в состоянии аффекта. В частности, нередко убийство в состоянии аффекта, совершенное по мотиву ревности, квалифицируется правоприменителями как простое убийство [22]. Кроме того, данные проблемы порождены еще и тем обстоятельством, что в настоящее время в уголовно – правовой доктрине нет единой позиции, является ли измена тяжким оскорблением. Позиции ученых разнятся, а зачастую и противоречат друг другу. Так одни ученые полагают, что измена может выступать тяжким оскорблением, которое является поводом к возникновению у виновного лица состояния аффекта [19, с. 144; 24, с. 51]. Другие высказывают позицию, что ни при каких обстоятельствах измена не может выступать тяжким оскорблением [13, с. 140 – 142]. В уголовно – правовой доктрине наличествует и позиция, согласно которой измена мо-

жет выступать тяжким оскорблением, которое является поводом к возникновению аффекта только при определенных условиях [10, с. 64]. На наш взгляд, измена любимого человека – это тяжкое оскорбление, которое может послужить поводом к возникновению у виновного состояния сильного душевного волнения, вне зависимости от каких – либо определенных условий, что непосредственно устанавливается судебной психолого – психиатрической экспертизой.

Субъектом рассматриваемых преступных посягательств является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет (ст.ст. 105, 111, 112 УК РФ) или возраста 16 лет (ст. 107, 110, 113, 115, 116.1, 117, 119 УК РФ). Зачастую исследуемые преступления совершаются мужчинами, что обусловлено их психологическими, биологическими особенностями, в отличие от лиц женского пола. Мужчины в большей степени обладают неустойчивой психикой, они чаще чем лица женского пола импульсивны, в связи с чем измена любимого человека может сподвигнуть их на совершение различных преступных посягательств. Кроме того, лица мужского пола более часто при совершении преступлений могут находиться в состоянии алкогольного опьянения, которое нередко выступает фоном совершения рассматриваемых преступных посягательств.

Таким образом, на основании вышеизложенного следует констатировать, что в настоящее время наличествует несовершенство конструирования российским законодателем составов преступных посягательств, совершаемых по мотиву ревности, исходя из чего назрела необходимость внесения изменений в УК РФ в рассматриваемой части, в разработке и принятии Постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации исследуемых в настоящей статье преступных посягательств, где подробным образом необходимо разъяснить нижестоящим судам оценочные признаки, наличествующие в составах преступных посягательств, совершаемых по мотиву ревности, и иные вопросы, вызывающие проблемы при квалификации рассматриваемых преступных посягательств.

Однако, в рамках настоящей статьи, нами была дана уголовно – правовая характеристика лишь части преступных посягательств, совершаемых по мотиву ревности, и выявлены далеко не все проблемы и несовершенства конструирования составов рассматриваемых преступных посягательств. Налиествовала попытка автора привлечь внимание, как со стороны научного сообщества, так и со стороны российского законодателя об имеющихся проблемах уголовно – правовой регламентации преступлений, совершаемых по мотиву ревности.

Список литературы

1. *Авакян Р.З.* Доведение до самоубийства и его предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. 21 с.
2. *Агафонов А.В.* Уголовная ответственность за ответственность за доведение до самоубийства: монография. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2012. 201 с.
3. *Ахметшин Х.М., Беляев А.Е., Борзенков Г.Н., Волженкин Б.В.* Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) /отв. ред. В.И. Радченко, науч. ред. А.С. Михлина. М.: Спарк, 2001. 862 с.
4. *Аюпов В.Ш.* К вопросу об объекте доведения до самоубийства // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 123 – 126.
5. *Борзенков Г.Н.* Квалификация преступлений против жизни и здоровья: учебно-практическое пособие. М.: Зерцало – М, 2006. 143 с.
6. *Бородин С.В.* Преступления против жизни. М.: Юрист, 1999. 356 с.
7. *Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Я.Е. Иванова* и др. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010. 792 с.
8. *Буряковская Е.В.* Уголовно – правовая и криминологическая характеристика доведения до самоубийства: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт – Петербург, 2020. 228 с.
9. *Верин В.П., Зателепин О.К.* и др. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.И. Радченко, науч. ред. А.С. Михлина, 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008. 699 с.
10. *Волков Б.С.* Мотивы преступлений. Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 152 с.
11. *Гладких В. И.* Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. В. В. Мозякова. М.: Экзамен, 2007. 720 с.
12. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково – образовательный: в 2 т. М.: Рус. язык, 2000. 1084 с.
13. *Загородников Н.И.* Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1961. 278 с.
14. *Козаченко И.Я., Спасенников Б.А.* О концепции аффекта в уголовно-правовой науке // Российский юридический журнал. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001, № 2. С. 20-30.
15. *Кирюхин А.Б.* Терминология, используемая действующим уголовным законодательством для обозначения преступления, совершаемого с применением насилия // Закон и право. 2014. № 2. С. 69–70.
16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2016. 796 с.
17. *Красиков А.Н.* Преступления против личности: учеб.пособие. Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 1996. 341 с.

18. Мальцев В.В. Доведение до самоубийства: проблемы квалификации и ответственности // Серийные убийства и их предупреждение: юридические и психологические аспекты. Материалы международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. Юрид. ин-та МВД РФ, 1998. С. 52 – 56.
19. Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1965. 206 с.
20. Показатели преступности в России // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации URL.: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 10.03.2021).
21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1. (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) // Российская газета. 1999. 09 февр.
22. Приговор Промышленного районного суда г. Самары от 17 сентября 2015 г. № 1- 238/2015. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
23. Романов А.К. Актуальные проблемы применения законодательства об уголовной ответственности за доведение до самоубийства // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2007. № 2 (2). С. 42 – 47.
24. Соотак Я.Я. Уголовно – правовая криминологическая характеристика на почве супружеской измены // Борьба с преступностью и проблемы нейтрализации криминогенных факторов сферы семьи и быта. Л., 1985. С. 15 – 19.
25. Эльмурзаев Д.Н. уголовная ответственность за доведение до самоубийства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 162 с.

References

1. Avakian R.Z. Bringing to suicide and its prevention: autoref. dis. ... cand. jurid. M., 1972. 21 p.
2. Agafonov A.V. Criminal responsibility for the responsibility for bringing to suicide: monograph. Moscow: Publishing House "Yurlitinform", 2012. 201 p.
3. Akhmetshin Kh. M., Belyaev A. E., Borzenkov G. N., Volzhenkin B. V. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) / ed. by V. I. Radchenko, scientific ed. by A. S. Mikhlin. M.: Spark, 2001. 862 p.
4. Ayupov V. Sh. On the question of the object of bringing to suicide // Bulletin of Tomsk State University. 2012. No. 363. p. 123-126.
5. Borzenkov G.N. Qualification of crimes against life and health: an educational and practical manual. Moscow: Zertsalo-M, 2006. 143 p.
6. Borodin S.V. Crimes against life. Moscow: Yurist, 1999. 356 p.
7. Brilliantov, G.D. Dolzhenkova, Ya.E. Ivanova, etc. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) / edited by A.V. Brilliantov. M.: Prospekt, 2010. 792 p.
8. Buryakovskaya E. V. Criminal-legal and criminological characteristics of bringing to suicide: dis. ... cand. jurid. sciences. St. Petersburg, 2020. 228 p.
9. Verin V. P., Zatelepin O. K., et al. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) / ed. by V. I. Radchenko, scientific ed. by A. S. Mikhlin, 2nd ed., reprint. and add. M.: Prospect, 2008. 699 p.
10. Volkov B.S. Motives of crimes. Criminal law and socio-psychological research. Kazan: Kazan Publishing House. un-ta, 1982. 152 p.
11. Gladkikh V.I. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation / ed. by V.V. Mozyakov. M.: Exam, 2007. 720 p.
12. Efremova T.F. New dictionary of the Russian language. Explanatory and educational: in 2 t. M.: Rus. yazyk, 2000. 1084 p.
13. Zagorodnikov N.I. Crimes against life in Soviet criminal law. Moscow: Gosyurizdat, 1961. 278 p.
14. Kozachenko I. Ya., Spasennikov B. A. On the concept of affect in criminal law science. – Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2001, No. 2. pp. 20-30.
15. Kiryukhin A.B. Terminology used by the current criminal legislation to designate a crime committed with the use of violence // Law and Law. 2014. No. 2. pp. 69-70.
16. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: in 2 volumes (article by article) / ed. by A.V. Brilliantov. 2nd ed., Moscow: Prospekt, 2016. 796 p.
17. Krasikov A. N. Crimes against the person: textbook.stipend. Saratov: Sarat Publishing House.un-ta, 1996. 341 p.
18. Maltsev V. V. Bringing to suicide: problems of qualification and responsibility // Serial murders and their prevention: legal and psychological aspects. Materials of the international scientific and practical conference. Rostov-on-Don: Publishing House of Rostov. Yurid. in-ta MVD RF, 1998. p. 52-56.
19. Pobegailo E.F. Premeditated murders and the fight against them. Voronezh: Voronezh Publishing House. Un-ta, 1965. 206 p.
20. Indicators of crime in Russia // Portal of legal statistics of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation URL.: http://crimestat.ru/offenses_chart (accessed 10.03.2021).
21. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 27, 1999 No. 1. (ed. of 03.03.2015) " On judicial practice in cases of murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Rossiyskaya Gazeta. 1999. 09 Feb.

22. Judgment of the Industrial District Court of Samara of September 17, 2015 No. 1-238/2015. Access from Help. the legal system "ConsultantPlus".
23. *Romanov A.K.* Actual problems of application of the legislation on criminal liability for bringing to suicide // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2007. No. 2 (2). pp. 42-47.
24. *Sostak Ya.Ya.* Criminal-legal criminological characteristics on the basis of adultery / / Fight against crime and problems of neutralization of criminogenic factors in the sphere of family and life. L., 1985. p. 15-19.
25. *Elmurzaev D.N.* Criminal responsibility for bringing to suicide: dis. ... cand. jurid. M., 2004. 162 p.

Чернявский Александр Геннадьевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Конституционного (государственного) и международного права Военного Университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Aleksandrcher@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА И ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО

Аннотация. В статье изложен взгляд автора на принцип исторической школы, который, по его мнению, включает в себе теорию как прошлого, так и будущего правообразования, несмотря на то, что чрезвычайно консервативные взгляды основателей исторической школы заставили их обратить внимание по преимуществу на один из фазисов эволюции права, а именно на переход от правовоззрений прежнего времени к современным правовым понятиям, и обойти идею прогресса и будущего развития права. Автор утверждает, что идеальные правовые отношения, создаваемые законодателем и юристом-философом, должны соответствовать его идеальному представлению о социальном состоянии общества. Автор полагает, что положительное право и общие правовые формы, рассматриваемые независимо от их содержания, представляются наиболее определенными и достоверными и, быть может, даже наиболее важными составными частями юридической науки, но, с другой стороны, исключение из области юриспруденции исследований идеального содержания права противоречит существующему понятию о философии права, которая именно занимается теоретическими воззрениями, заложенными в основание правовых норм.

Ключевые слова: правовые идеи, рационалистические теории, философия права, индивидуальная деятельность, историческое объяснение

Alexander G. Chernyavsky,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional (State) and International Law of the Military University, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Aleksandrcher@mail.ru

HISTORICAL SCHOOL AND NATURAL LAW

Abstract. The article presents the author's view of the principle of the historical school, which, in his opinion, contains the theory of both the past and future legal education, despite the fact that the extremely conservative views of the founders of the historical school forced them to pay attention mainly to one of the phases of evolution law, namely the transition from the legal views of the past to modern legal concepts, and bypass the idea of progress and future development of law. The author argues that the ideal legal relationship created by the legislator and the legal philosopher should correspond to his ideal idea of the social state of society. The author believes that positive law and general legal forms, considered regardless of their content, seem to be the most definite and reliable and, perhaps, even the most important constituent parts of legal science, but, on the other hand, the exclusion of research on the ideal content of law from the field of jurisprudence contradicts the existing concept of the philosophy of law, which deals with the theoretical views laid down in the basis of legal norms.

Keywords: legal ideas, rationalistic theories, philosophy of law, individual activity, historical explanation

Учение исторической школы юристов, противопоставившее в начале XIX-го столетия теории естественного, или рационального права – закономерное и преемственное развитие правовых идей, не представляется обособленным явлением в юридической литературе. Идеи постепенного образования права высказывались и ранее и противопоставлялись рационалистическим теориям, господствовавшим до конца XVIII-го столетия. Между наиболее выдающимися представителями этого направления,

после Монтескье во Франции, Бэрке в Англии и Вико в Италии, следует назвать немецких ученых Гердера, Мозера, Гуго и Нибура, которые все в большей или меньшей степени являются предвестниками правоведов, пытавшихся дать философии права историческое объяснение. Применение исторического метода к процессу правообразования сделано Савиньи в виду проекта Тибо о необходимости составления общегерманского гражданского кодекса [1]. В ответ на сочинение Тибо, Савиньи написал брошюру «О

призвании нашего времени к законодательству и науке права» (1814), в которой излагал личные взгляды на образование правовых идей [2]. Основные мысли этой брошюры, в которой теория исторической школы впервые нашла свое полное выражение, получили дальнейшее развитие в журнале, основанном Савиньи в 1815 году с Эйхгорном и Гошеном, а затем в сочинениях последних по римскому праву. Ближайший последователь Савиньи Пухта, справедливо считается вторым основателем школы, но он оказал сильное и не особенно благотворное влияние на Савиньи, так как в своей теории обычного права чрезмерно систематизировал более широкие взгляды учителя [3].

Теория, выработанная Савиньи, Пухтой и их последователями, по своему значению, отодвинула на задний план второстепенный вопрос о новом кодексе, который не забыт только потому, что дал толчок для развития идей, имеющих несравненно более общий интерес. Возникшая школа, противопоставляя идею исторического правообразования теории, признававшей существование неизменных юридических норм, вытекающих из народного духа, наносила удар не только старинному естественному праву и всем рационалистическим учениям XVIII-го века, но подрывала авторитет и более усовершенствованной теории естественного права, выработавшейся (у юристов) под влиянием философии Канта и сочинений его многочисленных учеников. Это учение, имевшее в Германии еще до половины XIX-го столетия значительное число сторонников, создало целый ряд своеобразных систем естественного права, признававших согласно формуле Канта, целью права создание условий, при которых свобода одного могла совмещаться со свободой всех и каждого [4]. На этом одном положении, получившем название принципа совместного существования, Кант и его последователи стремились построить все право. Понятая таким образом свобода признавалась прирожденным правом человека, и все, что было направлено к ее обеспечению, считалось чуждым юридическим норм.

Из этого права вытекают все права человека на свою собственную личность. Это права абсолютные, которые обеспечивают уважение к моральной и физической личности, т.е. к его телу, чести, внешней свободе, свободе совести и мысли. Все другие права, обусловленные фактическим приобретением – есть права гипотетические и производные. Спорным в этих положениях являлся лишь вопрос о праве собственности, в котором некоторые видели абсолютное право, вытекающее из свободы, между тем как другие, например Гро, признавали в нем право гипотетическое, в силу того, что оно относится к внешним предметам и обусловлено фактическим владением. Все остальные юридические нормы и институты были признаны вытекающими производным путем из договора.

Так, например, право наследования законного наследника, брак и семья имеют основанием договор. Брак может рассматриваться как союз, имеющий целью осуществление наиболее совершенной совместной физической и духовной жизни и создание семьи, или как союз, основанный исключительно на взаимных отношениях супругов. С первой точки зрения законным браком может быть признано только единобрачие; со второй, которую разделяет Гро, являющийся в этом вопросе последователем Фихте, все союзы, до временного брака включительно, несмотря на его безнравственность, должны признаваться не противоречащими идее права, под условием согласия сторон. Равным образом единственной основой государства является безмолвный, но необходимый договор, который находит свое выражение в самом принципе права, утверждаемом государственной властью путем принудительной силы. Деятельность государства ограничивается юридической областью и должна быть направлена лишь к осуществлению принципа совместного существования и к охране вытекающих из этого принципа правовых отношений. Из этого следует, что задачи государства сводятся к охране свободной индивидуальной деятельности и к ограждению свободы всех от каких-либо на нее посягательств, но вне этой узкой сферы деятельности государство не может оказывать никакого принудительного действия ни в области общих интересов, ни в области общественного развития. Правда, некоторые писатели пытались оправдать известное вмешательство государства и в эту заветную сферу на том основании, что такое вмешательство косвенным образом ограждает действительные права и дает им прочное основание. Но наиболее распространенное мнение отрицает государственную компетенцию в этой области, где в соответствующее время она особенно признана и считается необходимой. Эту теорию развивал в начале XIX-го столетия Г. Гумбольдт в своем сочинении «О пределах вмешательства государства», сочинении в котором он не отступает перед самыми крайними последствиями ограничения государственной деятельности лишь правом охранять индивидуальную свободу [5].

Эта новая теория естественного права, наиболее крупные штрихи которой здесь лишь намечены, основана хотя и на принципе верном самом по себе, но имеющем совершенно отрицательное и формальное значение. Так об этом новом естественном праве пишет в своих работах Шталь [6]. Действительно, нельзя не признать, что право заключается в свободе каждого, ограниченной свободой всех. Но вопрос состоит в том, чтобы определить границы этой свободы, так как именно они составляют объект всех юридических норм. Между тем формула естественного права не дает никаких указаний по этому поводу и оставляет неопределенным все содержание права.

Она, также как и вытекающее из нее естественное право, не считается с необходимыми жизненными отношениями, хотя только на основании этих отношений и может быть упорядочена человеческая деятельность. В действительности эта формула вне ее чисто формального смысла, как основа права, имеет значение только потому, что является признанием политического догмата XVIII-го века о равенстве всех перед законом, и в сущности служит лишь как бы переводом этого догмата на философский язык. Равным образом и построенное с таким трудом на этой основе, столь логическое с внешней стороны, право сводится к признанию главных политических и экономических идей конца XVIII-го начала XIX-го столетий и в особенности идей, касающихся роли государства.

Теория, изложенная Савиньи с необыкновенной широтой взглядов в его первых сочинениях, противопоставляла чисто рационалистическому направлению юридической науки идею исторического и преемственного образования права, которое находится в тесном соответствии с характером создавшего его народа. Савиньи называет противников этого взгляда антиисторической школой: они стремятся доказать, что естественное право есть нечто неизменное и абсолютное, вытекающее из здравого смысла человека.

По мнению прежней школы, каждая эпоха создает себе произвольно хорошие или дурные жизненные условия, соответственно степени своего развития и своим силам.

Если это воззрение правильно, то нет никакой необходимости в изучении истории, которая в таком случае имеет интерес лишь как сборник политико-моральных фактов и не дает никаких практически полезных сведений.

Историческая школа, наоборот, не признает обособленного человеческого существования, а видит в нем часть более обширного целого, и потому рассматривает каждого отдельного индивидуума, как члена семьи, народа, государства. Согласно ее учению, каждый век находится в неразрывной связи с предшествующим веком, от которого он наследует известное положение вещей. Это положение является одновременно необходимым и свободным; оно необходимо, потому что не может быть произвольно установлено или изменено, и свободно, потому что сложилось независимо от каких-либо внешних предписаний, а явилось эманацией народного духа и находится в состоянии постоянной эволюции. Соответственно этому учению, история есть свидетель прошлого, который дает возможность понять настоящее. Мы не можем принять или отвергнуть произвольно известные исторические условия прошлого, так как они являются роковой необходимостью. Правда, иногда мы ошибаемся и принимаем за истинный мировой порядок создания нашего воображения, предпо-

лагая, что мир начался с нашей мыслью, но это иллюзия, которая не может изменить природу вещей.

Эти идеи применимы в особенности к праву. Право есть исторический продукт народной жизни. Каждая историческая эпоха, изучаемая на основании документальных данных, свидетельствует о существовании языка, нравов и известных правовых понятий, наиболее соответствующих характеру данного народа. Подобно языку и нравам, право образуется и развивается постепенно и закономерно, в зависимости от того, как складываются обстоятельства, в которых выражается народное сознание. Эта органическая связь права с существом народного духа становится очевидной при изучении наиболее важных юридических институтов, каковы, например, семья и собственность. Полного развития эти институты достигают разнообразными путями в зависимости от культурного состояния страны.

В младенчестве народов связь, соединяющая членов нации, крепче и чувствуется сильнее. Юность народов бедна идеями, но в эту эпоху ясно сознаются существующие отношения, которые служат предметом более подробного изучения, чем в периодах высшего развития, когда, вследствие постепенного усложнения этих отношений, в них трудно разобраться. В это первобытное время образуется обычное право, вытекающее непосредственно из народного сознания. Ряд единообразных актов, в которых оно содержится, указывает именно на этот источник его образования и устраняет предположение о том, что оно сложилось в силу многочисленных и аналогичных, часто случайных, частью обусловленных обстоятельствами постановлений.

С развитием культуры обычное право оказывается недостаточным, и юридическое сознание народа осуществляется другими органами. Неравномерное умственное развитие, разнообразие знаний, занятий и условий жизни разделяют людей и делают общее сознание менее чувствительным и менее ясным. Правообразование, как непосредственное выражение народного духа, становится затруднительным, и то, что исполнялось прежде сообща, делается функцией особого класса людей – юристов. Эти люди, посвятили развитию права свой личный труд и являются в этой функции выразителями народного правосознания.

Законодательство и науку составляют в эту эпоху органы народного духа, призванные удовлетворить нарождающиеся потребности путем создания новых норм, или отмены старых. С этого времени право получает двойную жизнь: как составная часть общей народной жизни, с которой она не теряет связи, и как особая отрасль науки в руках юристов и законодателей.

Конечно, законодательство есть наиболее ясный признак права. Однако, как бы ни были ясны и

достоверны нормы положительного права, они не всегда настолько определены, чтобы устранить возможность уклонения от их требований. Поэтому появляется необходимость дать им этот внешний знак, при существовании которого они были бы вне всяких сомнений. Кроме того, закон дополняет обычное право и содействует его последовательному развитию. Он полезен и даже необходим, когда перемена нравов, воззрений и потребностей требует соответствующих изменений в правовых отношениях; так как эти изменения совершаются быстрее и более совершенным образом путем закона, чем путем обычного права, эволюционирующего весьма медленно и страдающего неопределенностью. Законодательство может оказать услуги для упорядочения взаимоотношений правовых норм, применяемых к различным юридическим институтам. Но каково бы ни было значение закона, он является всегда лишь иной формой обычного права. Законодатель не стоит вне народа; наоборот он член нации и в деле правообразования является лишь выразителем ее духа, взглядов и потребностей, сохраняя этот характер независимо от формы, данной конституцией страны законодательной власти. Таким образом, можно сказать, что положительное право вначале есть всегда право обычное или народное, которое иногда весьма рано начинает пополняться и сохраняться законодательством. Два новых органа, приобретаемые правом с развитием культуры, – законодательство и наука, – из которых каждый имеет самостоятельное существование, могут, поглотив народное право, остаться единственным выражением юридического порядка. В особенности законодательство, благодаря своей принудительной силе, может легко быть принято за исключительный источник права, за второстепенные его элементы, которые лишь содействовали образованию юридических норм. Но это поглощение законодательством первичного и даже научного права юристов не должно затемнять действительного источника правовых понятий, которые всегда вытекают косвенно или непосредственно из народного сознания, смотря по тому, выражается ли оно в обычном праве, в законодательстве, или в научном праве. Эти идеи развивались Савиньи в его первом небольшом сочинении и в первом томе «Системы римского права» (Предисловие и глава II) [7].

Первое практическое применение идеи исторического правообразования было сделано исторической школой к изучению обычного права, которому посвятил свое главное сочинение Пухта. Пухта и Савиньи признают высшее значение обычного права перед законом не только в древности, но и во все времена. В нем, по их мнению, народное правосознание проявляется наиболее непосредственно, между тем как в законе оно выражается через законодателя и

в силу необходимости и носит отпечаток его личных взглядов. Сущность права вытекает именно из коллективного правосознания, и в нем обычное право черпает свою принудительную силу. Кроме того, обычное право, как имеющее преимущественное перед законом значение, может всегда изменить или даже отменить его, как устаревший; и законодатель превышает свои полномочия, ограничивая произвольно действие этого права [7, 8].

Рассматривая положения, предлагаемые исторической школой, нельзя не рассмотреть и ее критику. Представленная исторической школой идея исторического правообразования была принята наиболее выдающимися представителями юридической науки в Германии почти без возражений, но позднее, не отвергнув всецело теории Савиньи, подвергло ее всесторонней критике и указало ее слабые стороны и недостатки. В настоящее время заблуждения и преувеличения основателей школы и особенно Пухты, уже давно обоснованы и в общем сводятся к следующим против них возражениям. Историческая школа не обратила должного внимания на истинный характер положительного права и на его ближайшие и настоящие источники и, признав народное правосознание сущностью права, предшествующей нормам обычного права и закону, тогда как только при их посредстве и создается положительное право, она преувеличила значение обычного права в ущерб закону и недостаточно вникла в значение законодательного элемента в эпоху более или менее высокого состояния культуры, когда обычное право уже не могло нормировать и осуществлять необходимые реформы, требуемые осложнившимися жизненными условиями. Основатели школы поняли, что на известной ступени развития народное правосознание было не в состоянии упорядочить всю область правоотношений, и поэтому признали три источника права: обычное право, закон и право юристов. В настоящее время совершенно основательно признаются только два первые, что же касается до права юристов, то оно чаще рассматривается как вид обычного права (в том числе вопрос здесь стоит о судебном прецеденте). Но как бы ни была серьезна эта критика, она относится главным образом к технической стороне учения. Из представленных же исторической школой двух главных идей: идея эволюции права, которая и сегодня признается большинством юристов; идея права, вытекающего из народного сознания, имеет меньшее значение, но в ней выражено верное до известной степени положение и только вследствие чрезмерного значения, приданного этой идее исторической школой, она подверглась справедливым нападкам.

Идея эволюции уже давно известна по естественным и историческим наукам, но в применении к праву она впервые была выдвинута Савиньи. В своем

первом сочинении и в статье первого номера своего журнала Савиньи высказал главные положения своей теории, а именно идеи об аналогичном с развитием языка эволюционном развитии права и об органической солидарности юридических институтов с существом народного духа.

Подобно всем другим сторонам народной жизни, пишет Савиньи, право не знает абсолютного покоя и находится в постоянном развитии и движении, подчиняясь, также, как и прочие отрасли народной деятельности, закону внутренней необходимости и являясь в каждом веке продуктом эволюции прошлых веков. В первом своем сочинении Савиньи намекает на идею эволюции, но не останавливается на ней и заявляет, что изыскания его ограничиваются историческим человеком и областью права.

Гениальная мысль основателя школы получила удачное освещение в трудах Меркеля, который вместе с тем сопоставил выдвинутую Савиньи идею развития права с учением Дарвина о развитии видов. Идея эволюции, говорит Меркель, не изменяется в зависимости от того, излагает ли ее юрист или естествоиспытатель. В юридических формах жизни Савиньи видит продукт эволюции, подобно тому, как естествоиспытатели видят его в растительной и животной жизни. Учение Савиньи в своих главных чертах аналогично с учением эволюционной теории в естественных науках, которая также всегда и везде признает развитие, движение и изменимость и вместе с тем непрерывность, зависимость и преемственность. Все эти черты в одинаковой степени характеризуют эволюцию, как в области естествоиспытания, так и мысли. В теории докторов естественного права, пишет далее Меркель, характеристические состояния каждой эпохи следуют одно за другим, подобно картинкам диорамы, вводимых в рамки невидимой рукой в произвольном порядке. Идеям неизменных юридических институтов или произвольной реорганизации юридического порядка соответствуют в области естественных наук теория о неизменяемости форм органического мира и учение о скачках в природе, согласно которому известные земные пертурбации должны были создавать новые организмы [9].

Теория Савиньи правильно, но недостаточно понята Адольфом Меркелем в двух отношениях: исходной точкой его учения является почти исключительно идея непрерывности, связь настоящего с прошлым, но он не уделяет внимания и в особенности не придает должного значения появлению новых жизненных ростков, новых успехов, которые затем развиваются эволюционным путем. Это самый серьезный пробел в его теории. Во-вторых, Савиньи произвольно ограничивает предмет изучения юридической эволюции римским и германским правовыми учреждениями. Подобное ограничение не может быть

оправдано и справедливо порицается и прошлой, и современной критикой. В настоящее время изучение истории права не только не ограничивается правовоззрением цивилизованных народов, но даже правом исторических рас, для выяснения которого наука прибегает к сравнительному этнографическому методу. Этнографические исследования пополняются, в свою очередь, данными политической экономии, статистики и всех других социальных наук, в большей или меньшей степени связанных с юриспруденцией. Изучение только римских и германских юридических институтов не дает еще возможности понять весь ход развития правовой жизни, а равным образом уяснить значение фактов и законодательства, путем которых она развивалась и продолжает свое поступательное движение. Лишь научным изучением истории, догмы права и социальных наук можно надеяться постигнуть истинный характер этих фактов и законов и до некоторой степени предвидеть будущее. *Существенно важным элементом в данном контексте является выяснение не всеобщей истории права, а истории права, его развития, правовых традиций, социальных условий появления в конкретном государстве и влияние на нее правовых учений других цивилизаций и их синтезированное использование.*

Из всех идей исторической школы наиболее оспаривается идея права, как продукта народного духа и вытекающая отсюда теория о значении и взаимоотношении закона и обычного права. В конце XIX-го века, тогда молодой писатель Бергбом, критикуя теорию исторической школы, изложил подробно все возражения, которые были ей сделаны. По мнению Бергбома, Савиньи и Пухта недостаточно определили сущность народного правосознания, из которого вытекает все право. Это сознание может быть понято в двояком смысле: или в смысле суждения о каком-нибудь фактическом положении и признании этого положения нравственным или безнравственным, применимым или неприменимым, или в более широком смысле сознательности, противопоставленной бессознательности. Обыкновенно оно понимается в первом смысле, т.е. в смысле этического сознания. Эта теория Савиньи и Пухты возбуждала и возбуждает периодически горячие споры. Некоторые ученые стремились доказать, что народное сознание или общая воля, которую с ним отождествляли, имеет собственное существование, столь же реальное, как и индивидуальное сознание. Пост утверждал даже, что психология народа яснее и потому легче поддается изучению, чем индивидуальная психология. Но Бергбом говорит, что эти утверждения построены чисто на априорных данных, и признание народного правосознания есть идея естественного права. Таким образом, историческая школа и ее последователи впадают в ошибку этого права, так как суть дела не изменяется

от того, что основанием юридического порядка будут признаны разум, идея, правовое или общественное сознание [10].

Отличительными чертами всех теорий естественного права являются с одной стороны недостаточность их объективного обоснования, а с другой – признание правовыми источниками элементов, которые, не имея никакого положительного значения, не могут создать юридического порядка.

В действительности народное сознание может выражаться лишь через сознание индивидуальное и про него можно сказать то, что Пухта сказал про разум, т.е. что это лист белой бумаги, на котором каждый может писать, что ему угодно. Последователи исторической школы тщетно стремятся дать этому понятию реальное значение, стараясь доказать солидарность между индивидуальным и общественным сознанием. Из данных опыта, наоборот, можно утверждать, что социальные отношения понимаются различно не только отдельными индивидуумами, но и группами народа, что, впрочем, не представляет ничего удивительного, так как весьма часто сами юристы расходятся во мнениях относительно наиболее важных юридических вопросов. Но допустив даже, что коллективное сознание существует, надо признать, что оно не поддается никакому определению. По удостоверению самих основателей школы, источниками его являются загадочные, молчаливые силы, действующие в народе. Следовательно, начало его недоступно наблюдению, и вся теория Савиньи и Пухты основана, следовательно, на ложной психологии. В действительности народное правосознание может быть лишь отдаленным источником права, одним из бесчисленных факторов, влияющих на его образование. Содержание правовых норм обусловлено столькими причинами, что перечисление их представляется невозможным. В процессе их образования несомненно имели влияние нравственное и религиозное сознание, разум, политические цели, оборона против злоупотребления силы, защита слабых и другие причины, которые, однако не составляют прямых источников права. Чтобы известные нормы стали правом, они должны приобрести значение положительных законов. Являясь в начале в форме простых идей, моральных, рациональных и технических правил, вытекающих из опыта, нормы эти входят затем в правовую область и становятся правилами поведения, имеющими обязательную силу. Этот переход из области моральной в область юридическую совершается путем внешней санкции [10].

Приведенную критику нельзя не признать чрезмерно строгой. И в настоящее время теория исторической школы в ее целом не находит ярых защитников, но тем не менее она оставила глубокий след в науке и ее влияние сказывается даже на писателях,

подвергающих справедливой критике некоторые из ее положений. Предлагаемая исторической школой идея эволюции признается почти всеми юристами, и даже гораздо более спорная теория народного правосознания в действительности отвергается большинством из них лишь вследствие своей неопределенности и притязаний основателей школы признать народное правосознание, по крайней мере внешним образом, за формальный источник права. В сущности современные ученые не отвергают общественного сознания, как одного из факторов правообразования и даже, согласно с воззрениями исторической школы, признают за этим фактором преобладающее значение в первобытные времена образования обычного права. Так Безелер в своей книге «Обычное право и право юристов» допускает, что в первичной стадии правообразования юридические учреждения являются продуктом народного духа, но он отвергает народное правосознание, как единственный источник правовых институтов в позднейшем периоде развития даже обычного права, так как некоторые его нормы носят след влияния иных факторов [11].

Ту же мысль развивает Цительман в своем сочинении об обычном праве, его обязательности и влиянии на него ошибки. Исследователю, говорит этот автор, не останавливающемуся на подробном изучении жизненных явлений, может показаться, что положительное право и народное сознание солидарны, что каждый народ создает себе правовые нормы, соответствующие его способностям и потребностям, и что законодательство является лишь орудием для выражения уже существующих в народном сознании правовых идей. Однако, при более внимательном изучении вопроса, дело представляется в ином виде. В каждом периоде развития положительного права можно констатировать наличие разнообразных норм, не согласованных с духом нации. Теория Савиньи и Пухты подчиняет разные эпохи народной жизни одному закону, не различая младенчества народов, в котором правовые и религиозные понятия еще не дифференцированы от того времени, когда они уже разделены, и не считаясь с тем фактом, что эволюция человеческих идей есть последовательный, еще не окончившийся переход от бессознательного к сознательному. Идея и положения исторической школы могут быть применимы к первобытному времени, когда юридическое сознание является как бы инстинктивным и неизбежно сливается с моральным сознанием. Это несомненно эпоха общего правосознания, так как жизненные отношения настолько просты и однообразны, что индивидуальные чувства почти у всех членов нации приблизительно тождественны. *Другой вопрос найти в развитой цивилизации максимальное приближение или те ценностные ориентиры, которые сближают правосознание большинства.*

Но положение изменяется в позднейшее время, когда правовые и моральные понятия разделяются. Тогда право образуется не мирным путем, как продукт народного сознания, а в борьбе противоположных и сталкивающихся интересов и в двух формах – обычного права и закона [12].

Эртман, в сочинении «О народном праве», написанном позднее, чем работа Эрнста Цительмана, отводит более широкое место идее общественного сознания, которую он отождествляет с идеей коллективной воли, признавая в народе органическое существо, одаренное известными психическими свойствами. Правда, этот взгляд отвергается многими писателями, вследствие антиметафизических тенденций, столь распространенных в конце XIX-го столетия, но зато он дает возможность избежать субъективизма, так как случайное в индивидуальных сознаниях компенсируется в массе и в результате является выражением общей воли. Ошибка исторической школы, заключается лишь в том, что она представляла вещи слишком просто. Она не обратила должного внимания на факты развития общества, обусловленную этим развитием постепенную дифференциацию его членов в политическом, экономическом и интеллектуальном отношении, вследствие чего образование общего сознания и единообразных юридических норм становится более затруднительным, чем думали Савиньи и Пухта.

В маленьких общинах, как например, в древнем Риме, у Галлов, быть может позднее в маленьких швейцарских кантонах единообразие социальных отношений и культуры могло дать возможность развитию общего правосознания и соответственных ему юридических институтов. Но с увеличением размеров государств, с дифференциацией интересов и с образованием политических и религиозных партий, народное сознание теряет свою общность, общество не может более нормировать все социальные отношения, и правообразование в большей своей части становится функцией государственной власти. Впрочем, в настоящее время в виду притязаний закона на преобладающую в правообразовании роль, представляется излишним защищать его значение, а скорее следует напомнить законодателям учение исторической школы и необходимости влияния общественного сознания на содержание права в его целом и соответствии этого права со всем нравственным складом народа.

Без сомнения, законодатель, благодаря какой-либо гениальной индукции, может иногда опередить свой народ и содействовать развитию зарождающегося народного чувства, но случается также нередко, что в силу своей верховной власти он уклоняется от осуществления сознаваемых нацией идей справедливости или даже становится по отношению к ним в

откровенное противоречие. Целью законодательных органов должно быть стремление достигнуть соответствия права с народным правосознанием, так как в противном случае, при неспособности государства восстановить равновесие между главными юридическими институтами и народным духом, единственным выходом из этого положения становится революция. Следовательно, законодатель должен помнить, что его власть (в принципе безграничная) имеет пределы, которые он должен видеть и не переступать, что он лишь представитель и выразитель народной воли, который в осуществлении возложенных на него законодательных функций обязан стремиться к удовлетворению как экономических интересов, так и нравственного сознания общества [13].

Наиболее знаменитый из немецких «романистов» Виндшейд в речи, произнесенной им в 1884 году по случаю избрания его ректором Лейпцигского университета, признал себя последователем исторической школы. Он сказал, что мнение о существовании права, как продукта разума не изменяющегося, неподвижного и годного для всех времен и народов, разделялось не только профанами, но долгое время преобладало даже в науке. В настоящее время несостоятельность этого мнения осознана, и право признается продуктом эволюции, являясь в каждую данную эпоху выражением умственной жизни народов. Оно осуществляется в создавшем его обществе, которым управляет, и имеет своим первоисточником разум и общее народное правосознание. Правда, у каждого индивидуума есть собственные убеждения, от которых он отказывается с трудом, но общество признает эти убеждения как истину только в таком случае, если он сумеет убедить его в их истинности и затем ввести в обычное право или закон. Таким образом правом признается не то, что считается за таковое, отдельным лицом, а то, что соответствует народным правосознаниям [14]. Из вышеизложенных взглядов ученых видно, что юристы, отвергающие коллективное сознание в образовании права в том преувеличенном виде, который придала ему историческая школа, должны, однако, признать, что оно находится в соответствии с некоторыми моральными элементами правовых учреждений. Что же касается до полного отрицания идеи народного правосознания, то сторонники его останавливаются лишь на положительном праве, оставляя в стороне его первоисточник, – право идеальное. Так Цительман не отвергает возможности научного применения идеи народного сознания. Он допускает реальное существование единого понятия, образовавшегося из многочисленных мнений, причем это понятие будет иным, чем сумма составивших его отдельных мнений. Он признает доказанным фактом возникновение в человеческих собраниях известных психических со-

стояний, которые не могут быть объяснены настроем составляющих его людей. Но он лишь утверждает, что эти умозрения не применимы к правовой области, что роль юриста должна ограничиваться изучением характерных черт, на основании которых судья может признать за известной нормой юридическое значение, и исследованием формальных условий, благодаря которым эта норма, – независимо от ее содержания, справедливого или несправедливого, соответствующего или не соответствующего цели, согласного или несогласного с общественным сознанием, – стала правовой нормой [12].

Тот же взгляд высказывает Бергбом. Он признает лишь положительное право и ставит себе задачей опровергнуть теорию естественного права во всех ее формах, причем включает в теорию не только естественное право, но и различного рода спекулятивные учения, трактующие об идеальном праве будущих времен. Бергбом не отрицает пользы и даже необходимости этих учений, но признает их не относящимися к юридической науке, как бы широко она не понималась. По его мнению, историческая школа, оспаривая теорию естественного права, должна была прийти к заключению, что иного права, кроме положительного, не существует, чем устранилось бы совершенно ее учение о народном правосознании, которое, являясь лишь элементом содержания права, имеет исключительно философское и то весьма сомнительное значение. Бергбом считает необходимым усовершенствование правовых норм и предоставляет осуществление этой задачи политической науке, но утверждает, что все идеи, принципы и убеждения, являющиеся стимулами этого усовершенствования, не относятся к юриспруденции, а составляют так называемую политику права [10].

Перенесенный на эту позицию спор, в сущности сводится к спору о словах, так как Бергбом и другие писатели, исключая идеалы права из юридической области, не отрицают значения содержания права, но лишь признают исследование этого предмета не принадлежащим юридической науке.

Без сомнения, нельзя игнорировать значение формальной стороны права и изучения тех условий, путем которых известные идеальные нормы вошли в положительное право и получили обязательную силу. Эта отрасль науки, на которую, быть может, юристы не обратили должного внимания, представляет высокий интерес. Но для полноты юридической науки необходимо также изучение сущности, содержания права. Правда, что сами основатели исторической школы в своих положениях не коснулись вопроса о будущем праве. Эта непоследовательность с их стороны объясняется их личными, чрезвычайно консервативными взглядами, которые заставили их обратить внимание по преимуществу на один из фазисов эволюции

права, а именно на переход от правовоззрений прежнего времени к современным правовым понятиям, и обойти идею прогресса и будущего развития права. Этот пробел в учении исторической школы находит себе объяснение лишь в ее полемике с теорией естественного права, которая на основании чисто априорных данных доказывала существование идеального права.

Тем не менее принцип исторической школы заключает в себе теорию как прошлого, так и будущего правообразования, и Бергбом напрасно доказывает, что всякие исследования по этому предмету могут привести лишь к учению естественного права. Один из писателей того времени, Нейкамп, в своем «Введении к истории эволюции права», справедливо замечает, что вопрос о развитии будущего права имеет очень мало общего со старинным естественным правом и, наоборот, необходимым образом вытекает из теории исторической школы. Поэтому представляется непонятным, почему ученые этой школы не занялись его разработкой. По мнению Нейкампа, юридическая наука, отказавшись от умозаключений относительно содержания права, признала себя несостоятельной [15].

Несомненно, что положительное право и общие правовые формы, рассматриваемые независимо от их содержания, представляются наиболее определенными и достоверными и, быть может, даже наиболее важными составными частями юридической науки. Но, с другой стороны, исключение из области юриспруденции исследований идеального содержания права противоречит существующему понятию о философии права, которая именно занимается теоретическими воззрениями, заложенными в основание правовых норм. Само название философии права подверглось совершенно неосновательным нападкам Бергбома, так как дело заключается лишь в том, чтобы точно определить предмет и значение этой науки.

Большая часть правовых норм имеет чисто формальный характер и заимствует свое содержимое из условий и реальных отношений социальной жизни. Следовательно, идеальные правовые отношения, создаваемые законодателем и юристом философом, должны соответствовать его идеальному представлению о социальном состоянии общества. Подобные умозаключения в области теории права представляются весьма сложными, так как имея целью создание новых правовых отношений и вместе с тем преобразование общества, они требуют содействия не только юридических, но и социальных наук. Можно сказать, что эти умозаключения есть продукт философско-социальной мысли, применяемой к правовым понятиям. И отсюда то важное значение, которое придавалось до сих пор философии права. Кроме того, следу-

ет заметить, что предложение Бергбома заменить название философии права – политикой права вряд ли может быть признано удачным, так как, кроме политической науки, к юридическим наукам должны быть отнесены, по крайней мере, моральная философия и политическая экономия. Но во всяком случае, какое бы название не присвоить философским правовым

теориям, нельзя отвергать их значения, в виду того влияния, которое они оказывали во все времена на праворазвитие, не исключая и той эпохи, когда, являясь в несовершенной форме теорий естественно-го права, они не сознавали еще истинного характера юридического порядка и его тесной зависимости от всего социального строя.

Список литературы/References

1. *A.F. J. Thibaut*, *Über die Nothwendigkeit eines allgemeinen bürgerlichen Rechts für Deutschland*, Heidelberg, J.C.B. Mohr, (1814) 1840.
2. *Fr. C. v. Savigny*, *Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft*, Freiburg, Akademische Verlagsbuchhandlung von J. S. B. Mohr, Neudruck nach der dritten Auflage, (1814) 1840.
3. *G. Fr. V. Puchta*, *Das Gewohnheitsrecht*, Erlangen, in der Palm'schen Verlagsbuchhandlung, Erster Theil, 1828; Zweiter Theil, 1837,
4. *Immanuel Kant*, *Georg Samuel Albert Mellin*, *Principes métaphysiques du droit*, Paris, Ladrangé, 1837; K.H. Gros, *Lehrbuch der philosophischen Rechtswissenschaft oder des Naturrechts*, 1802, 6-te Ausgabe, Stuttgart und Tübingen, J.G. Cotta, 1841; A. Bauer, *Lehrbuch des Naturrechts*, 1803, 3-te Ausgabe, Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 1825; Karl Wenzeslaus Rodecker Rotteck, *Lehrbuch des Vernunftrechts und der Staatswissenschaften*, 4 Theile, Stuttgart, 1829-1835, 2-te Ausgabe, 1841.
5. *G. Humboldt*, *Essai sur les limites de l'action de l'Etat*, Paris, 1867; Вильгельм фон Гумбольдт, *О пределах государственной деятельности*, Челябинск, Социум, 2009.
6. *F. J. Stahl*, *Die Philosophie des Rechts*, Heidelberg, im Verlag der akademischen Buchhandlung von J. C.B. Mohr, Zweiter Band, 1856; F. J. Stahl, *Encyclopedie der Rechtswissenschaft*, 5-ne Ausgabe, Leipzig, 1890, S.S. 67-72;
7. *Fr. C. v. Savigny*, *System des heutigen römischen Rechts*, Erstes Band, 1840, Vorwort, Cap. II.
8. *G. Fr. V. Puchta*, *Das Gewohnheitsrecht*, Erlangen, in der Palm'schen Verlagsbuchhandlung, 1828, II, S. 171.
9. *Adolf Merkel*, *Über den Begriff der Entwicklung in seiner Anwendung auf Recht und Gesellschaft*, Zeitschrift für das privat- und öffentliche Recht der Gegenwart, 2 Teile in 1, Band 3, Wien, Adolf Holder, 1876, Seite 532-625 und Band 4, Wien 1877, Seite 1 – 20.
10. *Karl Bergbohm*, *Jurisprudenz und Rechtsphilosophie; Kritische Abhandlungen*, Leipzig, Verlag von Duncker & Humblot, Band I, 1892, S.S. 50-76, S. 143.
11. *G. Beseler*, *Volksrecht und Juristenrecht*, Leipzig, Weidman, 1843, S. 53.
12. *E. Zitelmann*, *Gewohnheitsrecht und Irrthum*, Archiv für die zivilistische Praxis, Band 66, Freiburg und Tübingen, 1883, S. 323 – 468, S.S. 26, 27.
13. *P. Oertmann*, *Volksrecht und Gesetzesrecht: Vortrag gehalten in der gehe-stiftung zu ...*, Dresden, Zahn & Jaensch, 1898, S. 3.
14. Windscheid, *Recht und Rechtswissenschaft (Rectoratswechsel an der Universität, Leipzig, 1884.*
15. *E. Neukamp*, *Einleitung in eine Entwicklungsgeschichte des Rechts*, Berlin, Carl Heymanns, 1895.

Шувалова Анастасия Михайловна,

старший преподаватель кафедры Криминалистики, Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, Нижний Новгород, соискатель кафедры Прокурорского надзора и криминологии, ФГБОУ ВО Саратовская государственная юридическая академия, город Саратов, shinicheva@mail.ru

ПРАВОСУДИЕ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Аннотация. В статье приведены и проанализированы различные дефиниции правосудия, рассмотрены его формы, принципы осуществления на территории российского государства, обозначена необходимость его уголовно-правовой охраны. Отмечается, что за последнее время наблюдается устойчивая тенденция к увеличению преступлений против правосудия, однако, несмотря на данное обстоятельство, официальные статистические данные отражают лишь их незначительную часть. Автором предпринята попытка не только рассмотреть наличествующие позиции ученых относительно объекта уголовно-правовой охраны главы 31 УК РФ, но и сформулировать свою авторскую позицию в данной части. Новизна исследования обусловлена комплексным (концептуальным) подходом к правосудию, как объекту уголовно-правовой охраны и разработанными на его основе предложениями по совершенствованию российского уголовного закона в рассматриваемой части. Констатируется, что в настоящее время российским законодателем не совсем корректно сформулирован объект уголовно-правовой охраны, ибо он не в полной мере охватывает фактическое содержание объекта охраны, наличествующего в главе 31 УК РФ. Автор приходит к выводу, что в данном случае будет корректнее вести речь не о правосудии, как о деятельности, а о его интересах, как об объекте уголовно-правовой охраны.

Ключевые слова: правосудие, уголовно-правовая охрана, уголовный закон, объект преступления, объект уголовно-правовой охраны, объективные признаки

Anastasia M. Shuvalova,

Senior Lecturer Department of criminalistics, Nizhny Novgorod branch of the Saint Petersburg Academy Investigative Committee of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Applicant at the Department of Prosecutor's Supervision and Criminology, Saratov state law Academy, Saratov, shinicheva@mail.ru

JUSTICE AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION

Abstract. The article presents and analyzes various definitions of justice, considers its forms, principles of implementation on the territory of the Russian state, and identifies the need for its criminal protection. It is noted that recently there has been a steady trend towards an increase in crimes against justice, but despite this fact, official statistics reflect only a small part of them. The author attempts not only to consider the existing positions of scientists regarding the object of criminal and legal protection of Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation, but also to formulate his author's position in this part. The novelty of the study is due to the complex (conceptual) approach to justice as an object of legal protection and the proposals developed on its basis to improve the Russian criminal law in this area. It is stated that at present, the Russian legislator does not quite correctly formulate the object of criminal legal protection, because it does not fully cover the actual content of the object of protection, which is present in Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author comes to the conclusion that in this case it would be more correct to speak not about justice as an activity, but about its interests as an object of criminal legal protection.

Keywords: justice, criminal law protection, criminal law, objects of crime, object of criminal law protection, objective features

Российская Федерация, являясь демократическим, социальным, правовым государством, где человек, его права и свободы выступают высшей ценностью, особое внимание уделяет правосудию,

обладающему широким комплексом задач, от эффективного решения которых зависит не только фактическое состояние законности и правопорядка, но и обеспечение целостности российского государства.

Основная задача правосудия состоит в защите высшей ценности – человека, его прав и свобод, а также прав и свобод юридических лиц, интересов общества и российского государства, обеспечение надлежащего правового режима. Исходя из чего, для решения возложенных задач, необходимо его нормальное функционирование, без каких-либо вмешательств в его отправление, в связи с чем правосудие нуждается в государственной охране, в частности и уголовно-правовыми средствами.

Сложность определения термина «правосудие» заключается в том, что законодательно на территории российского государства его дефиниция не определена, в отличие от зарубежного законодательства, где под правосудием понимается нечто очевидное и не требующее отдельной конституционной регламентации [20, с. 30], а в отечественной правовой доктрине решение данного вопроса является дискуссионным.

По мнению одних отечественных ученых термин «правосудие» означает «суд, юстицию, судебную деятельность государства, судебное производство» [9, с. 754], по мнению же других – «право судить по правде, по закону, по совести, по справедливости» [6, с. 341]. По мере осмысления сущности рассматриваемого термина учеными были сформулированы и предложены различные его дефиниции. Позиции ученых разнятся, противоречая друг другу, а иногда являются и разными гранями исследуемого правового явления. Так, одни авторы, основывая свою позицию на конституционных положениях, сводили правосудие к форме осуществления на территории российского государства судебной власти [15, с. 22 – 23]. Подобное суждение можно встретить и в иных источниках [16, с. 366; 28, с. 115]. Другие авторы полагают, что правосудие необходимо сводить к позиции легизма, как к самостоятельному и независимому виду государственной деятельности [5, с. 30]. Кроме того, под правосудием понимают одну из разновидностей услуг, оказываемых государством [8, с. 16; 23, с. 8]; правовое содержание судебной власти [21, с. 118 – 119]; требование праведного и справедливого разрешения судами споров [20, с. 112].

В сознании общества термин «правосудие» понимается как основанная на действующем законодательстве деятельность судей.

Анализ вышеуказанных позиций относительно рассматриваемой дефиниции позволяет констатировать, что наличествующие определения термина «правосудие» разнятся в том числе и в части входит ли в содержание исследуемого термина категория «справедливость» [3, с. 102]. Справедливость, как общая нравственная санкция совместной жизни людей, выступает неотъемлемой частью российского правосудия, ибо именно суд при вынесении приговора, решения или иного судебного акта должен руковод-

ствоваться наряду с принципом законности также и принципом справедливости.

Правосудие осуществляется судом, иное противоречило бы Основному закону страны. Конституция РФ наделяет граждан правом на участие в осуществлении правосудия, сущность которого заключается в установлении баланса, при отправлении на территории российского государства правосудия, между интересами граждан Российской Федерации и российского государства [16, с. 366]. Право на участие в отправлении правосудия на территории российского государства реализуется посредством функционирования института присяжных и арбитражных заседателей.

Формами осуществления правосудия выступают конституционное, гражданское, арбитражное, административное и уголовное судопроизводство. Данные формы разнятся целями, задачами, процессуальным порядком, категориями дел и т.д. В правовой доктрине неоднозначно решается вопрос относительно того, является ли формой осуществления правосудия конституционное судопроизводство, данная дискуссия порождена позицией, согласно которой, термином «правосудие» не охватывается деятельность Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации [18, с. 35]. Однако в судебную систему российского государства входят федеральные суды, к которым относится Конституционный суд РФ и суды субъектов РФ, к числу которых относятся конституционные (уставные) суды субъектов РФ. Исключение их деятельности из правосудия, означало бы их исключение из судебной системы российского государства, ибо правосудие – форма осуществления судебной власти. Конституционное судопроизводство в отличие от иных форм осуществления правосудия обладает особенностями, которые присущи исключительно данному виду судопроизводства, и позволяют его отличать от гражданского, административного, арбитражного и уголовного судопроизводства. Данные особенности вытекают из того, что Конституционный Суд РФ осуществляет деятельность по проверке нормативно-правовых актов на предмет их соответствия Основному закону страны, который обладает на территории российского государства высшей юридической силой, возглавляя иерархию нормативно-правовых актов. Исходя из чего, конституционное судопроизводство выступает формой осуществления правосудия на территории Российской Федерации.

Осуществление правосудия основывается на системе принципов, обеспечивающих его нормальную деятельность на территории российского государства. Принципы образуют систему, которая состоит из их совокупности, где наличествует взаимное влияние и взаимное качественное преобразова-

ние элементов данной системы. Система принципов представляет собой единое целое, из которого нельзя изъять ни одного элемента, не изменив качества всего целого. Системный подход к явлениям, в том числе и правовым, позволяет решить задачу объективизации, способствует утверждению многомерно-го видения различных явлений [14, с. 29].

Никто не вправе вмешиваться в осуществление правосудия на территории российского государства, ибо это подрывает не только его основы, но и основы российского государства в целом, его целостность. Аналогичный подход поддерживается и международным сообществом. В связи с чем важное значение приобретает уголовно-правовая охрана правосудия, под которой следует понимать режим удержания лиц от совершения преступлений, посягающих на правосудие, под угрозой применения наказания. Уголовно-правовая охрана выступает неотъемлемой частью уголовно-правового обеспечения. Уголовно-правовая охрана правосудия была вызвана объективной необходимостью, в частности, наличествующей общественной опасностью и урегулированностью позитивными отраслями права [2, с. 10], однако в настоящем исследовании необходимо выяснить насколько охрана правосудия, как объекта уголовно-правовой охраны, в настоящее время отвечает правовым реалиям российского уголовного закона, в частности, содержанию главы 31 УК РФ.

Кроме того, необходимость уголовно-правовой охраны правосудия обуславливается значительным количеством преступлений, посягающих на правосудие и причиняющих ему вред или несущих в себе угрозу причинения такого вреда. Согласно статистическим данным, правоохранительными органами в 2011 году было зарегистрировано 11 356 преступлений против правосудия, в 2012 году – 11 786 (темп прироста + 3,8%), в 2013 году – 11 932 (+ 1,2%), в 2014 году – 12 665 (+ 6,1%), в 2015 году – 15 565 (+ 23,6%), в 2016 году – 16 065 (+ 3,2%), в 2017 году – 17 132 (+ 6,6%), в 2018 году – 18 138 (+ 5,9%), в 2019 году – 19 032 (+ 4,9%). Темп прироста рассматриваемых преступных посягательств в 2019 году по отношению к 2011 году составил + 67,6%, что свидетельствует о негативной тенденции, наличествующей в настоящее время на территории Российской Федерации. Несмотря на то, что официальная статистика демонстрирует увеличение рассматриваемых преступных посягательств, она все же отражает лишь их незначительную часть, ибо преступления против правосудия обладают высокой степенью латентности, связанной с несовершенством уголовно-правовой регламентации правовых норм рассматриваемых преступлений, что порождает проблемы при квалификации преступлений и квалификацию их по иным составам. В частности, нередко посягательство на лиц, осуществляющих правосудие

либо предварительное расследование, квалифицируется не по ст. 295 УК РФ, а, например, по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, что является, неприемлем.

В уголовно-правовой доктрине нет единой позиции относительно понимания объекта уголовно-правовой охраны (объекта преступного посягательства). Объектами преступного посягательства называются общественные отношения; правовые блага [25, с. 36]; человек со всеми своими правами и учреждениями, создаваемыми им как общественным существом [11, с. 179]; иные блага [22, с. 243- 244]. Несмотря на наличествующую в науке систему воззрений относительно объекта преступного посягательства, научное сообщество придерживается в основном двух концепций определения объекта уголовно-правовой охраны: общественных отношений или определенных благ, охраняемых российским уголовным законом от преступлений. Более предпочтительной представляется позиция определенных благ с трехзвенной структурой объектов (в данном случае речь идет о родовом, видовом и непосредственном объекте преступления) по принципу общности построения системы Особенной части УК РФ.

Правосудие, как объект уголовно-правовой охраны, имеет длительную историю своего становления и развития. Впервые глава, устанавливающая уголовную ответственность за преступления против правосудия, появилась в УК РСФСР 1960 года, которая впоследствии была воспринята и в УК РФ 1996 года. До этого момента уголовно-правовые нормы, ставящие под охрану правосудие, были рассредоточены по уголовному закону. По мере осмысления сущности правосудия как объекта уголовно-правовой охраны, научным сообществом высказывались различные позиции, которые не всегда совпадали, а зачастую даже противоречили друг другу. Одни авторы, исследуя рассматриваемый вопрос, правосудие, как объект уголовно-правовой охраны, сводили к расширительному толкованию (широкому смыслу). Именно об этом писал Н.А. Коробейников, который под правосудием, как объектом уголовно-правовой охраны, предлагал понимать деятельность суда, а также деятельность иных лиц и органов, оказывающих содействие суду при рассмотрении и разрешении дел, посредством вынесения им актов [12, с. 200]. Подобное суждение можно встретить и в иных источниках, в которых правосудие рассматривается в широком смысле [5, с. 30].

Другие авторы полагают, что термин правосудие нельзя трактовать расширительно и сводить его к широкому смыслу, за счет включения в него не только деятельности суда, но и работу иных субъектов (органов предварительного расследования, прокуратуры, защитников, органов принудительного исполнения наказания), что противоречит конституционным постулатам, а именно тому, что правосудие на терри-

тории российского государства осуществляется исключительно судом. По мнению А.В. Федорова, рассматривать термин «правосудие» в узком и широком (уголовно-правовом) смыслах, является неверным, и методологически ошибочным [27, с. 80]. Исходя из чего, ученые, разделяющие данную позицию, предлагали в данном случае в качестве объекта уголовно-правовой охраны рассматривать не правосудие, как обозначено в настоящее время российским законодателем, а сложное социально-правовое явление – судебную власть [7, с. 114]; сферу судопроизводства [10, с. 122; 13, с. 11]; процессуальную деятельность органов предварительного расследования и органов, призванных исполнять приговоры и иные судебные акты [24, с. 172 – 173].

Субъектами осуществления правосудия на территории Российской Федерации выступают исключительно суды, входящие в судебную власть. Органы предварительного расследования (следователь, лицо, производящее дознание), органы принудительного исполнения, относятся к исполнительной власти. Органы прокуратуры РФ также не входят в судебную власть российского государства, ибо они занимают особое место в механизме государственной власти (в системе разделения властей). Одни ученые предлагают относить органы прокуратуры РФ к прокурорской власти, как к самостоятельной ветви российского государства, другие – к правоохранительной власти. На самостоятельность органов прокуратуры указывает глава 7 Основного закона РФ «Судебная власть и прокуратура», которая по сути выводит органы прокуратуры из судебной власти.

Следует отметить, что термин «правосудие» и термин «судебная власть» соотносятся как частное и общее, ибо термин «судебная власть» включает в себя не только правосудие, как одну из важнейших ее функций, но и иные функции, которые выступают сущностным выражением функциональной направленности судебной власти и ее компетентностной определенности. В частности, к одной из таких функций относится функция судебного контроля, осуществляемая судом за предварительным расследованием, принудительным исполнением приговора, решения или иного судебного акта.

Другие ученые в качестве объекта уголовно – правовой охраны предлагали рассматривать сферу судопроизводства. Термин «сфера» означает пределы, границы распространения, среду [9, с. 996]; область [19, с. 510], в то же время термин «судопроизводство» означает рассмотрение дел в суде [9, с. 910]. В данном случае судопроизводство представляет собой некое инцидентное пространство, которое содержит в себе различные общественные отношения, возникающие при рассмотрении дел в суде. Термин «судопроизводство» не тождественен термину «правосудие», хотя

зачастую научным сообществом данные термины отождествляются.

С позиции диалектики, правосудие – содержание, а судопроизводство – его форма, кроме того, термин «судопроизводство» шире, чем термин «правосудие», ибо включает себя в некоторых случаях и досудебные стадии. Однако следует констатировать, что в данном случае объект уголовно-правовой охраны уже (как и в случае с правосудием), чем фактическое содержание объекта уголовно-правовой охраны, который наличествует в главе 31 УК РФ.

Процессуальную деятельность органов предварительного расследования, органов, призванных исполнять приговоры и иные судебные акты, на территории Российской Федерации, осуществляют, уполномоченные российским законодателем лица, в частности, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник органа дознания, судебный пристав-исполнитель и т.д.

Эксперты и специалисты выступают субъектами, которые способствуют осуществлению вышеуказанными лицами деятельности по расследованию преступных посягательств, исполнению приговоров, решений и иных судебных актов, а также способствуют деятельности судов по осуществлению правосудия.

Однако без нормальной деятельности органов предварительного расследования (следователя или лица, производящего дознание), органов прокуратуры, органов принудительного исполнения, адвоката, эксперта, специалиста, осуществление правосудия на территории российского государства является невозможным, ибо они выступают частью единого механизма и способствуют осуществлению правосудия.

В частности, органы принудительного исполнения исполняя обвинительный приговор, решение или иной судебный акт, обеспечивают достижение целей юрисдикционной деятельности, защиту и восстановление нарушенных прав и свобод. Исполнение обвинительного приговора, решения или иного судебного акта выступает заключительным этапом всей юрисдикционной деятельности по восстановлению, защите прав и свобод человека и гражданина, юридических лиц, интересов общества и государства, уголовно – правовому принуждению лиц, виновных в совершении преступного посягательства. Без данного этапа невозможно в полном объеме осуществить защиту и восстановление прав и свобод человека и гражданина, юридического лица, интересов общества и государства. В связи с чем именно по работе органов принудительного исполнения необходимо судить обо всей юрисдикционной деятельности и, в частности, о деятельности суда по осуществлению правосудия [4, с. 10].

Исходя из сказанного целесообразно вести речь не о правосудии, как о форме осуществления

судебной власти, а об интересах правосудия [19, с. 30]. В уголовно-правовой доктрине не раз высказывалась позиция, что достаточно спорной является позиция ученых, которые полагают, что объект уголовно – правовой охраны, наличествующий в главе 31 УК РФ – это интересы правосудия» [1, с. 10; 17, с. 11; 27, с. 82]. Как отмечает В.Я. Тацкий, указывать в объекте уголовно-правовой охраны на интерес целесообразно не во всех случаях, а только в тех случаях, когда российским законодателем в качестве объекта уголовно-правовой охраны определены общественные отношения (определенные блага), которые скрыты от непосредственного восприятия конкретного человека, общества или государства [26, с. 77].

В качестве объекта уголовно – правовой охраны целесообразнее рассматривать интересы правосудия. Термин «интерес» означает особое внимание, потребность [19, с. 101]; причину действий, лежащую в основе мотивов, идей [9, с. 306]. Правосудие – деятельность, осуществляемая судом, а его интересы придают осуществляемой деятельности целенаправленный характер, обеспечивают эффективность в достижении наличествующих целей, задач и потребностей. В настоящее время интересами правосудия выступает защита прав и свобод человека и гражданина, юридического лица, общества и государства посредством своевременного и правильного рассмотрения и разрешения дела и привлечения виновных лиц к уголовной, административной, гражданской ответственности.

Без деятельности органов предварительного расследования, органов прокуратуры, органов принудительного исполнения, достижение интересов правосудия было бы невозможным, исходя из чего, следует констатировать, что посягательство на следователей, лиц, производящих дознание, не позволяет достичь защиты прав и свобод человека и граж-

данина, юридического лица, общества и российского государства, в связи с чем в данном случае объектом уголовно-правовой охраны будет являться не правосудие, как деятельность, а интересы правосудия, поскольку наличествует опасность, что на следователя, лицо, осуществляющее дознание, в процессе расследования уголовного дела может быть оказано воздействие (вмешательство, посягательство, насильственные действия и т.д.) с целью воспрепятствования их законной деятельности – правильного расследования уголовного дела (как известно, формулирование обвинения является исключительно прерогативой органов предварительного расследования, а суд осуществляет правосудие лишь в отношении конкретного обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению). Кроме того, воздействие на сотрудников, осуществляющих принудительное исполнение, которые, исполняя судебный акт, обеспечивают достижение целей юрисдикционной деятельности, восстанавливают и защищают нарушенные права и свободы человека и гражданина, юридических лиц, общества и государства, подрывает интересы правосудия.

Таким образом следует констатировать, что правосудие имеет важное значение, ибо осуществляет защиту прав и свобод человека и гражданина, юридических лиц, общества и государства. Посягательство на правосудие подрывает не только его основы, но и основы российского государства в целом, его целостность, в связи с чем важное значение приобретает его уголовно – правовая охрана. Однако российским законодателем не совсем корректно сформулирован объект уголовно – правовой охраны, ибо он не в полной мере охватывает фактическое содержание того объекта, который наличествует в главе 31 УК РФ, в данном случае будет корректнее вести речь не о правосудии, как о деятельности суда, а о его интересах.

Список литературы

1. *Амиров К.Ф., Сидоров Б.В., Харисов К.Н.* Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование / под ред. В.В. Сидорова. Казань, 2003. 226 с.
2. *Бондаренко В.Е.* Основание уголовно – правовой охраны и ее прекращение: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 265 с.
3. *Бриллиантов А.В.* Проблемы квалификации «воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования» // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно – исполнительного права. Научные труды кафедры уголовного права. Москва, 2017. С. 99 – 114.
4. *Власов И.С., Тяжкова И.М.* Ответственность за преступления против правосудия. М.: Юрид. лит., 1968. 136 с.
5. *Горелик А.С., Лобанова Л.В.* Преступления против правосудия. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2005. 491 с.
6. *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: ЭКСМО, 2006. 575 с.
7. *Дворянсков И.В.* Концептуальные основы уголовно – правовой охраны судебной власти // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 5. С. 143 – 151.
8. *Дорошков В.В.* Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности: дис. ... докт-ра. юрид. наук. М., 2003. 374 с.
9. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково – образовательный: в 2 т. М.: Рус. язык, 2000. 1084 с.
10. *Калашикова А.А.* Судопроизводство как объект уголовно-правовой охраны // Труды юрид. фак-та СевКавГТУ: сб. науч. тр. Вып. 2. Ставрополь. 2004. С. 122 – 131.

11. *Кистяковский А.Ф.* Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. 3-е изд., печат. без перемен со 2-го. Киев: Ф.А. Иогансон, 1891. С. 892 с.
12. *Коробейников Н.А.* Правосудие как объект уголовно-правовой охраны // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 1. С. 197 – 204.
13. *Кулешов Ю. И.* Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения: монография / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. 296 с.
14. *Курашвили Б.П.* Очерк теории государственного управления. М.: Наука, 1987. 294 с.
15. *Лазарева В.А.* Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара: Сам. ун-т, 1999. 134 с.
16. *Лебедев В.М.* Становление судебной власти в России. Книга 1. Суд. Правосудие. Судья. Российские хроники. М.: Рос. акад. правосудия, 2013. 368 с.
17. *Мусаев М.М.* Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (уголовно-правовая криминологическая характеристика): дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. 219 с.
18. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Курс лекций. Общая часть. М.: Юрид. лит-ра, 2004. 496 с.
19. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М., 1991. 915 с.
20. Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М.: Норма, Инфра-М, 2017. 720 с.
21. *Ржевский В.А.* Роль судебной власти в правовом государстве. Основы государства и права: учебное пособие. Ростов-на-Дону, 1995. 145 с.
22. Русское уголовное право: пособие к лекциям Н.Д. Сергеевского. Часть Общая. 11-е изд., посмертн., испр. и доп. С.Н. Трегубовым. Петроград, 1915. 397 с.
23. *Сачков А.Н.* Судебная власть: методология правового исследования: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 216 с.
24. *Спектор Л.А., Вануркина А.А.* Судебная власть как объект уголовно-правовой охраны // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 8. С. 172 – 173.
25. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть Общая: лекции. Т.1. 2-е изд, пересм. и доп. СПб.: Гос. Тип, 1902. 823 с.
26. *Тацкий В.Я.* Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков: Вища шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1988. 198 с.
27. *Федоров А.В.* Преступления против правосудия (вопросы истории, понятия и классификации). Калуга: Изд-во АКФ «Политоп», 2004. 284 с.
28. *Фурсов Д.А., Харламова И.В.* Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Том первый: Теория и практика организации правосудия. М.: Изд-во Статут, 2009. 524 с.
29. *Чучаев А.И.* Пробелы в регулировании ответственности за преступления против правосудия // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 260 – 261.

References

1. *Amirov K. F., Sidorov B. V., Kharisov K. N.* Responsibility for criminal interference in the activities of persons exercising justice and criminal prosecution / ed. by V. V. Sidorov. Kazan, 2003. 226 p.
2. *Bondarenko V. E.* The basis of criminal-legal protection and its termination: dis. ... cand. jurid. sciences' Saratov, 2014. 265 p.
3. *Brilliantov A. V.* Problems of qualification of "obstruction of justice and production of preliminary investigation" / / Actual problems of criminal law, criminology and criminal executive law. Scientific works of the Department of Criminal Law. Moscow, 2017. Pp. 99 – 114.
4. *Vlasov I. S., I. M. Taikova* Responsibility for crimes against justice. M.: Jurid. lit., 1968. 136 с.
5. *Gorelik A. S., Lobanov, L. V.* Crimes against justice. SPb.: Izd-vo "Yuridicheskiy Tsentr Press", 2005. 491 p.
6. *Dal V. I.* Explanatory dictionary of the Russian language. Modern version. Moscow: EKSMO, 2006. 575 p.
7. *Dvoryanskov I. V.* Kontseptual'nye osnovy kriminalno – pravovoi okhrana sudebnoy vlasti [Conceptual foundations of criminal law protection of judicial power]. 2011. No. 5. p. 143-151.
8. *Doroshkov V. V.* Justice of the Peace. Historical, organizational and procedural aspects of the activity: dis. ... doct-ra. yurid. M., 2003. 374 p.
9. *Efremova T. F.* New dictionary of the Russian language. Explanatory and educational: in 2 t. M.: Rus. yazyk, 2000. 1084 p.
10. *Kalashnikova A. A.* Legal proceedings as an object of criminal-legal protection // Trudy yurid. fac-ta SevKavSTU: sat. nauch. tr. Vol. 2. Stavropol. 2004. p. 122-131.
11. *Kistyakovsky A. F.* Elementary textbook of general criminal law with a detailed description of the principles of Russian criminal legislation. The general part. 3rd ed., pechat. no changes since the 2nd. Kiev: F. A. Johanson, 1891. p. 892 p.
12. *Korobeynikov N. A.* Justice as an object of criminal-legal protection // / Leningradsky yuridicheskiy zhurnal. 2008. No. 1. pp. 197-204.
13. *Kuleshov Yu. I.* Crimes against justice: problems of theory, lawmaking and law enforcement: monograph / ed. by A. I. Korobeev. Vladivostok: Publishing house of the Far East. un-ta, 2007. 296 p.

14. *Kurashvili B. P.* Essay on the theory of public administration. Moscow: Nauka, 1987. 294 p.
15. *Lazareva V.A.* Judicial power and its implementation in the criminal process. Samara: Sam. un-t, 1999. 134 p.
16. *Lebedev V.M.* Formation of the judicial power in Russia. Book 1. The Court. Justice. Judge. Russian Chronicles. Moscow: Russian Academy of Sciences. justice, 2013. 368 p.
17. *Musaev M.M.* Encroachment on the life of a person carrying out a legal investigation or a preliminary investigation (criminal-legal criminological characteristic): dis. ... cand. jurid. sciences'. Makhachkala, 2006. 219 p.
18. *Naumov A.V.* Russian criminal law. A course of lectures. General part. M.: Yurid. lit-ra, 2004. 496 p.
19. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language: 70000 words / ed. by N. Yu. Shvedova. 23rd ed., ispr. M., 1991. 915 p.
20. Justice in the modern world: a monograph / ed. by V. M. Lebedev, T. Ya. Khabrieva. M.: Norma, In-fra-M, 2017. 720 p.
21. *Rzhevsky V. A.* The role of the judiciary in the legal state. Fundamentals of State and Law: a textbook. Rostov-on-Don, 1995. 145 p.
22. Russian criminal law: a guide to lectures by N. D. Sergeevsky. The General Part. 11th ed., postmortem, ispr. and additional by S. N. Tregubov. Petrograd, 1915. 397 p.
23. *Sachkov A. N.* Judicial power: methodology of legal research: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2013. 216 p.
24. *Spektor L. A., Vanurkina A. A.* Judicial power as an object of criminal-legal protection // International Journal of Experimental Education. 2010. No. 8. pp. 172-173.
25. *Tagantsev N. S.* Russian criminal law. Part General: lectures. Vol. 1. 2nd ed., revised. and dop. SPb.: Gos. Type, 1902. 823 p.
26. *Tatsiy V.Ya.* Object and subject of crime in the Soviet criminal law. Kharkiv: Vishcha shk. Publishing house at Kharkiv. un-te, 1988. 198 p.
27. *Fedorov A.V.* Crimes against justice (questions of history, concepts and classification). Kaluga: Publishing house of AKF "Politop", 2004. 284 p.
28. *Fursov D.A., Kharlamova I.V.* Theory of justice in a brief three-volume presentation on civil cases. Volume One: Theory and Practice of the Organization of Justice. Moscow: Statute Publishing House, 2009. 524 p.
29. *Chuchaev A.I.* Gaps in the regulation of responsibility for crimes against justice // Gaps in Russian legislation. 2008. No. 1. pp. 260-261.

Бакатин Александр Николаевич,

аспирант, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), город Ростов-на-Дону,
elantra1980@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ БУНКЕРОВОЧНЫХ УСЛУГ В УСТЬЕВЫХ ПОРТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Процессы бункеровки судов на водном транспорте связаны с технико-технологическими, природными, экологическими и экономическими условиями, которые в совокупном взаимодействии нуждаются в обеспечении надежности системы деятельности бункеровочных компаний. Автором осуществлен обзор сущности и характеристик функционирования устьевых портов Российской Федерации. В ходе научного анализа выявлены особенности организации обеспечения нефтепродуктами в действующих бункеровочных компаниях в устьевых портах. Определены факторы, оказывающие влияние на деятельность бункеровочных компаний, включая нормы действующего международного и отечественного законодательства, природные и экономические показатели. Рассмотрены альтернативы использования топлива для бункеровочных операций, исходя из установленных Международной морской организацией экологических ограничений. Сделан вывод с точки зрения экономической и экологической позиций о перспективности использования сжиженного природного газа как альтернативы мазуту.

Ключевые слова: устьевой порт, бункеровочные операции, альтернативное топливо, сжиженный природный газ

Alexandr N. Bakatin,

graduate student, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don
elantra1980@yandex.ru

PECULIARITIES OF DEVELOPMENT OF BUNKERING SERVICES IN THE STATE PORTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. Processus bunkering vasorum in aqua onerariis consociata cum technica et technicae, naturalis, environmental et oeconomica conditiones, quae, in eorum compositae interaction, oportet ut fidem ratio agendi de bunkering turmas. Auctor reviews naturam et proprietates ipsarum estuarine portus in Russian Foederatio. Scientific analysi revelatum proprietates ordo ex praescripto petroleum products in operating bunkering turmas in estuarine portus. In factores afficiunt opera bunkering turmas, possidet normas current international et domesticis legibus, naturali, et aliquet ligula, sunt determinata. Alterum ad usum cibus bunkering operationes habentur, ex environmental angustiis constituti Gentium Maritimis Ordo. Conclusio est ex parte oeconomica et environmental positiones de spe, de usura liquefacto naturalis gas ut jocus ad current cibus oleum.

Keywords: wellhead portum, bunkering operationes, alternative fuel, liquefacto naturalis gas

В современных условиях хозяйствования водный транспорт является одной из приоритетных составляющих транспортной логистической системы Российской Федерации, а развитие инфраструктуры речных и морских портов выступает основой для обеспечения развития водного транспорта.

Согласно государственному стандарту «Эксплуатация речных портов», устьевой порт представляет собой речной порт с причалами, расположенный при выходе с внутреннего водного пути на морской участок или непосредственно в море [1].

Крупными устьевыми портами Российской Федерации являются: порт Архангельск (Беломорский бас-

сейн), Ростов-на-Дону, Азов (Азовский бассейн), Большой порт Санкт-Петербург (бассейн Балтийского моря) и др.

Архангельский морской торговый порт расположен в устье реки Северная Двина, впадающей в Двинскую губу Белого моря. Данная река судоходная и летом являет собой водный путь, который связывает Архангельск с другими районами страны. Однако с ноября по декабрь река замерзает, и движение по ней производится с помощью ледокольной проводки. Сюда причаливают грузовые суда, осадка которых не превышает 5,2 м. [2, с.2].

Порты Ростов-на-Дону и Азов расположены на реке Дон и также функционируют в качестве морских

торговых портов в течение 10 лет. Ростовский порт является приграничным, принимая в том числе иностранные суда. Из порта осуществляются отправки судов в страны Черноморского и Средиземноморского бассейнов. Также как и в Архангельске, при замерзании реки движение по ней производится с помощью ледокольной проводки [2, с.3].

Большой порт Санкт-Петербург – крупнейший порт, который расположен в устьевой части реки Нева, в частности в Невской губе Финского залива, и открыт для захода судов круглый год [4].

В целом следует отметить, что в приведенных устьевых портах, особенно тех, которые получили статус морских, существуют проблемы недостаточного уровня воды, законодательного регулирования и устарелости инфраструктуры, которые отражаются на рентабельности функционирования грузовладельцев и судовладельцев.

При этом необходимым условием успешной работы водного транспорта должно быть качественно организованное комплексное обслуживание флота, важной составляющей которого является надежная бункеровка – бесперебойное снабжение топливом и маслами.

По экспертным оценкам 70% российского рынка бункеровки судов занимают такие крупные нефтегазовые компании, как «Лукойл», «Газпром нефть», «Роснефть», «Транснефть» [4].

Анализ организации обеспечения нефтепродуктами в действующих бункеровочных компаниях в устьевых портах позволил выявить следующие особенности:

1) Топливо для бункеровки должно соответствовать типу двигателя соответствующего судна и по составу также соответствовать техническим нормам. При этом только после проверки квитанций, а также вязкости, плотности, теплоты сжигания топлива, бункеровочные операции в порту могут быть начаты [7, с. 793].

2) Бункеровки в устьевом порту могут происходить с бункеровщика, когда судно пришвартовано к причалу; с бункеровщика на судно на рейде (на якоре) – когда судно и бункеровщик стоят на якоре.

3) Для того чтобы избежать возможных разливов нефти, не допускаются бункеровочные операции на рейде при неблагоприятной погоде (качка и ветер). При таких погодных условиях должно быть получено разрешение от администрации порта. Возможность проведения бункеровочных операций в зависимости от фактического состояния погоды определяют капитаны судна бункеровщика и судна, которое бункеруется [8, с.790].

4) Объем спроса на нефтепродукты характеризуется неустойчивостью во времени как по отдельным, так и в целом по всем клиентам. Как показывает практика, большинство потребителей обращают внимание,

в первую очередь, на стоимость топлива, а не на качество и его соответствие всем необходимым заявленным требованиям относительно условий и сроков хранения. Стоимость топлива в структуре эксплуатационных расходов имеет существенное значение [9, с. 173].

Однако не следует уменьшать стоимость топлива для конечного потребителя за счет его качества. За счет того, что стоимость топлива имеет различия в зависимости от региона и порта бункеровки (см. Рисунок 1), у судовладельца есть возможность управлять эксплуатационными расходами судна в определенном рейсе. При этом, как можно увидеть на Рисунке 1, значительное уменьшение колебаний в ценах на топливо при бункеровке судов произошло в начале 2020 года, когда вступили в силу новые экологические нормы International Maritime Organization (далее – IMO) [2].

5) Изменяющаяся структура топлива, потребляемого на речном транспорте, связана с изменением числа потребителей, изменением уровня цен или качественных характеристик топлива, выпуском новых видов топлива [10, с.1161].

6) Взаимозаменяемость части видов топлива.

7) Неточности в существующей системе планирования потребностей в нефтепродуктах, которая состоит из предварительных заявок клиентов на навигацию. Такие неточности связаны с низкой достоверностью заявок, при этом надежность заявок по клиентам значительно отличается.

8) Рост спроса на топливо организациями, которые не подавали предварительных заявок на бункеровку в течение навигации [7, с.794].

9) Основная доля спроса на топливо для бункеровки принадлежит небольшой группе корпоративных потребителей.

10) Актуальной является разработка методики оценки и выбора каналов поставки, поскольку нефтепродукты могут поставляться прямо с заводов – производителей или через посредников. При этом у посредников могут быть лучшие условия и сроки поставки [6, с.3768].

11) Бункеровка также может происходить посредством реализации нефтепродуктов бункеровочными компаниями или нефтепродуктами клиента (с их хранением) [4].

12) Отсутствие норм с затратами времени на бункеровку [9, с.175].

Вместе с тем стоит отметить, что на работу бункеровочных компаний в устьевых портах влияют ряд значительных факторов, например, частые изменения законодательства. В частности, Комитет Международной морской организации по охране окружающей среды с 1 января 2020 года ограничил с 3,5% до 0,5% максимальное содержание серы в судовом топливе вне зон особого контроля за выбросами

Рисунок 1. Bunker Index разницы в ценах на бункеровочное топливо в 2019-2021 годах [5]

серы с судов SECA (Sulphur Emission Control Area), в которую входят Балтийское и Северное моря [3].

Таким образом, большинство портов в первом полугодии 2020 года ощутили дефицит нужного топлива, так как большинство нефтяных компаний России производят топливо со значительным содержанием серы. При этом потеря нефтяной маржи российских бункеровочных компаний в результате новых международных норм составила, по оценкам экспертов, 2451 млн долл. [3].

Возможными мерами для выполнения требований ИМО является использование топлива с низким содержанием серы, внедрение SCR-технологий, внедрение EGR-технологий, применение газового топлива.

Часть судов международного флота начала использовать сжиженный природный газ в качестве бункера, а часть – малосернистых дистиллятов. Однако в любом случае от всех судовладельцев это требует немало количества инвестиций, где использование скрубберов могло бы стать разовой инвестицией, после которой можно и дальше использовать бункер с высоким содержанием серы, поскольку в выпусках содержание серы не превысит необходимого лимита.

При установке скрубберов по оценкам Института морских исследований Финляндии, капитальные расходы вырастут примерно на 50 евро за 1 кВт мощности судовой установки, а операционные – примерно на 5-7 евро. Расчеты приводятся без учета снижения дохода судовладельца из-за сокращения полезного объема на судне: масса оборудования около 500 тонн, и оно занимает значительный объем [7, с.800].

На сегодняшний день в сфере мировых морских перевозок подтверждается растущий запрос на модернизацию судов коммерческого флота в пер-

спективе ближайших 3-5 лет, а также подтверждается тот факт, что в данном вопросе судовладельцев, в первую очередь, интересуют не альтернативные виды топлива, а оснащение имеющихся судовых агрегатов современными системами очистки.

Рециркуляция отработавших газов (EGR – Exhaust Gas Recirculation) базируется на возвращении определенного количества отработавших газов обратно во впускной коллектор. Применение системы рециркуляции отработавших газов позволяет уменьшить необходимое пространство для установки, оптимизировать условия эксплуатации и управления, а также расширить ее функциональные возможности [6, с.3771].

Применение газового топлива позволяет полностью исключить выбросы серы и твердых частиц; на 80% снизить выбросы оксидов азота, существенно (более чем на 30%) сократить выбросы диоксида углерода. Данное топливо соответствует экологическим стандартам, снижает износ двигателя. На сегодняшний момент это единственный вид топлива с температурой вспышки менее 60°C, которая разрешена к применению на судах в соответствии с международной нормативной базой. Основные сложности широкого внедрения газа как судового топлива связаны с неразвитостью системы бункеровки газом и необходимостью выделения значительных объемов для размещения топливных емкостей и дополнительных установок, например, криогенных.

Наиболее перспективным для бункеровки крупных судов является сжиженный природный газ (далее – СПГ). В странах, для которых экологические аспекты имеют высокий приоритет, и строительство судов на природном газе экономически стимулируется государством (в Норвегии, Финляндии и др.),

данные технологии широко внедряются. Так, Швеция, Финляндия, Германия, а также прибалтийские страны уже приступили к работе по переводу судов на СПГ, причем рост интереса к газу как к топливу, обусловленным экологическими и экономическими факторами. К настоящему времени построено и эксплуатируется около 100 судов, использующих СПГ в качестве топлива [4].

Большинство судовладельцев используют сегодня двухтопливные судовые энергетические установки, позволяющие работать как на СПГ, так и на мариногазойли (далее – MGO), в связи с этим предпочтение газу отдается только тогда, когда маржа (разница между ценой и себестоимостью) при заправке СПГ составляет не менее 10%.

Исходя из перечисленных вариантов с экономической стороны, цена внедрения указанных технологий не является главным критерием при их выборе, а вот цена на топливо как раз является приоритетом. Она зависит от нескольких факторов, включая трудно предсказуемые. Рост цен на нефть естественным путем влияет и на рост цен на судовое топливо. На пике своего роста цена на бункер доходила до 600 долларов за тонну тяжелого топлива. По данным источников, самая низкая цена в период с 2005 по 2018/2019 годы наблюдается на тяжелое жидкое топливо. С ней может конкурировать только СПГ. Цена на метанол, произведенный из натурального газа выше, чем на СПГ [4]. Поэтому с точки зрения ценовой политики, наиболее экономическим вариантом является СПГ.

Вместе с тем в ближайшем времени неоднократные нарушения экологических норм будут приводить к запрету на судоходство конкретного судна. В Европе до 2025 года сектор бункеровки морского и речного транспорта может предъявить дополнительный спрос на природный газ в объеме 25 млрд м³, что является выгодным преимуществом для российских нефтегазовых компаний [6, с.3771].

Владельцы судов, помимо расходов на топливо, должны нести иные финансовые расходы, связанные с переоборудованием судовых систем на другие виды топлива. При этом могут возникать расходы и на ремонт судовых двигателей.

Кроме ужесточения международных норм с апреля 2020 года в РФ был введен акциз на мазут, и порядок его возврата значительно отличается от порядка возврата НДС как минимум значительным сроком возврата, что, в свою очередь, создает дополнительную финансовую нагрузку на бункеровочные компании [3].

Как уже обозначалось ранее, слабо развитая инфраструктура устьевых портов, в том числе плохое освещение в темное время суток, приводят к аварийным ситуациям при подходах бункеровщиков к бункеруемым судам, что ведет к дополнительным рас-

ходам. Вместе с тем низкий уровень воды в портах приводит к простоям судов, поскольку бункеровщик не может забункеровать суда готовые покинуть порт.

Немаловажную роль играет качество топлива при бункеровке. Контроль качества горюче-смазочных материалов, поступающих на судно, и организация их правильного хранения требуют выполнения ряда обязательных мероприятий и соответствия емкостей, используемых для хранения топлива определенным параметрам, которые отвечают нормативным требованиям [9, с.180].

Для главных и вспомогательных двигателей решается применять топливо и масла только тех марок, которые рекомендуются в соответствии с инструкцией завода-изготовителя. Поэтому на судно могут быть приняты топливо и масла, которые имеют сертификат с указанием номера ГОСТ или данные анализов, выполненных в сертифицированных лабораториях.

Вместе с этим экологическая безопасность бункеровки является одним из основных приоритетов деятельности бункеровочных компаний. Топливо и горюче-смазочные материалы – вещества, способные нанести вред окружающей среде. Процесс обращения с ними определяется специальными правилами, где топливо в случае разлива представляет экологическую опасность. Прогнозирование последствий, максимально возможных разливов нефти и нефтепродуктов, осуществляется на основании оценки риска с учетом неблагоприятных гидрометеорологических условий, времени года, суток, рельефа местности, экологических особенностей и характера использования территорий [10, с.1165].

При проведении бункеровки оказывается определенное антропогенное воздействие на атмосферный воздух, поверхностный слой воды водного объекта в районах проведения бункеровочных операций, почву, техногенную, социальную среду, животный и растительный мир. Бункеровка судов топливом в режиме штатной эксплуатации сопровождается образованием отходов третьего-четвертого классов опасности, работа насосов оказывает шумовую нагрузку на территориях устьевых портов и в пределах их санитарнозащитных зон.

Для улучшения экологической безопасности процесса бункеровки внедряются новейшие научно-технические разработки и инженерно-технические мероприятия: нефтеналивные суда должны иметь двойной корпус и двойное дно; технологическое оборудование, которое устанавливается на причале и комплексе слива, должно обеспечивать «закрытую» перекачку нефтепродуктов; осуществляется визуальный осмотр по состоянию плавсредств на акватории; конструкция применяемых шланговых устройств обеспечивает безопасность ведения работ по перевалке нефтепродуктов при продольных и поперечных дви-

жениях танкера, вызванных воздействием ветра, волн, течения или колебаниями уровня воды грузовые танки судов оборудуются сигнализацией максимального и аварийного уровней, блокировкой по закрытию задвижек на трубопроводах подачи нефтепродуктов и блокировкой по остановке соответствующих насосов при достижении аварийного уровня; наличие и соблюдение графиков планово-предупредительных ремонтов и обслуживания технических средств на комплексе слива, причале, судах-бункеровщиках.

При этом стоит отметить, что внедрение экологических мероприятий в процессе бункеровки значительно дешевле, чем ликвидация возможных последствий разлива топлива. Однако для отечественных бункеровочных компаний существует обязанность по оплате государственной «Морспасслужбе» за ее готовность ликвидировать возможные разливы нефтепродуктов. Сейчас такая оплата по отрасли достигает 2 млрд руб. в год [4].

Проанализируем также надежность процессов бункеровки на водном транспорте. С целью проведения анализа определим основные факторы, влияющие на его свойства. Предлагаем исследования факторов обеспечения надежности бункеровки провести по следующим параметрам: технико-технологическим (Technical and technological), коммерческим (Commercial), сфере безопасности (Safety), экологическим (Environmental) и осуществим TCSE-анализ описанных условий.

К технико-технологическим условиям влияния на надежность бункеровки относятся: схема залива топлива, проверка наливного груза, технологические карты бункеровки, технология обработки судна / топлива, схемы резервирования и транспортировки, технология перелива, технические условия бункеровки [10, с.1161].

К коммерческим условиям влияния на надежность бункеровки относятся: условия контрактов, выполнение контрактов, стоимость топлива и бункеровочных услуг, сертификация, качество топлива, затраты на содержание основных и оборотных средств, сопутствующие расходы, профессиональная подготовка персонала и оплата труда, расходы на управление (портовые сборы, сертификация, экологические сборы и т.д.).

К условиям безопасности, которые влияют на надежность бункеровки относятся: техническое состояние объектов транспорта и инфраструктуры, уровень износа и энергоэффективности, контрактные условия (выполнения условий безопасности мореплавания), природные условия и техногенные угрозы, уровень резервирования и потерь, интенсивность чрезвычайных ситуаций (простоев, сбоев, разливов, невыполне-

ние контрактов и т.д.), изменения в международном и национальном праве, политические условия.

К экологическим условиям, оказывающим влияние на надежность бункеровки, относятся:

- экологическая безопасность судов;
- сертификация горюче-смазочных материалов;
- технологии защиты от разливов, технические средства сбора разливов;
- учет природных и техногенных условий среды;
- технологии обработки и расходы на обработку нефтесодержащих отходов;
- экологические сборы и разрешения;
- расходы на экологическую безопасность.

Таким образом, представленная структуризация факторов позволяет формализовать функцию надежности процессов бункеровки на водном транспорте в устьевых портах:

$$f(H) = f(T, C, S, E) \quad 1)$$

где $f(H)$ – функция надежности процессов бункеровки на водном транспорте в устьевых портах;

T – технико-технологические параметры, оказывающие влияние на надежность бункеровки;

C – коммерческие условия влияния на надежность бункеровки;

S – условия безопасности, которые влияют на надежность бункеровки;

E – экологические условия, оказывающие влияние на надежность бункеровки.

В качестве вывода целесообразно отметить, что особенности бункеровочных операций в устьевых портах Российской Федерации определяются действующими международными и отечественными законодательными нормами, слабой инфраструктурой портов и экономическими факторами установления цены на топливо для бункеровки. Повышение надежности бункеровки требует применения судового топлива, согласно экологическим требованиям Международной морской организации: внедрение технических средств для обеспечения экологических требований по выбросам путем установления скрубберов (SCR-технологии), рециркуляции отработавших газов (EGR – Exhaust Gas Recirculation). При осуществлении бункеровочных операций необходимо выполнять мероприятия по предотвращению разливов топлива для сохранения экологии окружающей среды. Кроме этого, в условиях имеющихся экологических ограничений перспективным видом топлива для бункеровочных операций с экономической и экологической точки зрения является альтернативное топливо в виде сжиженного природного газа.

Список литературы

1. ГОСТ Р 55507-2013 Эксплуатация речных портов. Термины и определения (Переиздание) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200107593> (дата обращения: 14.02.2021).
2. Гончарова Н.В. Роль речных портов в международных контейнерных перевозках // Проблемы использования и инновационного развития внутренних водных путей в бассейнах великих рек. Труды конгресса «Великие реки». 2020. Выпуск 9. С. 1 – 7.
3. Малышева Н. Цена вопроса // Газета «Коммерсантъ» №220 от 29.11.2019, стр. 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4171333?from=doc_vrez (дата обращения: 14.02.2021).
4. Российский бункеровочный рынок [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://newchemistry.ru/letter.php?n_id=8344 (дата обращения: 14.02.2021).
5. Bunker Index. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bunkerindex.com/-index.php> (дата обращения: 14.02.2021).
6. Dulebenets M. A. Bunker consumption optimization in liner shipping: A metaheuristic approach. International Journal on Recent and Innovation Trends in Computing and Communication. 2015. Vol. 3. No 6. pp. 3766–3776
7. Ghosh S., Lee L.H., Ng S.H. Bunkering decisions for a shipping liner in an uncertain environment with service contract. European Journal of Operational Research. 2015. Vol.244. No 3. pp. 792–802. DOI: 10.1016/j.ejor.2015.02.01
8. Wang S., Meng, Q. Robust bunker management for liner shipping networks. European Journal of Operational Research. 2015. Vol. 243. No 3. pp. 789- 797. DOI: 10.1016/j.ejor.2014.12.049
9. Wang X., Teo C.C. Integrated hedging and network planning for container shipping's bunker fuel management. Maritime Economics & Logistics. 2013. Vol. 15. No. 2. 172–196. DOI: 10.1057/mel.2013.5
10. Yao Z., Ng, S.H., Lee, L.H. A study on bunker fuel management for the shipping liner services. Computers & Operations Research. 2012. Vol. 39. No. 5. 1160-1172. DOI: 10.1016/j.cor.2011.07.012

References

1. GOST R 55507-2013 Eksploatatsiya rechnykh portov. Terminy i opredeleniya (Pereizdanie) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://docs.cntd.ru/document/1200107593> (data obrashheniya: 14.02.2021).
2. Goncharova N.V. Rol rechnykh portov v mezhdunarodnykh kontejnerykh perevozkakh // Problemy ispolzovaniya i innovatsionnogo razvitiya vnutrennikh vodnykh putej v bassejnakh velikikh rek. Trudy kongressa «Velikie reki». 2020. Vypusk 9. S. 1 – 7.
3. Malysheva N. Czena voprosa // Gazeta «Kommersant № 220 ot 29.11.2019, str. 1 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.kommersant.ru/doc/4171333?from=doc_vrez (data obrashheniya: 14.02.2021).
4. Rossijskij bunkerovochnyj rynek [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://newchemistry.ru/letter.php?n_id=8344 (data obrashheniya: 14.02.2021).
5. Bunker Index. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bunkerindex.com/-index.php> (дата обращения: 14.02.2021).
6. Dulebenets M.A. Bunker consumption optimization in liner shipping: A metaheuristic approach. International Journal on Recent and Innovation Trends in Computing and Communication. 2015. Vol. 3. No 6. pp. 3766–3776
7. Ghosh S., Lee L.H., Ng S.H. Bunkering decisions for a shipping liner in an uncertain environment with service contract. European Journal of Operational Research. 2015. Vol.244. No 3. pp. 792–802. DOI: 10.1016/j.ejor.2015.02.01
8. Wang S., Meng, Q. Robust bunker management for liner shipping networks. European Journal of Operational Research. 2015. Vol. 243. No 3. pp. 789- 797. DOI: 10.1016/j.ejor.2014.12.049
9. Wang X., Teo C.C. Integrated hedging and network planning for container shipping's bunker fuel management. Maritime Economics & Logistics. 2013. Vol. 15. No. 2. 172–196. DOI: 10.1057/mel.2013.5
10. Yao Z., Ng, S.H., Lee, L.H. A study on bunker fuel management for the shipping liner services. Computers & Operations Research. 2012. Vol. 39. No. 5. 1160-1172. DOI: 10.1016/j.cor.2011.07.012

Куклина Елена Юрьевна,

полковник полиции, помощник начальника линейного управления МВД России, начальник отдела Северо-Восточного ЛУ МВД России на транспорте, слушатель 2 курса, группы № 2 ГЗ-1930, Академия управления МВД России, Москва, ekuklina2@mvd.ru

Гостев Александр Николаевич,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры Теории и методологии государственного управления, Академия управления МВД РФ, Москва, Gostevan@inbox.ru

Демченко Татьяна Сергеевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью, АНО ВО Институт деловой карьеры, Москва, tstarshinova@mail.ru

ИМИДЖ РУКОВОДИТЕЛЯ ОВД: СОЦИОЛОГО-ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье представляются результаты социологического исследования имиджа руководителя органов внутренних дел (ОВД) г. Якутска на герменевтическом подходе. В работе констатируется факт ценности образа руководителя ОВД в восприятии населения, исследуется проблема понимания и интерпретации представляемого общественности имиджа руководителя ОВД. На основе теоретического анализа обосновываются новые определения категориям «руководитель ОВД», «имидж руководителя ОВД». Определяются показатели оценки имиджа руководителя ОВД в общественном сознании. На основе результатов биполярного метода показывается современный образ успешного руководителя ОВД и приоритеты в конструировании его профессионального имиджа. Доказывается, что, с одной стороны, имидж руководителей ОВД – это необходимое условие их профессиональной деятельности; с другой – это фактор доверия граждан структурам федеральной исполнительной власти. Представляется роль СМИ в формировании общественного мнения о МВД. Обосновывается, что образ руководителей ОВД формируется как стереотип профессии и должен соответствовать ожиданиям населения. Показываются общественные механизмы повышения уровня имиджа руководителя ОВД, формулируются практические рекомендации по совершенствованию имиджа сотрудников полиции.

Ключевые слова: результаты социологического исследования, имидж руководителя органов внутренних дел, герменевтический подход, полиция, кадры, метод семантического дифференциала, доверие населения, общественное сознание, образ успешного руководителя, профессиональная деятельность; средства массовой информации, общественное мнение, ожидание населения, показатели оценки имиджа, общественные механизмы

Elena Y. Kuklina,

the police colonel, the assistant to the chief of the linear Department of MIA of Russia, the head of department Northeast linear control of MIA of Russia on transport, the listener 2 courses, groups No. 2 GZ-1930, Academy of Management MIA of the Russian Federation, Moscow, ekuklina2@mvd.ru

Alexander N. Gostev,

Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration, Academy of Management MIA of the Russian Federation, Moscow, Gostevan@inbox.ru

Tatyana S. Demchenko,

PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor Department of Management, Advertising and Public Relations, Institute of Business Career, Moscow, tstarshinova@mail.ru

IMAGE OF THE HEAD OF THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS: SOCIAL AND HERMENEUTIC ASPECT

Abstract. The article presents the results of a sociological study of the image of the head of the internal affairs bodies (ATS) of Yakutsk on a hermeneutic approach. The work establishes the fact of the value of the image of the head of the Department of Internal Affairs in the perception of the population, explores the problem of understanding and interpreting the image of the head of the Department of Internal Affairs presented to the public. Based on theoretical analysis, new definitions are justified for the categories "head of the internal affairs department," "image of the head of the internal affairs department." Indicators are determined for assessing the image of the head of the Department of Internal Affairs in public consciousness. Based on the results of the bipolar method, the modern image of the successful head of the internal affairs department and the priorities in designing his professional image are shown. It is proved that, on the one hand, the image of the heads of the Department of Internal Affairs is a necessary condition for their professional activities; on the other hand, this is a factor of confidence of citizens in the structures of the federal executive branch. The role of the media in shaping public opinion about the Ministry of Internal Affairs is presented. It is justified that the image of the leaders of the Department of Internal Affairs is formed as a stereotype of the profession and should meet the expectations of the population. Public mechanisms for improving the image of the head of the internal affairs department are shown, practical recommendations are made to improve the image of police officers.

Keywords: results of sociological research, image of the head of internal affairs bodies, hermeneutic approach, police, personnel, semantic differential method, public confidence, public consciousness, image of successful leader, professional activity; mass media, public opinion, public expectation, image assessment indicators, social mechanisms

Актуальность исследования проблемы имиджа руководителя ОВД обусловлена несколькими системными обстоятельствами.

В современной политической, экономической, социокультурной, криминальной и иной обстановке уровень значимости руководителя ОВД, как официального представителя системы исполнительной власти, значительно повысился. Его авторитет определяет качество общественного мнения населения как о правоохранительной системе, так и всей исполнительной власти страны.

В условиях гибридной войны оппоненты России внедряют своих адептов в средства массовой информации [8, с 129], создают там аффилированные группы и с их помощью целенаправленно подрывают авторитет (имидж, доверие) правоохранительной системы, чем способствуют разрушительной работе сил и средств «цветных революций». Результаты наблюдения общественной практики позволяют утверждать, что, несмотря на системные меры, предпринимаемые государством [1-4], уровень авторитета руководящего звена ОВД в восприятии населения растет медленно. В общественном сознании уже сложилось убеждение (мнение) в том, что в управленческих структурах системы МВД работает много коррупционеров, профессионализм руководителей ОВД не соответствует решаемым задачам в публичной правоохранительной сфере. Безусловно, коррупция [2] – самое весомое явление в разрушении имиджа руководителя ОВД, но она – следствие других медленно разрешаемых проблем: воспитания кадров полиции, качества профессионально-психологического отбора, матери-

ального и морально-психологического обеспечения сотрудников полиции, слабо организованного общественного контроля деятельности МВД. Актуальность проблемы объясняется и недостаточной научной разработанностью проблемы имиджа руководителя (управленца) и потребностью практики в научно-обоснованных рекомендациях по ее разрешению.

Цель исследования – разработка и обоснование предложений по совершенствованию имиджа руководителя ОВД.

Задачи – определить теоретические основы формирования имиджа (общественного авторитета) руководителей ОВД, осуществить замеры показателей имиджа руководителей организаций полиции, разработать и обосновать практические рекомендации по повышению его уровня.

Гипотеза – уровень имиджа руководителей ОВД будет повышен, если усовершенствовать административный и общественный механизмы работы с этой категорией управленческих кадров.

Технология и методы исследования.

В исследовании применялись теоретические (анализ, синтез, сравнение, аналогия, индукция, дедукция, идеализация, моделирование) и эмпирические (анализ документов, опрос экспертов, анкетирование, интернет-опрос) методы исследования. В контексте герменевтического аспекта реализован психологический метод семантического дифференциала, позволившего получить данные о субъективном восприятии респондентов (опрашиваемых) имиджа руководителя ОВД. Полученные результаты анализировались способами и средствами статистической обработки данных.

Эмпирическая база исследования: нормативно-правовые документы Российской Федерации, научная, правовая литература. Руководители ОВД г. Якутска. Кластеры – городские отделы полиции: 1 ГОП (обслуживает Губинский, Строительный округа); 2 ГОП (Центральный, Октябрьский округа); 3 ГОП (Промышленный, Гагаринский округа); 4 ГОП – (округа Автодорожный, Сайсарский). Руководители общественных формирований, обеспечивающих вместе с полицией правопорядок в Якутске (добровольные народные дружины, внештатные сотрудники полиции, молодежные формирования, юные друзья полиции, частные охранные предприятия). Руководители и персонал двенадцати производственных предприятий. Генеральная совокупность около 10000 человек. Выборка – 398 чел. Ошибка выборки – 5%. Эксперты – 216 чел. (Руководители ОВД г. Якутска, сотрудники ОВД, руководители производственных организаций, сотрудники муниципальных органов управления, профессорско-преподавательский состав вузов, члены общественных организаций).

Результаты теоретического обсуждения проблемы и эмпирического исследования.

Результаты анализа научной литературы [6,9,10,12] показывают, что положительный имидж руководящего состава всех формальных и неформальных (гражданских) институтов общества (в том числе МВД) повышает у граждан уровень доверия к государству. А доверие к руководителям ОВД обуславливает формирование у населения социально-психологической установки на добровольное и непосредственное взаимодействие с полицией по обеспечению правопорядка, что повышает уровень эффективности профессиональной правоохранительной деятельности.

Анализ исследований по заявленной проблеме показывает, что на современном этапе научный поиск осуществляется на позитивистском направлении, т.е. на основе набора опытно замеряемых личностных качеств человека (психологических свойств личности, образования, процессов, состояний), которые позволяют ему выполнять должностные обязанности. При этом, влияние образа руководителя ОВД на причинно-следственные связи в правоохранительной сфере из-за сложности и многообразия образующихся отношений остается мало популярным для исследователей, и, следовательно, недостаточно изученным. Именно в данной области существует сложная проблема исследования феномена имиджа руководителя ОВД на герменевтическом подходе, т.е. на пути научно-психологического понимания, бытового восприятия, правильного объяснения (интерпретации), взаимодействия идеального образа личности и окружающих людей (слушателей, зрителей, посетителей, сотрудников и других категорий граждан). На этом

подходе можно системно изучить, определить содержание имиджа и выявить скрытые (бессознательные) возможности его влияния (трансляции) на окружающих, выделить противоречия, сильные и слабые стороны этого феномена.

Априори, затрудняет построение научной конструкции феномена имиджа руководителя ОВД многообразная трактовка его основных категорий и понятий. Например, сущность категории «руководитель» в разных научных школах представляется по-разному: как официально назначенное лицо для управления организацией [9, с.92]; как человек, обремененный юридической ответственностью за деятельность коллектива (организации) [7, с.79]; как формальный лидер организации с правом административного контроля и принуждения [14, с.77]; как личность, которая не имеет административного (нормативного правового) ресурса, а управляет людьми силой своего интеллекта, выдающихся личностных качеств [10, с.160]; как личность, обладающая формальной и неформальной властью и обеспечивающая удовлетворение людьми той или иной жизненной потребности [11, с.27] и другое. В контексте данного исследования оптимальная теоретическая конструкция категории «руководитель ОВД» будет рассматриваться как лицо, относящееся к особой группе людей с психологической направленностью на борьбу с преступностью, имеющее специальное образование, обладающее знаниями, умениями и навыками управления организацией, сформированным особым кодексом управленческого поведения, который идентифицирует его как профессионала в сфере законности и правопорядка.

Очевидно, что, если категория «руководитель» в теории трактуется по-разному, то не может быть единого определения и понятия «имидж руководителя». Содержательный анализ результатов научных исследований этого феномена показал, что у одних авторов он трактуется как эмоционально окрашенный образ, формирующийся в процессе деятельности и закрепляющийся в виде специфической информации о субъекте [14, с.76]; у других – как феномен, в котором системно представлены индивидуально-личностные характеристики, физические данные, социально-профессиональные установки, самооценка, внешний вид, позволяющие по-особому транслировать требования профессионального авторитета руководителя [7, с.79]; у третьих – как образ социально-профессиональной роли, конструируемый каждым носителем профессионального статуса в соответствии с собственной индивидуальностью и представляющий собой определенную информационную структуру [12, с.403]; у четвертых – как комплекс сигналов, передающихся условными знаками и символами, создающие представление о руководителе в сознании познаю-

щего субъекта (герменевтический подход) [13, с.23]; у пятых – как образ, детерминированный профессиональными характеристиками, активизированный межличностным взаимодействием руководителя с подчиненными [9, с.93] и т.п.

Отбор, обобщение (синтезирование) подобных знаний позволяют предложить следующую теоретическую конструкцию понятия «имидж руководителя ОВД» – это персональный авторитет руководителя подразделения полиции, основанный на комплексе признаваемых окружающими людьми его индивидуальных психологических качеств, профессионального статуса, образующийся в общественном сознании на преобладающих в данный момент социальных установках.

Безусловно, в исследовании этого феномена следует учитывать самооценку руководителя и его оценку окружающими людьми. Т.е. каким себя видит руководитель ОВД и какой его образ сформирован в общественном сознании. Кроме того, априори, следует различать имидж руководителя ОВД, сформированный в сознании непосредственно подчиненных сотрудников полиции и граждан, наблюдающих за его работой с независимых позиций.

Интернет-опрос по заявленной выше выборке позволяет говорить о том, что в сознании современного жителя г. Якутска основными показателями имиджа руководителя подразделения полиции являются такие индивидуально-психологические качества, как доброжелательность к людям, добросовестное отношение к профессиональной деятельности, справедливость во взаимоотношениях с окружающими людьми (см. Рисунок 1).

Безусловно, этот опрос не противоречит социально-психологической теории, практике, результатам других исследований [6,9,12], где показатель «доброжелательность человека» всегда ценится выше

других. Ничто так не привлекает в человеке как доброжелательное отношение к людям. Очевидно, что это системный показатель, который определяет в психологической структуре его личности уровень совершенства и других качеств руководителя: ответственность, грамотность, тактичность, самоотверженность, добросовестность, ответственность, справедливость, прилежность в работе и другие.

В этой связи есть необходимость обратить внимание кадровых служб МВД на учет этого факта при назначении офицеров полиции на должности руководителей ОВД.

Результаты исследования показывают, что уровень имиджа руководителя ОВД оценивается в общественном сознании по показателям, которые входят в систему преобладающих в данный момент социальных установок, т.е. потребностей, на удовлетворение которых человек (коллектив, общество) в конкретный временной период мотивирует себя на первоочередную деятельность. Например, осложнение оперативной обстановки в правоохранительной сфере, когда возникают угрозы здоровью и жизни родственникам, человек будет стимулировать себя на сотрудничество с полицией (другими силовыми структурами, институтами гражданского общества и т.п.), оставляя на будущее улучшение своего экономического, культурно-досугового и иного обеспечения.

Априори, в такой обстановке будет наблюдаться быстрый рост значимости полиции и внимание к ее работе общественности. А качество взаимодействия полиции с населением будет находиться в прямой зависимости от имиджа (авторитета) руководителей ОВД.

Это предположение подтверждается результатами конкретного опроса (см. Рисунок 2). Как видно на рисунке 48,5% респондентов готовы положительно оценивать имидж руководителя полиции, если их

Назовите основные индивидуально-психологические качества авторитетного для Вас руководителя полиции

- 1. Добросовестность – 16,8%
- 2. Доброжелательность – 41,2%
- 3. Справедливость – 23,9%
- 4. Ответственность – 11,3%
- 5. Нет ответа – 6,8%

	Частота	Проценты
1	67	16,8
2	164	41,2
3	95	23,9
4	45	11,3
5	27	6,8
Всего	398	100,0

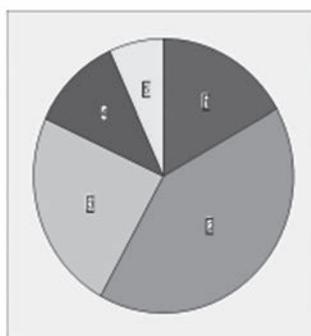
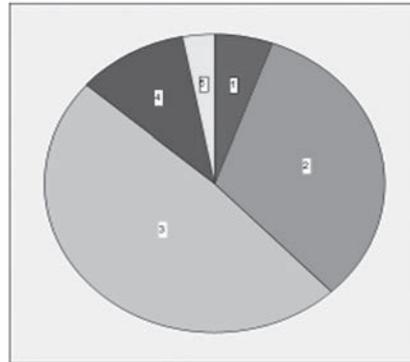

Рисунок 1. Мнения респондентов об основных индивидуально-психологических качествах руководителя ОВД

На Ваш взгляд, какие успешно реализуемые общественные потребности (социальные установки) в обеспечении правоохранительной безопасности сегодня определяют оценку имиджа руководителя полиции?

- 1. Информированность населения – 5,5%
- 2. Быстрое реагирование на жалобы – 32,4%
- 3. Безопасность семьи – 48,5%
- 4. Организация работы участковых – 10,6%
- 5. Контроль работы частного бизнеса – 3,0%

	Частота	Проценты
1	22	5,5
2	129	32,4
3	193	48,5
4	42	10,6
5	12	3,0
Всего	398	100,0

Рисунок 2. Мнение респондентов о реализуемых общественных потребностях в обеспечении правоохранительной безопасности, от которых зависит оценка уровня имиджа руководителя полиции

члены семьи будут в безопасности. Конечно, непосредственно сопряжены с этим показателем и «быстрое реагирование на жалобы», «организация работы участковых», т.к. они непосредственно входят в систему защиты жизни и здоровья населения.

Результаты исследования позволяют констатировать такой факт – уровень доверия (имидж, авторитет) полиции в общественном сознании г. Якутска высокий (см. Рисунок 3), что обуславливает вывод о том, что основная часть руководителей ОВД – высокопрофессиональные специалисты.

Следовательно, в полиции города знают об общественных потребностях в обеспечении правоохранительной безопасности и успешно их удовлетворяют. Как видно на рисунке 42,6% (12% + 30,6%) респондентов не имеют претензий к работе полиции (одобряют ее), что в сложившихся российских условиях, когда большая часть федеральных органов исполнительной власти в общественном сознании людей оценивается как ограниченно справляющиеся со своими обязан-

ностями, является очень хорошим достижением.

Эти результаты подтверждаются в ответах на вопрос о сравнении качества деятельности полиции за десятилетний период. В целом 54,1% экспертов считают, что за последние 10 лет уровень имиджа руководителей полиции города вырос, 30% указали на его стабильность и только 9,3% заявили о его снижении (см. Рисунок 4).

В контексте герменевтического аспекта использован психологический метод семантического дифференциала, позволивший получить данные о субъективном восприятии респондентов (опрашиваемых) имиджа руководителя ОВД и психологическая технология с применением биполярного метода. Основные черты имиджа руководителя ОВД были сведены в три группы: профессиональные качества, личностные поведенческие качества, групповые социально-психологические качества (внешний компонент). Всего было подобрано 30 биполярных характеристик имиджа руководителя ОВД. Они были ском-

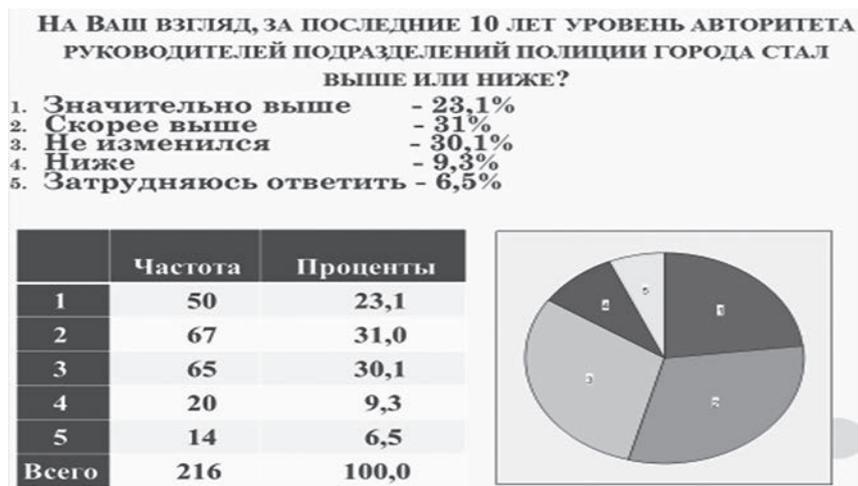
ИМЕЕТЕ ЛИ ВЫ ПРЕТЕНЗИИ К РАБОТЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПОЛИЦИИ ГОРОДА?

- 1. Нет. Работают самоотверженно – 12%
- 2. Скорее нет – 30,6%
- 3. Да. Нет оперативности в работе – 32,4%
- 4. Скорее да. Мало работают с населением – 21,8%
- 5. Затрудняюсь с ответом – 3,2%

	Частота	Проценты
1	26	12,0
2	66	30,6
3	70	32,4
4	47	21,8
5	7	3,2
Всего	216	100,0

Рисунок 3. Отношение экспертов к работе руководителей подразделений полиции города

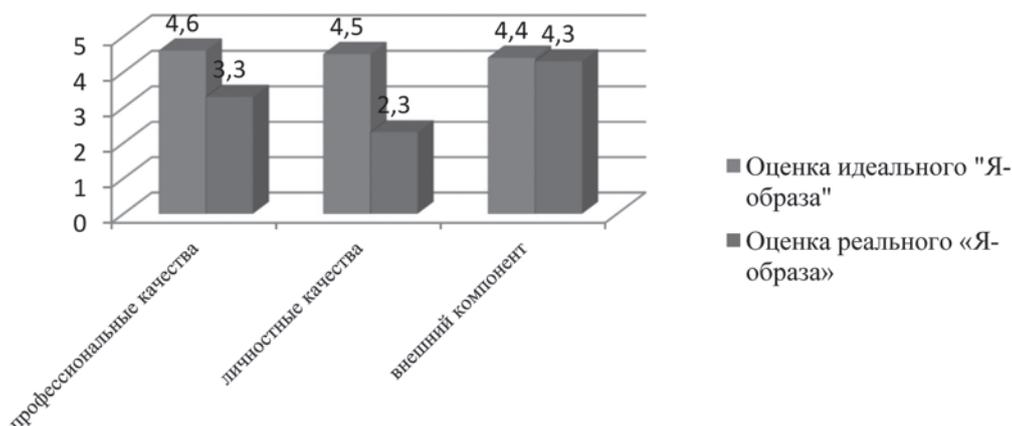
Рисунок 4. Сравнительная оценка экспертами тенденции роста уровня имиджа руководителей полиции города

понованы с учетом самооценки реального и идеального «Я-образа». Руководителям ОВД предлагалось выбрать из предложенных биполярных вариантов утверждение, которое наиболее точно отражает их представление реального и идеального «Я-образа». По полученным результатам (см. Рисунок 5) наименьший разрыв между «идеальными» и «реальными» характеристиками «Я-образа» руководителя ОВД наблюдается в блоке профессиональных качеств (4,6 и 3,3 соответственно). Наибольшая разница отмечается при оценке такой характеристики, как «способность принять правильное решение при недостатке необходимой информации, ее противоречивости и при отсутствии времени на ее осмысление».

Наибольший разрыв между «идеальными» и «реальными» характеристиками «Я-образа» был выявлен в блоке личностных характеристик (4,5 – «идеально», 2,3 – «реально»). В дальнейшем при построении семантического профиля коннотативных значений (с эмоциональными оценочными оттенками выборов, отношений к сути показателей) понимания имиджа

руководителя ОВД сотрудниками ОВД и жителями города Якутска вычислялся суммарный балл всех положительных, нейтральных и отрицательных выборов по каждой группе. Используя такую методику обработки данных индексации биполярных шкал с ответами сотрудников ОВД, было выявлено, что большинство выборов (74%) оказалось в левой части семантического профиля в диапазоне положительных значений признаков. При этом, было установлено три лидирующих признака в профиле личностных качеств – «добросовестность» (81,4%), «общительность» (76,3%), «справедливость» (72,9%) и два признака в профиле профессиональных качеств – «дисциплинированность» (81,4%), «ответственность» (79,7%).

Результаты использования биполярного метода показали, что по мнению сотрудников ОВД их непосредственный руководитель – это добросовестный, ответственный, общительный, дисциплинированный, справедливый человек. Большинство (92%) респондентов воспринимают его как пример для подражания. Наибольшее количество отрицательных вы-

Рисунок 5. Самооценка руководителями ОВД «идеального» и «реального» «Я-образа»

боров набрал признак «раздражительность» (62,3%). Полученные результаты обработки индексации биполярных шкал опроса населения показали, что самыми необходимыми профессиональными качествами руководителя ОВД, являются: «ответственность» (84%), «исполнительность» (61%), «дисциплинированность» (57%). А важными личностными поведенческими качества руководителя ОВД граждане считают: «доброжелательность» (73%), «порядочность» (65%), «справедливость» и «умение слушать» (по 56%).

Среди отрицательных качеств, снижающих уровень имиджа руководителя ОВД, респонденты назвали грубость, необъективность, высокомерие, надменность, неуважение и непонимание собеседников.

Интересным представляется сравнение ответов, касающихся характеристики имиджа руководителя ОВД (см. Рисунок 6). Эти оценки заставляют обратить внимание на приоритеты в конструировании профессионального имиджа руководителя ОВД и доминанты общественных ожиданий.

Наибольший разрыв между оценками сотрудников и населения был выявлен в профиле личностных характеристик (4,3 – сотрудники, 3,4 – граждане). Различия во мнениях возникли при определении лучших личностных характеристик руководителя ОВД. Для сотрудников на первом месте стоит «добросовестность» (81,4%) и «общительность» (76,3%), для граждан важнее «доброжелательность» (73%), «порядочность» (65%). В остальных выделенных качествах кардинальных различий во мнениях не зафиксировано. Были названы «строгость» (33,2%, 19,6%), «обаяние» (23,1%, 28,2%), «оптимизм» (18,6%, 13,5%)

Проведенный анализ наличия у руководителей ОВД мотивов по формированию положительного имиджа, показал, что почти все руководители хотят быть профессионалами (90%) и чувствовать высокую значимость своей деятельности (73,4%). Но каждый второй считает, что не обязательно при этом нужно нравиться населению. Таким образом, около 50% руководителей ОВД не считают жизненно необходимым

обеспечивать положительное восприятие окружающими своего имиджа, что позволяет утверждать, что у них развита мотивация на самооценку. Вероятно, в этом состоит проблема обеспечения высокого уровня доверия полиции со стороны гражданского населения, что должно стать одним из направлений деятельности воспитательной работы в системе МВД.

Как показывают результаты исследования практики в условиях ограниченности у абсолютного большинства населения непосредственных контактов с руководителями органов внутренних дел, информация о них поступает из СМИ, поэтому этот институт занимает особое место в системе формирования общественного мнения о МВД и, следовательно, и имиджа руководителей ОВД (см. Рисунок 7). Возможно, такое положение дел во многом обусловлено источниками формирования имиджа руководителя ОВД в коллективном сознании. Сотрудники создают образ своего начальника, обращаясь к знаниям о нем взятым из предметного (конкретного) уровня существующего имиджа. Они непосредственно осведомлены о различных качествах своих руководителей, в то время как население узнает о них из средств массовой коммуникации. Формирование у граждан положительного имиджа руководителя ОВД, соответственно, и правоохранительной системы в целом, можно рассматривать с учетом двух параллельных процессов: стихийного возникновения в общественном сознании образа руководителя ОВД и целенаправленного его формирования с учетом потребностей и запросов общества.

В случае, если над созданием положительного имиджа руководителя ОВД не проводится целенаправленная работа, образ, который будет формироваться в сознании граждан, может оказаться несоответствующим реальному, что будет сказываться на качестве отношения населения к власти, углублять существующие противоречия и вызывать недоверие к правоохранительной системе. Отсюда важную роль в формировании положительного имиджа руководи-

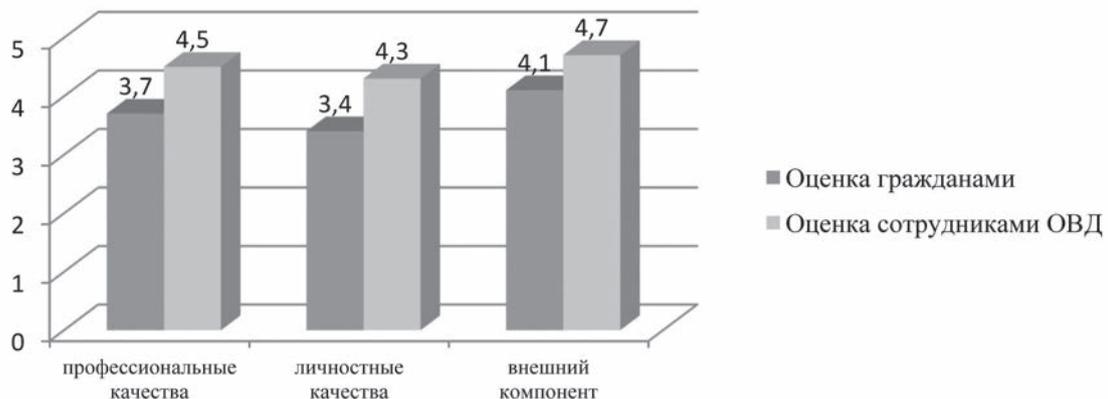
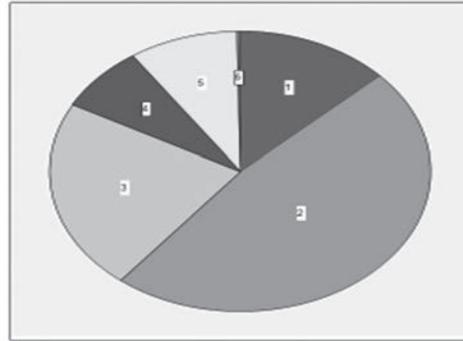

Рисунок 6. Оценка респондентами имиджа руководителя ОВД

Откуда Вы больше всего получаете негативную информацию о работе полиции?

- 1. От друзей, родственников – 13,1%
- 2. Телевидение – 47,7%
- 3. Интернет – 22,1%
- 4. На работе от сотрудников – 7,5%
- 5. Газеты, журналы – 9,3%
- 6. Нет ответа – 0,3%

	Частота	Проценты
1	52	13,1
2	190	47,7
3	88	22,1
4	30	7,5
5	37	9,3
6	1	0,3
Всего	398	100,0

Рисунок 7. Источники получения негативной информации о полиции

теля ОВД будут играть непосредственные контакты с общественностью, регулярное проведение информирования населения о деятельности правоохранительных органов, разъяснение перспектив и проблем выполняемых задач.

Заключение. Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Исследование имиджа руководителя ОВД на социологическом и герменевтическом подходах позволяет получать взаимно проверяемые достоверные эмпирические данные, которые обеспечивают точное объяснение этой категории (интерпретацию) и совершенствование этого феномена в контексте повышения уровня правоохранительного мастерства руководителя ОВД. Руководитель ОВД – лицо, относящееся к особой группе людей с психологической направленностью на борьбу с преступностью, имеющее специальное образование, обладающее знаниями, умениями и навыками управления организацией, сформированным особым кодексом управленческого поведения, который идентифицирует его как профессионала законности и правопорядка. Имидж руководителя ОВД – это персональный авторитет руководителя подразделения полиции, основанный на комплексе признаваемых окружающими людьми его индивидуальных психологических качеств, профессиональном статусе, образующийся в общественном сознании, на преобладающих в данный момент социальных установках.

В настоящее время в условиях усложнения политических, экономических, правовых и других проблем повышение уровня имиджа руководителя ОВД – становится системной проблемой МВД, т.к. от ее решения зависит доверие народа (граждан) России к правоохранительной системе, который является «единственным источником власти в Российской Федерации» [1, ст.3] и осуществляет ее «непосредственно, а также через ор-

ганы государственной власти и органы местного самоуправления» [1, ст.3]. В этой связи важной становится задача совершенствования механизмов его совершенствования. В результате исследования определено, что, с одной стороны, имидж руководителей ОВД – это необходимое условие их профессиональной деятельности, задача которой обеспечение безопасности населения; с другой – способ оптимизации их деятельности, основанный на доверии граждан, профилактики протестных форм общественного контроля.

Имидж руководителя ОВД обеспечивает уровень доверия населения к нему как субъекту государственной власти, ко всей системе правоохранительных органов, которое, априори, как средство морального стимулирования воздействует, регулирует его элементы позитивной деятельности.

В работе современных СМИ преобладает критические отношение к результатам работы полиции и ее руководству, что опасно, так как создает условия для социальной дезинтеграции, снижает уровень эффективности взаимодействия правоохранительных органов с различными организациями публичной сферы, что, в свою очередь, приводит к усложнению криминогенной обстановки в обществе.

Мнение части населения об имидже руководителя ОВД формируется в основном не на личном опыте, а на сформированном слухами, суждениями, разговорами, распространяемыми СМИ, образе полиции. Образ руководителей ОВД формируется как стереотип и должен соответствовать ожиданиям населения. Игнорирование значимости ожиданий граждан со стороны руководителя ОВД разрушает взаимодействие формальных и неформальных сил и средств правоохранительной сферы. Основываясь на знании психологии руководитель ОВД имеет много возможностей оптимизировать формирование своего имиджа в соответствии с ожиданиями «единственного источника власти в Российской Федерации» – народа.

Основными общественными механизмами повышения уровня имиджа руководителя ОВД могут быть: административный, предназначение которого – регулирование баланса самооценки и оценки населением имиджа руководителей ОВД; общественный (его задача – контроль и оказание неформальной помощи руководителям ОВД в осуществлении служебной деятельности).

Практические рекомендации

1. В области совершенствования нормативной правовой базы.

МВД России предложить разработать нормативные правовые методические рекомендации по:

- формированию положительного имиджа руководителя ОВД с указанием психолого-профессиональных характеристик обобщенного образа руководителя отдела;

- деятельности кадровых служб при отборе и назначении офицеров полиции на вышестоящие должности с конкретизацией уровня состояния имиджа кандидата;

- уточнению должностных обязанностей сотрудников-психологов кадровых отделов полиции в контексте организации деятельности по формированию и оценке имиджа офицеров.

2. В области административной организационной работы.

МВД России предложить:

- в системе информационных служб МВД дополнить обязанности руководителей отделов требованием популяризации профессии правоохранителя;

- обеспечить консультативное участие ветеранов-сотрудников МВД в ведущих СМИ России; активизировать их работу по популяризации службы в полиции, совершенствованию имиджа руководителя ОВД;

- организовать работу демократических механизмов давления на СМИ, поставляющих в сферу общественного сознания недостоверную, либо гротескную (преувеличенную) информацию о негативной деятельности полиции;

- в Академии управления МВД России организовать профессиональную подготовку пропагандистских кадров для системы информационных служб МВД.

3. В области совершенствования общественных механизмов формирования положительного имиджа руководителей ОВД.

- Общественному совету при ОВД предоставить право рекомендации на выдвижение на должности руководителей ОВД, направление на учебу в Академию управления МВД России;

- информационным службам МВД России, институтам гражданского общества правоохранительной сферы рекомендовать ежеквартально обобщать и публиковать в СМИ положительный опыт работы руководителей ОВД.

4. В области теоретических разработок и научно-исследовательской работы.

Министерству науки и высшего образования Российской Федерации предложить издать приказ об уточнении паспорта научных специальностей 22.00.08 – социология управления. Ввести направления исследований, связанных с совершенствованием механизмов формирования авторитета сотрудников силовых структур.

Определить направления дальнейших исследований для образовательных и научно-исследовательских подразделений вузов МВД:

- авторитет сотрудника полиции как фактор стабильного порядка в публичной сфере;

- механизмы общественного принуждения СМИ к пропаганде (рекламе) службы в полиции;

- общественный контроль деятельности руководителя ОВД;

- мотивация руководителя ОВД на сотрудничество с населением в публичной сфере;

- имидж руководителя ОВД как фактор общественной ответственности;

- российские правоохранительные традиции в деятельности руководителя ОВД;

- ветеранские организации МВД в системе стимулирования деятельности руководителя МВД и другие.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), ст.3. М., 2020, 63с.
2. Федеральный закон РФ № 273-ФЗ от 25.12.2008г. «О противодействии коррупции» // Российская газета, № 5342, 29 декабря 2008 г.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 06.02.2020) «О полиции» // Российская газета, 08 февраля 2011 г.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 2014 г. N 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Российская газета, № 6435, 23 июля 2014 г.
5. Федеральный закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 01.03.2020) «О средствах массовой информации» // Российская газета, 01 марта 2020 г.
6. Бодрикова А.В., Гостев А.Н., Демченко Т.С. Социальное управление общественными объединениями инвалидов вследствие боевых действий и военной травмы: монография. М.: СГУ, 2015, 190 с.

7. *Виноградова Е.Г.* Имидж – профессиональная характеристика руководителя // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2006. -№ 6. – С. 79.
8. *Гостев А.Н.* Теоретико-методологические основы исследования феномена гибридной войны и проблемы безопасности: результаты анализа цифровых документов // Научно-практический журнал «Человеческий капитал» №12 (132) часть 2, 2019. С 126-147.
9. *Демидова С.С., Демченко Т.С., Гостев А.Н.*, Мотивация руководящего состава производственных компаний на оптимизацию общественного управления: статья // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия. История, социология, политология, культурология», № 4. 2015, с. 90-98.
10. *Демченко Т.С., Гостев А.Н.* Гражданское общество: контроль над деятельностью государства: монография. М.: Изд-во СГУ, 2011, 193 с.
11. *Кадыров Р.Х., Демченко Т.С., Гостев А.Н.* Общественные механизмы стимулирования сотрудников полиции (ВАК) // Вестник Академии права и управления, № 4 (61), 2020. С. 25-32
12. *Лаптев Л.Г., Гостев А.Н.* и другие. Психология эффективного труда в социальной сфере: монография. – Москва: Объединенная редакция; Ярославль, Филигрань, 2019. – 629 с.
13. *Смолева С.С.* Формирование позитивного имиджа органов внутренних дел в деятельности служб по связям с общественностью: политическая теория и практика: автореф. дис. д-ра. полит. наук. – М., 2013. – С.23.
14. *Чеплухов Е.В., Гостев А.Н., Демченко М.В.* Организация управления органом внутренних дел Российской Федерации: социологический аспект // Вестник Академии права и управления. 2020. № 3 (60). С. 75-85.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote, 01.07.2020) art. 3. М., 2020, 63с.
2. Federal Law of the Russian Federation No. 273-ФЗ of 25.12 2008 «On combating corruption «//Rossiyskaya Gazeta, No. 5342, December 29, 2008
3. Federal Law of the Russian Federation dated 07.02.2011 N 3-ФЗ (ed. From 06.02.2020) «On the Police «//Russian newspaper, February 08, 2011
4. Federal Law of the Russian Federation of July 21, 2014 N 212-ФЗ «On the Basics of Public Control in the Russian Federation «//Rossiyskaya Gazeta, No. 6435, July 23, 2014
5. Federal Law of the Russian Federation dated 27.12.1991 N 2124-1 (ed. From 01.03.2020) «On the Media «//Russian newspaper, March 01, 2020
6. *Bodrikova A.V., Gostev A.N., Demchenko T.S.* Social management of public associations of disabled people due to hostilities and military trauma: monograph. М.: SSU, 2015, 190 s.
7. *Vinogradova E.G.* Image – professional characteristic of the head//Directory of the head of the cultural institution. – 2006. – No. 6. – P. 79.
8. *Guest A.N.* Theoretical and methodological foundations of the study of the phenomenon of hybrid warfare and security problems: the results of the analysis of digital documents//Scientific and practical journal «Human Capital» No. 12 (132) part 2, 2019. FROM 126-147.
9. *Demidova S.S., Demchenko T.S., Gostev A.N.*, Motivation of the management of production companies to optimize public management: article//Bulletin of Adygea State University. Series «Regional Studies: Philosophy. History, sociology, political science, cultural studies, «No. 4. 2015, p. 90-98.
10. *Demchenko T.S., Gostev A.N.* Civil society: control over the activities of the state: monograph. М.: Publishing House of SSU, 2011, 193 s.
11. *Kadyrov R.Kh., Demchenko T.S., Gostev A.N.* Public mechanisms for stimulating police officers (HAC)//Bulletin of the Academy of Law and Management, No. 4 (61), 2020. С. 25-32
12. *Laptev L.G., Gostev A.N.* and others. Psychology of effective labor in the social sphere: monograph. – Moscow: Joint edition; Yaroslavl, Filigran, 2019. – 629 p.
13. *Smoleva S.S.* Formation of a positive image of internal affairs bodies in the activities of public relations services: political theory and practice: autoref. yew. Drs. watered. sciences. – М., 2013. – С.23.
14. *Cheplukhov E.V., Gostev A.N., Demchenko M.V.* Organization of management of the internal affairs body of the Russian Federation: sociological aspect//Bulletin of the Academy of Law and Management. 2020. № 3 (60). С. 75-85.

Лисова Екатерина Валерьевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры Государственного и муниципального управления
и конституционного права, АНО ВО Институт деловой карьеры, Москва,
lisovaekaterina78@gmail.com

УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Аннотация. Статья посвящена уровню развития социальной сферы регионов России. Отмечается, что в настоящее время социальной компоненте отводится ведущая роль в исследованиях различных авторов. Предлагается использовать индикаторы, представленные в статистическом сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели» для оценки уровня социального регионального развития. Автором разработана методика определения интегрального показателя уровня развития социальной сферы регионов, создана компьютерная программа для определения его числовых значений на основе индикаторов социальной сферы. Приводятся подсчитанные интегральные показатели для регионов Центрального Федерального округа. Делаются выводы о возможности использования полученных данных для оценки и прогнозирования уровня развития социальной сферы регионов.

Ключевые слова: социальное региональное развитие, социальная сфера регионов, уровень развития социальной сферы регионов, индикаторы социального развития, весовые коэффициенты показателей, интегральный индекс развития социальной сферы регионов

Ekaterina V. Lisova,

PhD in Sociology, assistant Professor, Full Professor of the Chair State and municipal administration
and constitutional law, Institute of business career, Moscow,
lisovaekaterina78@gmail.com

RAT THE LEVEL OF SOCIAL DEVELOPMENT IN THE REGIONS OF CENTRAL FEDERAL DISTRICT

Abstract. The article is devoted to the level of development of the social sphere of the Russian regions. It is noted that at present the social component plays a leading role in the research of various authors. It is proposed to use the indicators presented in the statistical collection "Regions of Russia. Socio-economic indicators" for assessing the level of social regional development. A method for determining the integral indicator of the level of development of the social sphere of the regions has been developed, a computer program has been created to determine its numerical values based on the indicators of the social sphere. The calculated integral indicators for the regions of the Central Federal District are given. Conclusions are drawn about the possibility of using the obtained data to assess and predict the level of development of the social sphere of the regions.

Keywords: social regional development, social services regions, the level of social development of the regions, the social development indicators, the weights of indicators, the integral index of social development in the regions

Социально-экономическое развитие российских регионов достаточно давно и традиционно является одним из основных процессов, оцениваемых на мезоуровне экономики. Существует целый набор индикаторов как экономической, так и социальной направленности, в той или иной мере описывающих его уровень.

Однако, в последнее время многие авторы дифференцируют экономическую и социальную составляющие, причем доминирование признается за последней [1,2,3]. Выделение при этом социального

регионального развития как самостоятельной части данного процесса требует определения, описания и классификации «социальных» индикаторов, определяющих уровень социального развития региона.

Обращаясь к российской практике формирования индикаторов измерения и оценки социального развития регионов, необходимо, в первую очередь, упомянуть о статистическом сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели» [4], ежегодно выпускаемом Федеральной службой государственной статистики.

Итоговые данные сборника включают почти триста семьдесят показателей, разбитых на двадцать три различных блока, при этом вся информация дифференцирована по российским регионам: федеральным округам, республикам, краям, областям.

При этом, на наш взгляд, порядка 180 публикуемых индикаторов можно отнести к социально-ориентированным. Вполне понятно, что в таких условиях попытка обработки всех показателей для дальнейшего подсчета интегрального показателя регионально-социального развития представляется маловероятной, а скорее всего и невозможной. В исследованиях целого ряда авторов [5,6,7] для нахождения обобщенного показателя используется гораздо меньшее число индикаторов, что подтверждает объективные трудности технической обработки.

Во всех предлагаемых методиках нахождения уровня регионального социального развития [8,9,10] выбор индикаторов, их количество, а также «весовые» характеристики каждого из них определяются экспертами-профессионалами.

Отсутствие единого подхода к определению уровня социального развития регионов РФ, однозначно признанных и зарекомендовавших себя на практике интегральных его показателей, фактически заставляют исследователей осуществлять самостоятельный выбор индикаторов.

На наш взгляд, к наиболее значимым показателям, определяющим уровень развития социальной сферы российских регионов, относятся:

- ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет);
- общий коэффициент рождаемости на 1000 человек;
- индексы физического объема платных услуг населению (%);
- обеспеченность детей дошкольного возраста местами в дошкольных образовательных учреждениях (% человек на 100 мест);
- среднегодовая численность занятых в экономике (в % к общей численности населения);
- общий коэффициент смертности на 1000 человек;
- уровень безработицы (%).

Также необходимо заметить, что первые пять показателей находятся в прямо пропорциональной зависимости с уровнем социального развития, а последние два – в обратно пропорциональной зависимости.

Сам уровень развития социальной сферы региона, как интегральный показатель, можно подсчитать по следующей формуле:

$$I = \sum_{i=1}^7 q_i L_i, \quad (1)$$

где q_i – весовой коэффициент или «вес» каждого из показателей ($\sum q_i = 1$), L_i – числовые значения част-

ных показателей, I – числовое значение интегрального уровня развития социальной сферы региона.

В нашем случае весовые коэффициенты на основании мнения экспертов и мнения других авторов [11,12] можно принять равными:

- для ожидаемой продолжительности жизни при рождении (число лет) – 0,1;
- для общего коэффициента рождаемости на 1000 человек – 0,1;
- для индексов физического объема платных услуг населению (%) – 0,05;
- для обеспеченности детей дошкольного возраста местами в дошкольных образовательных учреждениях (% человек на 100 мест) – 0,1;
- для среднегодовой численности занятых в экономике (в % к общей численности населения) – 0,2;
- для общего коэффициента смертности на 1000 человек – 0,1;
- для уровня безработицы (%) – 0,35.

При этом, числовые значения данных показателей для каждого из регионов РФ представлены в статистическом сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели».

Перед вычислением интегрального показателя уровня развития социальной сферы регионов РФ, всем используемым в формуле (1) индикаторам придается относительный вид за счет приведения их к общероссийским показателям.

Если показатели прямо пропорциональны уровню развитию региональной социальной сферы, то их числовое значение делится на аналогичное значение общероссийского показателя, при обратно пропорциональной зависимости используется обратное число.

При таком подходе относительное значение каждого из числовых показателей имеет весьма наглядный для восприятия вид: если он превышает единицу, ему соответствует уровень социального развития выше среднероссийского, в противном случае – наоборот.

Вычисления производятся в табличном процессоре «Microsoft Excel», объектом исследования в нашем случае являлись регионы Центрального Федерального округа (далее – ЦФО).

Числовые значения интегрального показателя уровня развития социальной сферы регионов ЦФО представлены в Таблице 1.

Вполне ожидаемо на первых строках рейтинга оказываются Москва и Московская область со значительным превышением общероссийского уровня. Воронежская, Белгородская, Липецкая, Калужская, Тульская, Брянская и Тамбовская области также превысили данный показатель.

Остальные регионы демонстрируют уровень развития социальной сферы ниже среднего по России. Худшие результаты соответствуют Орловской и Смоленской областям.

**Значения интегрального индекса развития социальной сферы регионов ЦФО
(данные на 31.12.2018 года)**

Регион Центрального Федерального округа	Значение интегрального индекса развития социальной сферы	Место в Центральном Федеральном округе
Москва	2,2022	1
Московская обл.	1,2747	2
Воронежская обл.	1,0542	3
Белгородская обл.	1,0464	4
Липецкая обл.	1,0420	5
Калужская обл.	1,0348	6
Тульская обл.	1,0216	7
Брянская обл.	1,0056	8
Тамбовская обл.	1,0001	9
Тверская обл.	0,9871	10
Ивановская обл.	0,9866	11
Курская обл.	0,9771	12
Рязанская обл.	0,9711	13
Владимирская обл.	0,9659	14
Костромская обл.	0,9653	15
Ярославская обл.	0,9175	16
Орловская обл.	0,9082	17
Смоленская обл.	0,9035	18

Числовые значения интегрального показателя уровня развития социальной сферы регионов ЦФО позволяют составить наглядную компаративную картину. Динамические характеристики данного показателя представляются перспективными при исследовании во временном аспекте.

Таким образом, найденные значения интегрального индекса развития социальной сферы регионов позволяют:

- получить наглядную компаративную картину уровня развития социальной сферы регионов ЦФО;
- провести количественный сравнительный анализ на базе среднероссийских показателей;

- составить рейтинг регионов ЦФО по уровню развития социальной сферы.

Оценивая перспективы предложенной методики, хочется выделить два вида возможностей ее развития как в пространственном, так и во временном аспектах.

Во-первых, нет никаких ограничений для использования в качестве объекта исследований регионов какого-либо другого федерального округа. Во-вторых, динамический анализ изменения интегрального индекса развития региональной социальной сферы в диапазоне трех-пяти лет позволит сделать выводы об основных процессах, происходящих в социальной сфере региона.

Список литературы

1. Садыков Р.М. Ключевые тенденции и траектории социального развития российских регионов / Р.М. Садыков, Н.Л. Большакова // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2019. – № 3. – С. 126-132.
2. Галлямов Р.Р. Социальное развитие регионов в контексте социализации экономики: эволюционные этапы исследования и основные теоретические подходы в отечественной науке / Р.Р. Галлямов // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 8-2 (85). – С. 355-358.
3. Зубаревич Н.В. Роль человеческого капитала в социально-экономическом развитии регионов России / Н.В. Зубаревич, А.Я. Бурдяк, Р.Р. Хасанова, Н.В. Мкртчян // Социальное развитие и демография регионов России: осенние тренды 2018 г. (по результатам регулярного мониторинга ИНСАП РАНХиГС). – 2019. – Т. 26. – № 2. – С. 76-90.
4. Регионы России (социально-экономические показатели) [Электронный ресурс] / Росстат России. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b18_14p.
5. Скоробогатова Т.Н. Некоторые теоретические и практические положения, касающиеся социальной инфраструктуры / Т.Н. Скоробогатова, И.Ю. Мараховская // Региональная экономика: теория и практика. – 2020. – Т. 18. – № 6 (477). – С. 1063-1078.

6. *Каменских Е.А.* Сущность и содержание понятия «Социальная инфраструктура»/ Е.А. Каменских // Экономика и предпринимательство. – 2019. – № 12 (113). – С. 457-460.
7. *Шарифьянов Т.Ф.* Институциональное обеспечение развития региональной инфраструктуры / Т.Ф. Шарифьянов // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2019. – № 1 (57). – С. 4-9.
8. *Усманов Н.Е.* Оценка экономической безопасности региона и анализ его социального развития / Н.Е. Усманов, Е.С. Червякова // Синергия Наук. – 2018. – № 28. – С. 311-315.
9. *Лисова Е.В.* Моделирование социально-экономических процессов региона / Е.В. Лисова // Путеводитель предпринимателя. – 2020. – Т. 13. – № 1. – С. 130-136.
10. *Богдановский Д.Л.* К вопросу о социальном развитии региона / Д.Л. Богдановский, Е.В. Лисова // Вестник Академии права и управления. – 2020. – № 1 (58). – С. 66-71.
11. *Гавловская Г.В.* Проблемы и тенденции в социальной сфере России в условиях устойчивого развития / Г.В. Гавловская, Н.О. Пушкарева // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 4-1. – С. 19-28.
12. *Макаров П.Ю.* Человеческий капитал и социальная сфера региона / П.Ю. Макаров, Ю.Н. Лапыгин // Ученые записки. – 2019. – № 53. – С. 106-122.

References

1. *Sadykov R.M.* Klyuchevyye tendentsii i trayektorii sotsialnogo razvitiya rossiyskikh regionov / R.M. Sadykov. N.L. Bolshakova // Nauchno-metodicheskiy elektronny zhurnal Kontsept. – 2019. – № 3. – С. 126-132.
2. *Gallyamov R.R.* Sotsialnoye razvitiye regionov v kontekste sotsializatsii ekonomiki: evolyutsionnyye etapy issledovaniya i osnovnyye teoreticheskiye podkhody v otechestvennoy nauke / R.R. Gallyamov // Ekonomika i predprinimatelstvo. – 2017. – № 8-2 (85). – С. 355-358.
3. *Zubarevich N.V.* Rol chelovecheskogo kapitala v sotsialno-ekonomicheskom razvitii regionov Rossii / N.V. Zubarevich. A.Ya. Burdyak. R.R. Khasanova. N.V. Mkrtchyan // Sotsialnoye razvitiye i demografiya regionov Rossii: osenniye trendy 2018 g. (po rezultatam regul'yarnogo monitoringa INSAP RANKhiGS). – 2019. – Т. 26. – № 2. – С. 76-90.
4. Regiony Rossii (sotsialno-ekonomicheskiye pokazateli) [Elektronnyy resurs] / Rosstat Rossii. – Rezhim dostupa: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b18_14p.
5. *Skorobogatova T.N.* Nekotoryye teoreticheskiye i prakticheskiye polozheniya. kasayushchiesya sotsialnoy infrastruktury / T.N. Skorobogatova. I.Yu. Marakhovskaya // Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika. – 2020. – Т. 18. – № 6 (477). – С. 1063-1078.
6. *Kamenskikh E.A.* Sushchnost i sodержaniye ponyatiya «Sotsialnaya infrastruktura»/ E.A. Kamenskikh // Ekonomika i predprinimatelstvo. – 2019. – № 12 (113). – С. 457-460.
7. *Sharifianov T.F.* Institutsionalnoye obespecheniye razvitiya regionalnoy infrastruktury / T.F. Sharifianov // Regionalnaya ekonomika i upravleniye: elektronnyy nauchnyy zhurnal. – 2019. – № 1 (57). – С. 4-9.
8. *Usmanov N.E.* Otsenka ekonomicheskoy bezopasnosti regiona i analiz ego sotsialnogo razvitiya / N.E. Usmanov. E.S. Chervyakova // Sinergiya Nauk. – 2018. – № 28. – С. 311-315.
9. *Lisova E.V.* Modelirovaniye sotsialno-ekonomicheskikh protsessov regiona / E.V. Lisova // Putevoditel predprinimatel'ya. – 2020. – Т. 13. – № 1. – С. 130-136.
10. *Bogdanovskiy D.L.* K voprosu o sotsialnom razvitii regiona / D.L. Bogdanovskiy. E.V. Lisova // Vestnik Akademii prava i upravleniya. – 2020. – № 1 (58). – С. 66-71.
11. *Gavlovskaya G.V.* Problemy i tendentsii v sotsialnoy sfere Rossii v usloviyakh ustoychivogo razvitiya / G.V. Gavlovskaya. N.O. Pushkareva // Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava. – 2020. – № 4-1. – С. 19-28.
12. *Makarov P.Yu.* Chelovecheskiy kapital i sotsialnaya sfera regiona / P.Yu. Makarov. Yu.N. Lapygin // Uchenyye zapiski. – 2019. – № 53. – С. 106-122.

Салихов Борис Варисович,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры Теории регионоведения,
Московский государственный лингвистический университет, Москва,
mgsusalikhov@yandex.ru

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ УСТОЙЧИВОГО И НЕУСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ (ЧАСТЬ II)

Аннотация. Статья посвящается выявлению исследовательского и научно-практического потенциала трактовки сущности устойчивого и неустойчивого развития как ключевого методологического императива «сдвига парадигмы», обоснованного в первой части общего исследования проблемы [16,17]. Дисциплинарная матрица, обеспечивающая достижение цели статьи, непосредственно связана с общефилософской характеристикой сущности и явления. Такой подход, с одной стороны, позволяет значительно приблизиться к пониманию сущности устойчивого и неустойчивого развития («явление существенно»), а с другой стороны, - обоснованно характеризовать модифицированные действительные формы рассматриваемого развития («сущность является»). Эвристический и практический потенциал научных результатов предлагаемого исследования заключается, во-первых, в трактовке сущности устойчивого и неустойчивого развития, а также в оригинальном определении его релевантных интегральных форм; во-вторых, в инновационном выводе о том, что социум и экономика современной России находятся в критическом состоянии неустойчивого регрессивного развития, что предопределяет необходимость разработки срочных мер по преодолению названной тенденции. Научно-практическое значение статьи заключается в создании и перспективном применении матрицы классификации стран и регионов мира, с точки зрения параметров и показателей их устойчивого либо неустойчивого развития.

Ключевые слова: сущность и явление, устойчивое и неустойчивое развитие, формы устойчивого и неустойчивого развития, неустойчивое регрессивное развитие, дискреционные меры субъектов управления

Boris V. Salikhov,

Doctor of Economics, professor, professor of theory of region studies department
of the Moscow state linguistic University, Moscow
mgsusalikhov@yandex.ru

SCIENTIFIC-PRACTICAL POTENTIAL OF DETERMINING THE ESSENCE OF SUSTAINABLE AND UNSUSTAINABLE DEVELOPMENT (PART II)

Abstract. The article is devoted to identifying the research and scientific-practical potential of interpreting the essence of sustainable and unsustainable development as a key methodological imperative of the "paradigm shift", substantiated in the first part of the general study of the problem. The disciplinary matrix that ensures the achievement of the goal of the article is directly related to the general philosophical characteristics of the essence and phenomenon. Such an approach, on the one hand, allows one to get closer to understanding the essence of sustainable and unsustainable development ("the phenomenon is essential"), and on the other hand, to reasonably characterize the modified actual forms of the considered development ("the essence is"). The heuristic and practical potential of the scientific results of the proposed research consists, firstly, in the interpretation of the essence of sustainable and unsustainable development, as well as in the original definition of its relevant integral forms; secondly, in the innovative conclusion that the society and economy of modern Russia are in a critical state of unsustainable regressive development, which predetermines the need to develop urgent measures to overcome this tendency. The scientific and practical significance of the article lies in the creation and prospective application of a classification matrix for countries and regions of the world, from the point of view of parameters and indicators of their sustainable or unsustainable development.

Keywords: essence and phenomenon, sustainable and unsustainable development, forms of sustainable and unsustainable development, unsustainable regressive development, discretionary measures of the subjects of management

Введение: гипотеза и логика исследования.

Как следует из анализа релевантной литературы, включая статьи, опубликованные на страницах данного журнала, действующая и преимущественно «экономическая», то есть монодисциплинарная парадигма устойчивого развития (еще ее называют «парадигма ВВП») не оправдывает ожиданий, не только с точки зрения цивилизационной и геосоциальной, но и социально-экономической эффективности [1,6,7,8,9]. В связи с этим, высказанный ранее императив о том, что трактовка сущности исследуемого феномена призвана рефлексировать качественную определенность «устойчивого развития», в предлагаемой статье должен получить логико-гносеологическое продолжение. В связи с этим, резонно напомнить, что методологическая и научно-практическая перспектива исследования любой проблемы, в том числе устойчивого или неустойчивого развития, должна непосредственно увязываться с ее действительной субстанциальной основой. Сущность, как «бесконечное движение бытия» и как «абсолютное в-себе-бытие» [3, с. 8] всегда включает потенциал, как эвристики и творческого инсайта, так и логического алгоритма анализа любой проблемы. Доказательство данного тезиса не может быть гипотезой исследования в силу своей философской очевидности, но напомнить о креативно-теоретическом и функционально-прикладном потенциале понимания сущности представляется необходимым, особенно в условиях некоторой «увлеченности» исследованием внешних, именно явленческих (кажущихся явлением, но, по сути, представляющих собой «видимости») аспектов нарастания множества и, одновременно, сложности проблем общего цивилизационного и национально-регионального развития.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что гносеологическое проникновение в сущность устойчивого и неустойчивого развития (как видимого и реально наблюдаемого процесса движения социальной и экономической «материи») с целью разработки релевантной трактовки соответствующих качественных определенностей (сущностей), позволит далее сформулировать и предложить общую матрицу системных модифицированных форм названного развития, «абсорбирующих» геосоциальные, социокультурные, историко-институциональные и геоэкономические особенности стран и регионов мира. Доказательство гипотезы объективно требует последовательного решения определенных, каузально связанных задач. *Во-первых*, на основе взаимосвязанного единства экзогенных и эндогенных условий и факторов, влияющих на динамику любого социального процесса, а также с учетом результатов раздельного анализа феноменов «развитие» и «устойчивость», необходимо осуществить логическое восхождение к

пониманию сущности устойчивого и неустойчивого развития. *Во-вторых*, используя критерии поступательности (в рамках действующих социокультурных ценностей), прогрессивности (в рамках социокультурных инноваций) и регрессивности (в рамках деструкции существующих культурных ценностей социума), сформулировать ключевые интегральные формы устойчивого и неустойчивого развития стран и регионов. *В-третьих*, на основе разработанных трактовок и модифицированных форм устойчивого и неустойчивого развития, предложить верифицированную версию качественной целостности развития современной России, причем с обоснованием релевантных условий и факторов, определяющих направленность и содержание исследуемой динамики.

Методология исследования: единство сущности и явления. Методологический ракурс исследования непосредственно связан с учением о субстанции и сущем, а также о диалектическом единстве сущности и явления, как ключевых категорий философии и основы любого логико-гносеологического анализа. При этом субстанциальность всегда нацеливает на выявление первоосновы того или иного феномена (например, устойчивого развития), или того, что «не зависит от другого и порождает другое», являясь первопричиной сущего, которое, в свою очередь, представляет собой «совокупность многообразных проявлений бытия; любую вещь или субъект в аспекте их причастности к бытию». Взаимосвязь субстанции и сущего «проливает свет» на диалектику сущности и явления, где сущность предстает как «отношения или свойства системы, от которых зависят другие ее отношения или свойства». При этом «явления – это свойства, признаки и отношения системы, обусловленные ее сущностью; ... нет сущности без ее проявления, нет явления без сущности. Сущность и явление неразрывно связаны друг с другом». Для исследования устойчивого и неустойчивого развития важно, что «явления бывают двух типов: адекватные и неадекватные (кажущие, видимости)» [11, с. 378, 381, 382].

Поскольку явление всегда богаче сущности, а сущность всегда глубже явления, то процесс познания и выявления сущности должен изначально предполагать наиболее полный и всесторонний учет названного «явленческого богатства», то есть не надуманной, а реальной сложности сущего и существования, например, огромное множество внешних условий и внутренних факторов устойчивого или неустойчивого развития как такового. Сказанное означает, что действующая «экономическая» или «потребительская» парадигма устойчивого развития объективно не может быть основанием рабочей и, тем более, научной гипотезы исследования проблемы. Таким образом, *без наиболее полного учета многообразия сущего осуществить восхождение к пониманию и трактовке*

сущности устойчивого развития невозможно. В научно-практическом смысле сказанное означает, что монодисциплинарный подход к выявлению сущности и последующему исследованию проблемы устойчивого развития, более не пригоден и должен рассматриваться как «методологический артефакт».

Очевидно, что методологическая перспектива исследования должна непосредственно увязываться с *нарастанием сложности и эвристическим многообразием форм и видов* внешних условий, внутренних факторов, релевантных критериев и показателей, предопределяющих логику и направленность устойчивого либо неустойчивого развития. Резонно подчеркнуть, что именно *множественность, открытость и, возможно, спонтанность и неравновесность отмеченных усложняющихся форм есть критически важный системный аргумент в пользу действительного выявления сущности исследуемого явления*, представленного «сущим» в качестве различных вариантов устойчивого и неустойчивого развития, всякий раз детерминированного множеством, как универсальных, так и уникальных условий и факторов. Именно в этом смысле «истина бытия – это сущность. Бытие непосредственно. ... Только тогда, когда знание из непосредственного бытия углубляется внутрь, оно через это опосредствование находит сущность» [3, с. 7]. Методологический вывод очевиден: если действительность есть единство сущности и явления (по Г.Гегелю) [3, с. 10], то проникновение в сущность не представляется возможным, если не учесть растущую «явленческую» сложность этой действительности, представленную, как отмечалось, растущим множеством релевантных условий и факторов, определяющих вектор и качественную целостность того или иного развития.

Первый результат исследования: «явление существенно». *Первое. Отмеченное ранее нарастание сложности и, следовательно, богатство действительности, в рамках которого «сущее» характеризует различные условия и факторы устойчивого и неустойчивого развития, предопределяет, прежде всего, расширение границ объектного «пространства» и предметного «поля» исследования.* Наряду с этим, императивом становится нацеленность исследования на восприятие каждого традиционного и нового аналитического элемента как априори самостоятельной, открытой, неравновесной и нелинейно развивающейся системы или подсистемы. В рамках действующей «парадигмы ВВП» основное внимание, как известно, уделялось и уделяется экономической устойчивости и сохранности природного потенциала. Однако, сложность и противоречивость реальной картины «сущего», в контексте изучения устойчивого или неустойчивого развития, заключается в необходимости системного подхода к таким звеньям исследования и, одновременно, открытым системам, как

личность (домохозяйство), общество, государство, экономика, созидательный потенциал природы и, возможно, еще многое другое [2,12,13].

Очевидно, что в таком, постоянно усложняющемся и многоэлементном подходе к проблеме есть своя внутренняя логика, например, со следующим примерным алгоритмом динамики событий. Во-первых, устойчивость либо неустойчивость развития личности (домохозяйства) обеспечивает данным субъектам определенный уровень и качество жизни, что является веским «аргументом» для запроса (спроса) на общество релевантного качества, что, в свою очередь, предопределяет политэкономический анализ качества демократии в диапазоне от реальной индивидуалистической до авторитарной ее формы [5,19]. В связи с этим резонно отметить, качество демократии и конституционных «правил о правилах», а также система геосоциальных и социокультурных ценностей являются, соответственно, условиями и факторами устойчивости либо неустойчивости развития того или иного субъекта, объекта, процесса, явления и т.д. С другой стороны, сложившийся образ и способ жизни домохозяйств, ставшие элементами социокультурных ценностей и традиций, не могут не оказывать стабилизирующее либо, при определенных условиях, дестабилизирующее влияние на те или иные аспекты «жизненного равновесия» всего общества.

Во-вторых, устойчивость или неустойчивость развития общества, функционирующего в гражданской (индивидуалистическая демократия) либо антигражданской (плебисцитарная демократия) форме, является основанием воссоздания качественной целостности (устойчивости или неустойчивости в сфере выполнения властных функций) государства в той или иной стране, с присущими инклюзивными либо экстрактивными институтами и вариантами системы «власти-собственности» [14,15]. Верно и обратное: качество государства существенно влияет на общественное благополучие в форме укрепления либо, напротив, «разбалансировки» гражданских начал развития социума. Кроме того, качество государства является ключевым детерминантом определения объемов и содержания общественного сектора национальной или региональной экономики, что оказывает самостоятельное, именно факторное влияние на устойчивость социально-экономического и в целом цивилизационного развития определенного сообщества. Следовательно резонно подчеркнуть, что качество общества есть, одновременно, условие и фактор функциональной эффективности государства; равно как и государство может рассматриваться как дискреционный фактор устойчивости либо неустойчивости развития общества и личности.

В-третьих, устойчивое или неустойчивое развитие государства в действительности является в ка-

честве предсказуемых либо турбулентных «правил игры», определяющих целостность, содержание и результативность социальной, экономической и любой другой политики, а также управления социумом, национальной и региональной экономикой. Дискреционная роль государства есть системный фактор, обеспечивающий тип общественного и индивидуального воспроизводства в стране или регионе. Идеологически выверенная, социокультурно обеспеченная, научно обоснованная экономическая политика может рассматриваться как основание устойчивого социально-экономического развития, а также основание общей экономической динамики (в долгосрочной ее перспективе). Отсутствие социокультурных и организационно-управленческих инноваций в деятельности бюрократического аппарата, да еще при нерелевантной общей политэкономической идеологии, закономерно приводит к системным провалам государства и, как интегральный результат, к неопределенности и непредсказуемости перспектив как такового общественного развития [10].

В-четвертых, тип воспроизводства, или общий уклад экономической деятельности (архаичный, традиционный для современного этапа технологического развития или ноосферный, созидательный как «система проекта» для будущего) может быть, одновременно, условием и фактором, предопределяющим устойчивость либо неустойчивость развитие природного потенциала и одноименного капитала. В частности, архаичный тип воспроизводства, характеризующий «экономикой собирательства» (добыча полезных ископаемых, ускоренно разрушающая саму основу жизни на земле), является мощным фактором, одновременно, деструкции и турбулентности для потенциала природы. Напротив, ноосферный тип воспроизводства может обеспечить равновесие природы, производства и человека, предъявляя спрос преимущественно на воспроизводимые элементы природного капитала, а также на релевантную, именно креативно-интеллектуальную форму капитала человеческих знаний и творчески-трудовых компетенций [4,18]. Резонно отметить, что разумное и предсказуемое развитие общей природной базы экономики, задавая рамки «природного разума» для хозяйственной деятельности как таковой, будет все в большей степени являться системным фактором-ограничителем турбулентности при разработке новых форм и видов производств, что и будет заключать в себе потенциал устойчивого развития.

Второе. Системный провал действующей парадигмы устойчивого развития все отчетливее демонстрирует игнорирование требований диалектики «общего и особенного». Страны известной лидирующей группы, прежде всего США и государства Евророзны, по-прежнему и весьма бесперспективно, с точки

зрения «помощи», стремятся навязать странам догоняющего развития свой «матричный шаблон благополучия» без учета реальной геосоциальной, социокультурной и геоэкономической специфики этих стран. Культура каждой страны, ее политэкономическая и институциональная история, воплощенные в социальном характере, ментальных моделях, ценностных смыслах и, наконец, в традициях (как факторах «стандартизации» индивидов и нации в целом), требует весьма корректного и трепетного подхода к любым инновациям, особенно если они касаются существенных модификаций образа и способа духовной, политической и экономической жизни национальных и региональных сообществ. В Таблице 1 показаны некоторые институциональные и иные различия стран лидирующей и догоняющей группы, обусловленные именно индивидуальными (цивилизационными и другими) релевантными особенностями [14,15].

Очевидно, что идеологические, ментальные, ценностно-смысловые, институциональные и многие другие различия стран догоняющего и лидирующего развития не позволяют всерьез надеяться на высокую эффективность универсальных «шаблонов» и «матриц», заключающих в себе некий перечень мероприятий (по примеру системного фактора уничтожения национальной идентичности) в форме пресловутого «вашингтонского консенсуса», обеспечивающих устойчивое развитие в рамках отдельных региональных сообществ.

Третье. Нарастание сложности, приобретенное каждым элементом социума и экономики черт и характеристик открытой, неравновесной и нелинейной системы, а также геокультурное и геоэкономическое «явленческое» многообразие стран и регионов мира, позволяют констатировать, что устойчивое либо неустойчивое развитие всегда есть результат действия некоего интеграла соответствующих условий и факторов. Исходя из философского понимания феноменов «устойчивость» и «развитие», а также учитывая названную имманентность экзогенных условий и эндогенных факторов-детерминантов, определяющих направленность и динамику любого процесса, *устойчивое развитие* резонно трактовать как процесс количественных и качественных изменений системы (субъекта, объекта и др.) в рамках динамического равновесия релевантных условий и факторов. Соответственно, *неустойчивое развитие* понимается как процесс количественных и качественных изменений системы в рамках динамического неравновесия соответствующих условий и факторов. Строго говоря, можно еще выделить *нейтральное развитие* как процесс неизменных количественных и качественных переменных в рамках статического равновесия условий и факторов (нейтральная форма развития в данной статье не рассматривается). Таким образом, множе-

Сравнительный анализ параметров качественной целостности, характеризующих страны догоняющего и лидирующего развития

Параметры	Догоняющее развитие	Лидирующее развитие
Экономическая идеология	Этатизм, «ограниченный» либерализм, неоклассика (идеологическое копирование)	Либерализм, индивидуализм, неоклассика (идеологическое авторство)
Ценностно-смысловой капитал социума	Господствуют ценности этатизма и монетарной плутократии	Господствуют ценности индивидуализма и монетарной плутократии
Экономический менталитет	Этатистский, консервативный, военно-мобилизационный	Индивидуалистический, творчески-новаторский
Качество институционального капитала	Система экстрактивных институтов, выражающих интересы элиты	Система инклюзивных институтов, выражающих интересы личности
Эффективность системы собственности	Низкая эффективность системы собственности; «урезанная» мотивация	Высокая эффективность системы собственности; высокий уровень мотивации
Качества социального капитала	Низкий уровень институционального и общего доверия; сетевая вертикаль	Высокий уровень институционального и общего доверия; сетевая горизонталь
Оценка технологического капитала	Преимущественно используются технологии копирования	Расширенно воссоздаются новейшие технологии и радикальные инновации
Социально-классовая структура общества	Слабый средний и протосредний класс; прекариат; «ловушка бедности»	Высокоразвитый средний и креативный класс; «ловушка средних доходов»
Уровень и качество жизни домохозяйств	Социально-экономическая неустойчивость; невысокий уровень и качество жизни	Социально-экономическая устойчивость; высокий уровень и качество жизни
Качество человеческого капитала	Низкое и среднее качество человеческого капитала, ориентированного на традиционную и архаичную структуру экономики	Высокое качество человеческого капитала, ориентированного на инновационную структуру экономики
Социальная оценка государства	Государство функционирует в интересах правящей элиты (господство клептократии)	Государство функционирует в интересах общества (социальное государство)
Общая оценка социума	Отсутствие гражданского общества; низкий уровень защиты прав и свобод граждан	Наличие гражданского общества; высокий уровень защиты прав и свобод граждан

ство реальных условий и факторов явились «строительными лесами» для восхождения к сущности устойчивого и неустойчивого развития. Теперь резонно осуществить «обратное движение», а именно: от выявленной сущности – к ее модифицированным формам, но уже с учетом выявленной качественной определенности процесса, связанной с динамическим равновесием либо динамическим неравновесием условий и факторов, перечень которых позволяет прорвать «блокаду видимостей» и стать реальным, а не кажущимся явлением.

Второй результат исследования: «сущность является». Именно субстанциальное, а не поверхностное, или функционально-предикативное качество предложенных трактовок устойчивого и неустойчивого развития позволяет обнаружить внешние («сущность является», или «особенное есть бытие общего»), практически существующие формы развития как такового. При этом важно отметить, что качество условий (социокультурные, идеологические и другие элементы), как правило, *определяет ценностно-смысловую направленность* развития, а качество факторов (дискреционные институциональные и ин-

вестиционные решения, принимаемые соответствующими субъектами в режиме реального времени) *определяет скорость, комплементарность, когерентность либо турбулентность* развития в каждом конкретном случае. Качество условий развития и глубина их понимания субъектами дискреционных решений вкупе с самими этими решениями обуславливает разные формы устойчивого и неустойчивого развития, показанные в Таблице 2.

Предложенная «матрица» форм устойчивого и неустойчивого развития стран и регионов вполне может быть использована для интегральной оценки практически любой страны и/или региона мира. Имея в виду системную, но при этом асинхронную деструкцию природного и человеческого капитала, усиливающуюся «архаичную» отраслевую структуру экономики, а также турбулентность в динамике ВВП (сильный спад производства в 2009 и 2015 годах), развитие нашей страны, а также Казахстана, Киргизии, Украины и некоторых других стран может быть квалифицировано как *неустойчивое регрессивное*. Развитие США, многих стран континентальной Европы, а также Китая в целом может быть определено как устойчивое

Интегральные формы устойчивого и неустойчивого развития («сущность является»)

Формы развития	Трактовка формы	Характер взаимодействия условий и факторов
Устойчивое развитие	Количественные и качественные изменения системы в рамках <i>динамического равновесия</i> релевантных условий и факторов	Условия и факторы находятся, одновременно, в состоянии динамического равновесия и изменения
Устойчивое поступательное развитие	Поступательное развитие системы, осуществляемое на основе динамического равновесия условий и факторов <i>в рамках действующей идеологии и традиционных социокультурных ценностей</i>	Поступательно направленное динамическое равновесие условий и факторов развития при их <i>синхронном совершенствовании</i>
Устойчивое прогрессивное развитие	Созидательное развитие системы на основе динамического равновесия условий и факторов <i>в рамках ноосферной идеологии и инновационных социокультурных ценностей гуманизма</i>	Созидательно направленное динамическое равновесие условий и факторов развития при их <i>синхронном совершенствовании</i>
Устойчивое регрессивное развитие	Антипоступательное и антисозидательное развитие системы на основе динамического равновесия дисфункциональных условий и факторов <i>в рамках идеологических и социокультурных «антиценностей»</i>	Деструктивно направленное динамическое равновесие условий и факторов развития при их <i>синхронной деструкции</i>
Неустойчивое развитие	Количественные и качественные изменения системы в рамках <i>динамического неравновесия</i> релевантных условий и факторов	Условия и факторы находятся, одновременно, в состоянии динамического неравновесия и изменения
Неустойчивое поступательное развитие	Турбулентное поступательное развитие системы на основе динамического неравновесия условий и факторов <i>в рамках действующей идеологии и социокультурных ценностей</i>	Условия и факторы развития находятся в динамическом, но поступательном неравновесии при их <i>спонтанном взаимодействии и совершенствовании</i>
Неустойчивое прогрессивное развитие	Турбулентное созидательное развитие системы на основе динамического неравновесия условий и факторов <i>в рамках ноосферной идеологии и социокультурных ценностей гуманизма</i>	Созидательно направленное динамическое неравновесие условий и факторов развития при их <i>синхронном совершенствовании</i>
Неустойчивое регрессивное развитие	Турбулентное антипоступательное и антисозидательное развитие системы на основе динамического неравновесия и асинхронной деструкции условий и факторов <i>в рамках идеологических и социокультурных «антиценностей»</i>	Деструктивно направленное динамическое неравновесие условий и факторов развития при их <i>асинхронной и спонтанной деструкции</i>

поступательное, но не прогрессивное (ноосферное, гуманистически направленное); Скандинавские страны, Финляндия, Швейцария, Новая Зеландия, Ирландия и ряд других стран могут, с некоторой степенью условности, претендовать на статус устойчивого прогрессивного развития и т.д. Турбулентный, по сути, неустойчивый и регрессивный характер развития нашей страны, особенно после кризиса 2008 года, является следствием действия не столько неблагоприятных экзогенных условий, сколько низкой эффективности общего политического курса, направленного на утверждение авторитарного строя при монополизации всех сторон жизни и деятельности общества, включая экономику страны и ее регионов. В Таблице 3 показаны некоторые результаты неустойчивого регрессивного развития России за последние годы.

Очевидно, что в современном российском социуме и экономике четко обозначены следующие тен-

денции: устойчивый долгосрочный спад ВВП, причем в 2009 и 2015 годах этот спад был весьма существенным (в таблице эти данные не показаны); отсутствие роста численности населения (стабильный уровень 144 млн чел. удерживается за счет компенсационного, или миграционного сценария, а не естественного прироста населения, связанного с рождаемостью внутри страны); формирование «коррупционного менталитета» у большинства населения, что едва ли способствует утверждению принципов справедливости, честности и доверия в обществе и экономике; имеет место негативная динамика либо стагнация на уровне ниже медианы большинства индексов, фиксирующих уровень гражданских прав и свобод, защиты прав собственности, свободы прессы, счастья и процветания, глобальной инновационности и многих других, не вошедших в предложенную таблицу (в частности, негативная динамика уровня конечного потребления домохозяйств, критически низкий уровень

Комплексные показатели неустойчивого регрессивного развития современной России [20]

Показатели	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2019
Темпы роста ВВП (в постоянн. ценах, в %)	5,2	4,5	3,7	0,7	-0,2	2,5	1,3
ИПЦ (темп инфляции; в %)	14,1	6,9	5,1	7,8	7,1	2,9	4,5
Численность населения (млн. чел.)	143	143	143	144	144	144	144
Индекс человеческого развития (1-мах)	0,78	0,79	0,80	0,81	0,82	0,82	-
Рейтинг восприятия коррупции (100 – лучший результат)	21,0	21,0	28,0	27,0	29,0	28,0	28,0
Индекс гражданских прав и свобод (60-мах)	-	-	20	19	15	15	15
Индекс свободы прессы (0-полная свобода; 100-нет свободы)	47,5	49,9	66,0	42,8	49,0	49,9	50,3
Уровень защиты прав собственности (10-мах; 0-min)	4,0	4,3	4,5	4,8	4,6	4,8	4,9
Индекс процветания (чем выше - тем лучше)	51,7	52,1	51,9	54,3	54,6	57,8	57,7
Индекс счастья (10-мах)			5,46	5,72	5,96	5,65	5,55
Индекс глобальной инновационности (0-min; 100-мах)	-	-	-	-	38,5	37,9	37,6

финансирования фундаментальной науки и многое другое). Все это позволяет констатировать, что российские домохозяйства, а также экономика и общество в целом находятся на стадии системной деструкции, то есть на стадии турбулентного, неустойчивого регрессивного развития. Изменить вектор и содержание динамики отечественного социума и экономики едва ли возможно в условиях действующей системы ценностей, политэкономических моделей и культивируемой парадигмы системной управленческой безответственности. Здесь критически необходим не только «сдвиг парадигмы», но и воссоздание (с последующей «загрузкой» в политэкономическую систему управления) новых созидательных ценностей, смысловых конструктов и идеологических концептов при последовательном продвижении в сторону реальной, индивидуалистической, а не авторитарной, демократии.

Заключение. Таким образом, как таковое развитие личности, домохозяйств, социума и экономики, как открытых, неравновесных, нелинейных и постоянно усложняющихся систем, объективно предопределяет необходимость наиболее полного выявления и последующего учета растущего множества экзогенных и эндогенных условий и факторов, определяющих направленность, внутреннюю логику, качественную целостность (набор свойств) и качественную

количественность (набор исчисляемых переменных) динамики того или иного объекта (страны, региона, социума, экономики, природного потенциала и др.). При этом важно понимать, что далеко не всегда в дискреционной «власти» человека находится сам перечень условий и факторов, однако эффективность и качество ценностных смыслов, идеологических концептов, политэкономических установок, управленческих алгоритмов и многих других форм дискреционной активности находятся именно в поле человеческих решений и последующих действий. И если прогрессивную форму устойчивого развития домохозяйства, общества, экономики и природы едва удастся обеспечить полностью (понятно, что здесь имеет место идеальная «система проекта»), то предотвратить и/или изменить в позитивном ключе существующие процессы стагнации («новая нормальность» в мире), а также тенденции явного регресса (российское общество и экономика) человеку вполне способен и, более того, просто обязан. Для этого необходимо, как минимум, конкретизировать интегральную целевую функцию устойчивого развития, исходя из реальных императивов современного бытия. Этому и будет посвящена следующая статья, в рамках которой предполагается четко обозначить и, далее, детализировать (в междисциплинарном ракурсе) феномен «достойной жизни».

Список литературы

1. Бобылев С.Н., Зубаревич Н.В., Соловьева С.В. Вызовы кризиса: как измерить устойчивость развития? // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 147-160.
2. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. – 304 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х т. Т. 2. М., «Мысль», 1971. – 248 с.
4. Гимпельсон В.Е., Зудина А.А., Капелюшников Р.И. Некогнитивные компоненты человеческого капитала: что говорят российские данные // Вопросы экономики. 2020. № 11. С. 5-32.
5. Джеймс М. Бьюкенен. Сочинения. – М.: «Таурус Альфа», 1997. – 560 с.
6. Дробышевский С.М., Трунин П.В., Божечкова А.В. Долговременная стагнация в современном мире // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 125-142.
7. Капелюшников Р. Идея «вековой стагнации»: три версии // Вопросы экономики. 2015. № 5. С. 104-134.

8. Клейнер Г.Б. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Часть I // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 107–124.
9. Клейнер Г.Б. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Часть II // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 117–139.
10. Колодко Гж.В. Последствия. Экономика и политика в постпандемическом мире // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 25-45.
11. Краткий философский словарь. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. - 496 с.
12. Любимов И.Л. От универсализма к индивидуализму: новые подходы к решению проблем экономического роста // Вопросы экономики. 2019. № 11. С. 108-126.
13. Любимов Л.И., Оспанова А.Г. Как сделать экономику сложнее? Поиск причин усложнения // Вопросы экономики. 2019. № 2. С. 36-54.
14. Полтерович В.М. К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 5-27.
15. Полтерович В.М. К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. 2018. № 12. С. 77-103.
16. Салихов Б.В. Императивы «сдвига парадигмы» в исследовании устойчивого и неустойчивого регионального развития // Вестник академии права и управления. 2020. № 4. С.
17. Салихова И.С. Структурные инновации в парадигме устойчивого прогрессивного развития // Вестник академии права и управления. 2019. № С.
18. Салихова И.С. Императивы формирования самообучающейся организации в экономике знаний. М.: изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2017. - 160 с.
19. Фридрих А. Хайек. Дорога к рабству. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 317 с.
20. <http://www.gks.ru>.

References

1. Bobylev S.N., Zubarevich N.V., Solovieva S.V. Crisis Challenges: How to measure development sustainability? // Issues of Economy. 2015. No. 1. Pp. 147-160.
2. Wallerstein I. World-systems analysis. Introduction. - M.: URSS: LENAND, 2018. - 304 p.
3. Hegel G.V.F. Science of logic. In 3 volumes. T. 2. M., "Mysl", 1971. - 248 p.
4. Gimpelson V.E., Zudina A.A., Kapelyushnikov R.I. Non-cognitive components of human capital: what Russian data say // Issues of Economy. 2020. No. 11. Pp. 5-32.
5. James M. Buchanan. Compositions. - M.: "Taurus Alpha", 1997. - 560 p.
6. Drobyshevsky S.M., Trunin P.V., Bozhechkova A.V. Long-term stagnation in the modern world // Issues of Economy. 2018.No. 11. Pp. 125-142.
7. Kapelyushnikov R. The idea of "secular stagnation": three versions // Issues of Economy. 2015. No. 5. Pp. 104-134.
8. Kleiner G.B. The stability of the Russian economy in the mirror of systemic economic theory. Part I // Issues of Economy. 2015. No. 12. Pp. 107–124.
9. Kleiner G.B. The stability of the Russian economy in the mirror of systemic economic theory. Part II // Issues of Economy. 2016. No. 1. Pp. 117–139.
10. Kolodko Gzh. B. Consequences. Economy and politics in the post-pandemic world // Issues of Economy. 2020. No. 5. Pp. 25-45.
11. A Brief Philosophical Dictionary. - Moscow: TK Welby, Prospect Publishing House, 2007. - 496 p.
12. Lyubimov I.L. From universalism to individualism: new approaches to solving the problems of economic growth // Issues of Economy. 2019. No. 11. Pp. 108-126.
13. Lyubimov L.I., Ospanova A.G. How to make the economy more complex? Search for the reasons for complication // Issues of Economy. 2019. No. 2. Pp. 36-54.
14. Polterovich V.M. Towards a general theory of socio-economic development. Part 1. Geography, institutions or culture? // Issues of Economy. 2018. No. 11. Pp. 5-27.
15. Polterovich V.M. Towards a general theory of socio-economic development. Part 2. Evolution of coordination mechanisms // Issues of Economy. 2018. No. 12. Pp. 77-103.
16. Salikhov B.V. Imperatives of a "paradigm shift" in the study of sustainable and unsustainable regional development // Bulletin of the academy of law and management. 2020. No. 4. Pp.
17. Salikhova I.S. Structural innovation in the paradigm of sustainable progressive development // Bulletin of the academy of law and management. 2019. No. Pp.
18. Salikhova I.S. Imperatives of the formation of a self-learning organization in the knowledge economy. M.: ed. CHOUVO "MU named after S.Y. Witte", 2017. - 160 p.
19. Friedrich A. Hayek. The road to slavery. - M.: AST: Astrel, 2010. - 317 p.
20. <http://www.gks.ru>.

Сухина Юлия Валериевна,

кандидат наук по государственному управлению, доцент кафедры Государственной, муниципальной службы и менеджмента, РАНХиГС, Липецкий филиал, город Липецк, yuliya-sukhina@mail.ru

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА

Аннотация. Предметом настоящей статьи выступают исследования влияния региональной инвестиционной политики на уровень развития региона, обеспечения сбалансированного развития инвестиционной деятельности региона как основы формирования экономической мощи государства в целом на примере стран, которые являются лидерами в сфере управления инвестиционной деятельностью и управленческого консультирования. Целью настоящей статьи является выявление особенностей и подходов к формированию влияния региональной инвестиционной политики на уровень развития региона; определение основных условий формирования практики применения управленческого консультирования в контексте обеспечения сбалансированного развития инвестиционной деятельности региона. Методология данного исследования включала аналитический, сравнительный, формально-юридический методы. Результатом работы явилось проведение автором анализа особенностей и подходов к формированию влияния региональной инвестиционной политики на уровень развития региона; определение основных условий формирования практики применения управленческого консультирования в вопросах организации и управления инвестиционной деятельностью на уровне региона; предложение автором понятия управленческого консультирования в контексте обеспечения сбалансированного развития инвестиционной деятельности региона; формулирование выводов о последующих направлениях совершенствования и внедрения инструментов управленческого консультирования в контексте обеспечения сбалансированного развития инвестиционной деятельности региона и страны в целом. Область применения результатов исследования включает в себя систему государственного управления. Выводы исследования могут быть применены для совершенствования управленческой, правовой регламентации и практики применения инструментов управленческого консультирования в контексте обеспечения сбалансированного развития инвестиционной деятельности региона.

Ключевые слова: государственное управление, инвестиции, инвестиционная деятельность региона, управленческое консультирование, инвестиционная политика, инвестиционная привлекательность региона, инвестиционная активность региона

Yuliya V. Sukhina,

PhD in Public Administration, Associate Professor of the Department of State, Municipal Service and Management, RANEPА, Lipetsk branch, Lipetsk, yuliya-sukhina@mail.ru

MANAGEMENT CONSULTING IN THE CONTEXT OF ENSURING BALANCED DEVELOPMENT OF INVESTMENT ACTIVITIES IN THE REGION

Abstract. The subject of this article is the study of the influence of regional investment policy on the level of development of the region, ensuring the balanced development of investment activities in the region as the basis for the formation of the economic power of the state as a whole on the example of countries that are leaders in the field of investment management, management consulting. The purpose of this article is to identify the features and approaches to the formation of the influence of regional investment policy on the level of development of the region; determination of the main conditions for the formation of the practice of using management consulting in the context of ensuring the balanced development of investment activities in the region. The methodology of this study included analytical, comparative, formal legal methods. The results of the work are an analysis of the features and approaches to the formation of the influence of regional investment policy on the level of development of the region; determination of the basic conditions for the formation of the practice of using management consulting in the organization and management of investment activities at the regional level; proposing the concept of man-

agement consulting in the context of ensuring the balanced development of investment activities in the region; formulation of conclusions on the subsequent directions of improvement and implementation of management consulting tools in the context of ensuring balanced development of investment activities in the region and the country as a whole. The scope of the research results includes the public administration system. The findings of the study can be applied to improve management, legal regulation and practice of using management consulting tools in the context of ensuring the balanced development of investment activities in the region.

Keywords: public administration, investments, investment activity of the region, management consulting, investment policy, investment attractiveness of the region, investment activity of the region

Удовлетворение растущих потребностей общества невозможно без надлежащего ресурсного обеспечения, а потому использование инвестиций становится обычной практикой и должно основываться на взаимовыгодных условиях. Так, в частности, предприятия получают необходимые средства для расширения или модернизации материально-технической базы; регионы – дополнительные рабочие места и поступления в местные бюджеты; инвесторы – увеличивают реальную стоимость собственного капитала.

Для эффективного развития экономики региона, в том числе путем обеспечения ресурсами, осуществления процессов воспроизводства, требуется приток средств на постоянной основе. Увеличение инвестиций в качественном и количественном их соотношении, формируют представление о проводимой государством политики в отношении инвестиционной составляющей.

Одним из индикаторов уровня развития активности в инвестиционной сфере региона является его инвестиционная деятельность, т.е. чем интенсивнее осуществляются инвестиционные процессы на уровне организаций, реализуются инвестиционные проекты, тем активнее будет уровень инвестиционных потоков – движения инвестиционных ресурсов в определенный промежуток времени в конкретном направлении с целью получения ожидаемого результата.

Также прослеживается зависимость по индикаторам инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности. Более привлекательный для инвесторов регион позволяет масштабировать концентрацию и распределение инвестиционных ресурсов, активизировать внедрение инновационных мощностей в производстве, усилить поток прямых инвестиций. Инвестиционная привлекательность региона определяет уровень инвестиционной активности.

В свою очередь, инвестиционный климат региона – это характеристика инвестиционной деятельности региона, инвестиционных процессов, которые указывают на уровень инвестиционной активности. Можно отметить, что инвестиционная привлекательность региона является основным фактором, влияющим на привлечение инвестиционных ресурсов и на инвестиционный климат. Инвестиционный климат

является производным от инвестиционной привлекательности региона. Он формируется в зависимости от степени привлекательности объекта инвестирования.

Таким образом, анализ научной базы позволил сформировать на региональном уровне модель влияния инвестиционной политики на степень развития региона в целом (см. Рисунок 1).

Обеспечение сбалансированного развития инвестиционной деятельности региона на сегодняшний день становится тем фундаментом, который свидетельствует об уровне экономической силы государства в целом. Страны, рейтинг которых по уровню инвестиционной активности наиболее высокий, концентрируют высокую степень наличия наиболее рентабельных видов бизнеса (доля добавленной стоимости в цене продукции является наиболее значимой). Основой данных процессов является высокотехнологичная структура национального производства, реализация в зарубежных странах промышленно-технологического цикла производства, являющегося достаточно емким в части ресурсной и экологической составляющей. При этом стоит отметить, что лидерами на мировом рынке консалтинговых услуг являются зарубежные компании (Deloitte, PwC, EY, KPMG), штаб-квартиры которых находятся в странах-лидерах (среди которых Великобритания, США, Нидерланды) в обеспечении инвестиционной деятельности (см. Рисунок 2). Это, в свою очередь, приводит к сосредоточению значительных финансовых ресурсов в глобальной экономике.

Важность государственного управления на региональном уровне и эффективной региональной политики подтверждает и опыт Европейского Союза (далее – ЕС), где она (региональная политика) выступает одной из форм государственного управленческого воздействия на общее социально-экономическое развитие и инвестиционную привлекательность стран союза. В данном случае основной структурной единицей политико-административного пространства ЕС выступают еврорегионы. Таким образом, объективной тенденцией является последовательное усиление децентрализации принятия решений на региональный уровень, что, в свою очередь, подкрепляется помощью регионам в виде статьи расходов в общеевропейском бюджете.

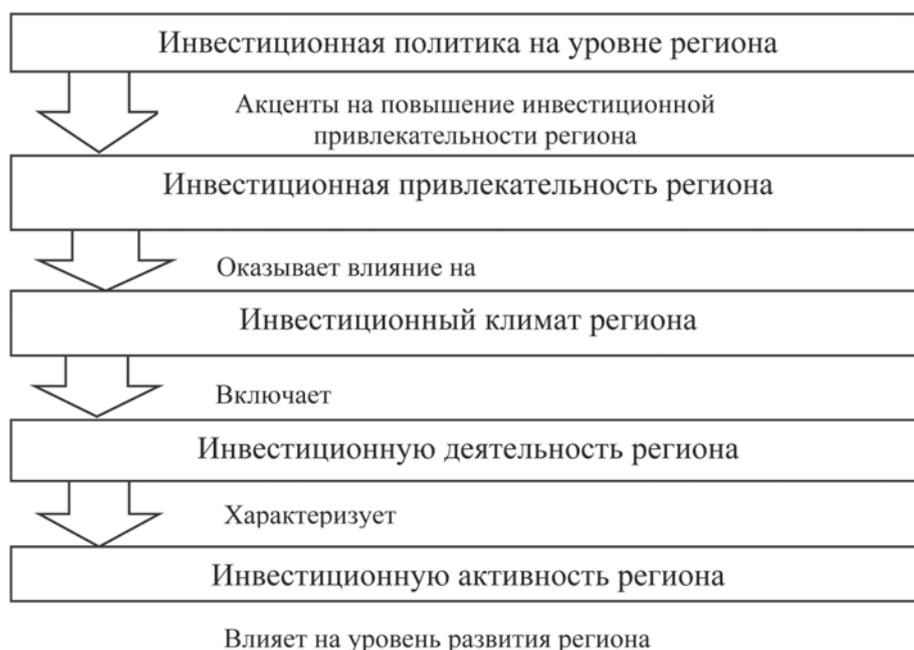

Рисунок 1. Модель взаимосвязи региональной инвестиционной политики и уровня развития региона

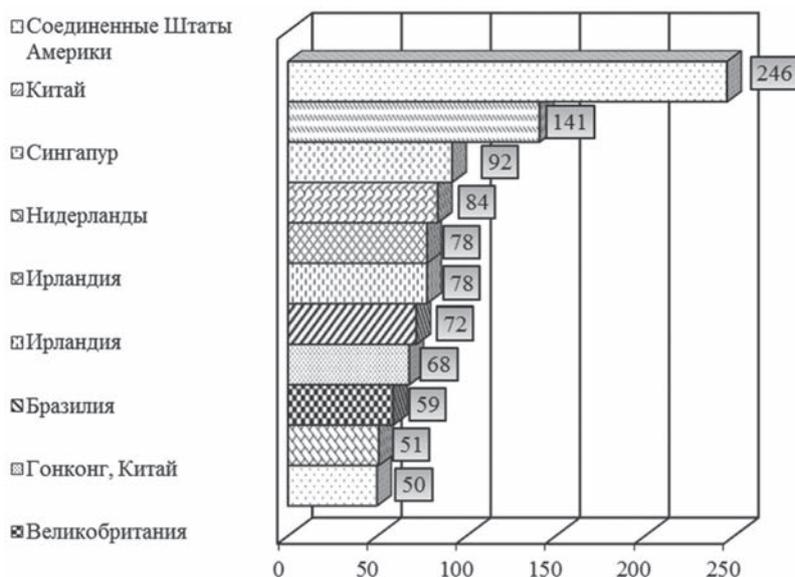

Рисунок 2. Лидеры по поступлениям прямых иностранных инвестиций, млрд долл. [1]

Особенно ярко процесс регионализации проявляется в странах Западной Европы, что подтверждает анализ опыта их успехов в развитии экономики. Его важнейшим этапом стало принятие в Страсбурге 15 октября 1985 года Европейской Хартии о местном самоуправлении, согласно положениям которой регионализация управления страны осуществляется в следующих направлениях:

- верховенство консенсуса между центром и регионами над диктатом преобладания центральных органов власти;

- в принятии решения центральными органами управления обязательный учет интересов регионов, которых непосредственно данные вопросы касаются;

- соблюдение последовательности в реализации государственной региональной политики органами власти;

- увеличение доли самостоятельности регионов при решении проблем на данном уровне;

- формирование процессов эффективной реализации местного самоуправления.

Следующим шагом на пути к созданию конкурентоспособной и инновационно-развитой экономики мира было принятие в 2000 году Лиссабонской стратегии, которая определяет место экономики ЕС в мировом хозяйстве, ее международную специализацию по производству инновационной и высокотех-

нологичной продукции, что также требует значительных инвестиционных вложений.

За пределами Европы также существует немало мощных региональных комплексов: Силиконовая Долина в США, провинция Онтарио в Канаде.

Современный тип экономического развития мирового сообщества пришел к объективной необходимости учета государствами инвестиционного потенциала регионов, который неразрывно связан с его инновационной составляющей. Стоит отметить, что наращивание в государствах, занимающих лидирующие позиции в инновационной сфере (среди которых Сингапур, США, Китай, Швейцария Япония, Германия), объемов инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, происходит благодаря созданию программ инновационного развития на уровне государства.

Также, в качестве оценки результатов от эффективности реализации инвестиционной политики на уровне региона, показатель по инвестициям является одним из ключевых при формировании оценки эффективности власти. В настоящее время система их оценки постоянно совершенствуется. В выстраивании рейтингов регионов преодолевается формальный подход, в том числе к оценке уровня развития инвестиционной составляющей. На сегодняшний день она осуществляется с применением методик расчетов по 20-ти показателям, утвержденным Указом Президента РФ от 4 февраля 2021 года № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [2]:

- доверие к власти;
- уровень образования;
- численность населения;
- спортивная активность населения;
- уровень бедности;
- добровольческая (волонтерская) активность населения;
- продолжительность жизни населения;
- качество окружающей среды;
- условия для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности;
- развитие способностей и талантов у детей и молодежи;
- семьи, улучшившие условия жилья;
- доля дорожной сети, соответствующая нормативным требованиям;
- рост оплаты труда;
- рост жилищного строительства;
- благоприятная среда городов;
- численность работников малого и среднего бизнеса;

- посещения культурных мероприятий;
- рост физического объема инвестиций;
- уровень цифровизации;
- рост реальных доходов населения.

Следует отметить, что на наращивание объемов инвестиционных поступлений и результатов их применения влияет уровень эффективности государственного управления за счет активного влияния на условия инвестиционной деятельности и факторы ее развития.

Управление инвестиционной деятельностью невозможно без понимания ее сущности, соответственно анализ различных научных подходов показывает, что данная категория рассматривается как:

- совокупность финансовых, организационных, экономических, предпринимательских мер, применяемых участниками инвестиционного проекта в целях привлечения необходимых ресурсов для достижения поставленных целей;
- деятельность по разработке и внедрению сбалансированной инвестиционной программы;
- эффективная деятельность по внедрению в проекты ресурсов и обеспечение результатов;
- осуществление активных действий по вложению материальных ресурсов в целях получения прибыли и (или) достижения требуемого эффекта (например, социального);
- совокупность практических действий по реализации инвестиций;
- процесс трансформации инвестиционных ресурсов во вложения.

Кроме вышеизложенного эффект от реализации инвестиционной деятельности должен встраиваться в общий механизм развития экономики страны в целом и ее регионов. В результате, для осуществления управления инвестиционной деятельностью, государство формирует инвестиционную политику, определяющую векторы и цели развития инвестиционной деятельности.

Специфика инвестиционных процессов на уровне региона заключается в том, что они формируют сложную систему с множеством составляющих. Среди базовых критериев следует назвать: структуру инвестиций и их объем, объекты вложения, приоритетные сферы вложений. К параметрам, характеризующим результаты, следует отнести: внедрение инноваций в производство, цифровизация региона, прирост объемов производства, повышение конкурентоспособности отечественной продукции, в том числе на международных рынках и др. Следовательно, создание условий в регионе в части формирования эффективной инвестиционной деятельности, оказывает прямое влияние на результативность использования инвестиционных ресурсов, а также на общий объем их привлечения.

Потребность в обеспечении сбалансированного развития инвестиционной деятельности на уровне региона в современных условиях усиливается следующими факторами: значительными темпами изменений внешней среды, оказывающей влияние как на уровне отдельных организаций, так и на уровне регионов и страны в целом; возможным неактивным участием организаций в реализации инвестиционной деятельности в связи с недостатком информированности, низким уровнем квалификации в вопросах результативности управления инвестициями. Решение данной проблемы в части устранения несогласованности между настоящим и желаемым уровнем развития инвестиционной составляющей экономики региона видится в применении управленческого консультирования в обеспечении сбалансированного развития инвестиционной деятельности на уровне региона.

Управленческий консалтинг позволяет повышать эффективность стратегического и оперативного управления, решать вопросы в управлении персоналом, строить эффективную систему управления организаций. При этом понятие инвестиционного консалтинга включает вопросы инвестиционных процессов, эффективность от их реализации, результативность бизнеса.

Федеральным законом от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» в статье 6.1 определено понятие деятельности по инвестиционному консультированию как «оказание консультационных услуг в отношении ценных бумаг, сделок с ними и (или) заключения договоров, являющихся производными финансовыми инструментами, путем предоставления индивидуальных инвестиционных рекомендаций» [3]. Однако данное понятие ограничивается сферой ценных бумаг, сделок с ними и заключением договоров, являющихся производными финансовыми инструментами. При этом применение понятия управленческого консультирования в контексте обеспечения сбалансированного развития инвестиционной деятельности региона подразумевает более широкий пул инвестиционных и управленческих инструментов. В этой связи, целью внутреннего инвестиционного аудита является оценка достоверности и обоснованности расходов, управление инвестиционными рисками и оценка эффективности осуществления инвестиций, использования полученных результатов для управления инвестиционной деятельностью и инвестиционной привлекательностью предприятия [4].

Таким образом, понятие управленческого консультирования в контексте обеспечения сбалансированного развития инвестиционной деятельности региона, можно сформулировать как направление управленческого консалтинга, представляющего собой механизм развития инвестиционной составляющей региона (в том числе включающей организации

региона, реализующие инвестиционную деятельность), результатами реализации которой является эффективное управление инвестиционными рисками, результативность вложений, применение полученных результатов для эффективной организации и управления инвестиционной деятельностью с целью формирования инвестиционной привлекательности региона.

Практика применения инвестиционных консалтинговых услуг, оказываемых отечественными организациями, показывает их ограниченность в сфере ведения бухгалтерского учета, юридического обслуживания, услуг в сфере налогообложения и т.д. Сложившаяся ситуация объясняется факторами формирования спроса на консалтинг ограниченностью профессионализма консультантов теоретическими знаниями в области управления инвестициями, узкими практическими навыками применения консультантами своих знаний, опорой на зарубежный опыт управленческого и инвестиционного консультирования.

Предприятия-лидеры в осуществлении инвестиционной деятельности предпочитают зарубежных экспертов. Их опыт более значителен по сравнению с небольшими отечественными организациями. Зарубежные лидеры (среди которых Deloitte, PwC, EY, KPMG) в сфере предоставления консалтинговых услуг формируют сеть собственных филиалов, значительные структуры внутри компании, что позволяет им успешно лидировать в конкурентной борьбе, в том числе и на российском рынке консалтинговых услуг.

В отношении малого и среднего бизнеса как потенциала развития экономики и составляющей рынка потребления консультационных услуг, ситуация иная. Для них услуги консультационного характера, зачастую, являются недоступными по ряду следующих причин: ограниченные финансовые ресурсы, недостаточный уровень квалификации экспертов с более низким уровнем оплаты консультационных услуг, территориальная удаленность, сдерживающая возможности получения консультаций и иные причины.

Опыт консультирования малых предприятий в России показывает, что руководители обращаются к консультантам в сфере управления и инвестиций чаще в периоды кризиса, в том числе тогда, когда опыт консультантов уже не является актуальным и способным помочь организации.

Таким образом, необходимым является развитие практики применения управленческого консультирования на предприятиях региона, что позволит, в свою очередь, обеспечить сбалансированное развитие инвестиционной деятельности региона в целом. Среди основных факторов, оказывающих воздействие на перспективы обеспечения сбалансированного развития инвестиционной деятельности региона можно отметить:

- географическое расположение (размеры региона, плотность размещения населения, близость к транспортным коридорам и крупным рынкам сбыта);
- природные ресурсы (наличие в регионе и возможности разработки месторождений);
- уровень развития цифровизации региона;
- трудовые ресурсы и уровень их квалификации;
- производственная инфраструктура региона;
- инновационная активность организаций региона;
- развитость телекоммуникаций и транспортных коммуникаций;
- потребительский потенциал;
- доля организаций региона, являющихся потребителями консультационных услуг.

Таким образом, проведенный анализ позволил определить основные условия формирования практики применения управленческого консультирования в контексте обеспечения сбалансированного развития инвестиционной деятельности региона:

- развитие цифровизации региона;
- внедрение трансформационных изменений в регионе за счет инвестиционной составляющей;
- формирование инновационной цифровой инфраструктуры региона;
- развитие трудового потенциала с учетом современных цифровых тенденций;

- разработка механизмов по стимулированию инновационной активности организаций региона;
- формирование цифрового потребительского потенциала в регионе;
- разработка правовых механизмов гарантий и защиты инвестиций, в том числе через цифровые инструменты;
- формирование нормативно-правой базы, в том числе с учетом инновационных цифровых изменений и прозрачности оказания консалтинговых услуг организациям региона.

Предложенный подход заключается в выстраивании системы управленческого консультирования в контексте обеспечения сбалансированного развития инвестиционной деятельности региона.

Результатом реализации данного подхода является повышение уровня инвестиционной привлекательности регионов, сбалансированного развития инвестиционной деятельности регионов и страны в целом.

Дальнейшие исследования предполагают трансформацию системы государственного управления с акцентом на внедрение практики применения управленческого консультирования в контексте обеспечения сбалансированного развития инвестиционной деятельности региона, для достижения стратегических целей государства, которые, в свою очередь, проецируются на уровень регионов и муниципальных образований.

Список литературы

1. Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию ЮНКТАД «Доклад о мировых инвестициях 2020 Международное производство после пандемии. Основные тезисы и обзор.» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2020_overview_ru.pdf (дата обращения: 10.03.2021).
2. Указ Президента Российской Федерации от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства РФ. Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/132641/> (дата обращения: 11.03.2021).
3. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства РФ. Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/96122/> (дата обращения: 12.03.2021).
4. Салова Л.В. Развитие методов управления инвестиционной деятельностью сельскохозяйственного предприятия на основе методов инвестиционного аудита и внутрихозяйственного контроля. Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 1(22). 227–232.

References

1. Konferentsiya Organizatsii Ob»yedinennykh Natsiy po trgovle i razvitiyu YUNKTAD «Doklad o mirovykh investitsiyakh 2020 Mezhdunarodnoye proizvodstvo posle pandemii. Osnovnyye tezisy i obzor.» [Elektronnyy resurs] // Ofitsial'nyy sayt Organizatsii Ob»yedinennykh Natsiy. Rezhim dostupa: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2020_overview_ru.pdf (data obrashcheniya: 10.03.2021).
2. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 04.02.2021 № 68 «Ob otsenke effektivnosti deyatel'nosti vysshikh dolzhnostnykh lits (rukovoditeley vysshikh ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti) sub»yektov Rossiyskoy Federatsii i deyatel'nosti organov ispolnitel'noy vlasti sub»yektov Rossiyskoy Federatsii» [Elektronnyy resurs] // Ofitsial'nyy sayt Pravitel'stva RF. Rezhim dostupa: <http://government.ru/docs/all/132641/> (data obrashcheniya: 11.03.2021).
3. Federal'nyy zakon ot 22.04.1996 № 39-FZ «O rynke tsennykh bumag» [Elektronnyy resurs] // Ofitsial'nyy sayt Pravitel'stva RF. Rezhim dostupa: <http://government.ru/docs/all/96122/> (data obrashcheniya: 12.03.2021).

4. *Salova L.V.* Razvitiye metodov upravleniya investitsionnoy deyatel'nost'yu sel'skokhozyaystvennogo predpriyatiya na osnove metodov investitsionnogo audita i vnutrikhozyaystvennogo kontrolya. Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye. 2018. T. 7. № 1(22). 227–232.

Трофимова Наталья Николаевна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента наукоёмких производств,
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург,
Tnn04@mail.ru

ПОТЕНЦИАЛ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ НА БАЗЕ МООК В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ И ПЕРЕОБУЧЕНИЯ РАБОТНИКОВ ПРЕДПРИЯТИЙ

Аннотация. Весной 2020 года всеобщее дистанционное обучение стало одной из новаций, которую привнесла в систему высшего образования пандемия COVID-19. Образовательные учреждения по всему миру были вынуждены экстренно переводить свои программы в цифровой формат. Как показала практика, использование дистанционного обучения в цифровом формате достаточно актуально в условиях нестабильной внешней среды и имеет определенные перспективы в области профессиональной подготовки специалистов в российских вузах. В современных экономических условиях, связанных с кризисом, вызванным мировой пандемией COVID-19, повышение квалификации и переобучение работников предприятий на базе платформ бесплатного дистанционного обучения МООК стало одной из новаций. Как показала практика, использование дистанционного обучения в цифровом формате на базе платформ МООК достаточно актуально в условиях сложившейся нестабильной внешней среды и, несмотря на ряд недостатков, имеет определенный потенциал для повышения квалификации и переобучения работников предприятий. В статье показано, что, используя обучение в виртуальной реальности, можно создать корпоративные обучающие программы, которые будут более эффективными, чем традиционные методы. Применение авторского подхода, основанного на методах научного обобщения и сравнительного анализа, позволило установить, что обучение сотрудников – это один из самых популярных и эффективных способов использования виртуальной реальности в бизнесе. Практическая значимость проделанной работы заключается в том, что она может послужить основой для дальнейших научных изысканий в области применения современных корпоративных продуктов виртуальной реальности для обучения работников предприятий на основе зарубежного опыта. **Ключевые слова:** повышение квалификации, переобучение, дистанционное обучение, МООК, профессиональная подготовка, образовательная платформа, высококвалифицированные специалисты

Natalia N. Trofimova,

PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management
of High-Tech Industries, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg,
Tnn04@mail.ru

THE POTENTIAL OF DISTANCE LEARNING ON THE BASIS OF MOOC IN ORDER TO IMPROVE THE SKILLS AND RETRAINING OF EMPLOYEES OF THE ENTERPRISES

Abstract. In the spring of 2020, universal distance learning was one of the innovations that the COVID-19 pandemic brought to the higher education system. Educational institutions around the world were forced to urgently digitize their programs. As practice has shown, the use of digital distance learning is quite relevant in an unstable external environment and has certain prospects in the field of professional training of specialists in Russian universities. In the current economics conditions associated with the crisis caused by the global pandemic COVID-19, training and retraining of enterprise employees on the basis of free distance learning MOOC platforms has become one of the innovations. As practice has shown, the use of distance learning in digital format based on MOOC platforms is quite relevant in the current unstable external environment and, despite a number of shortcomings, has a certain potential for advanced training and retraining of employees of enterprises. It is shown that using virtual reality training, it is possible to create corporate training that will be more effective than traditional methods. The use of the author's approach, based on the methods of scientific generalization and comparative analysis, made it possible to establish that employee training is one of the most popular and effective ways of using virtual reality in business. The

practical significance of the work done lies in the fact that it can serve as the basis for further scientific research in the field of using modern corporate virtual reality products for training employees of enterprises based on foreign experience.

Keywords: professional development, retraining, distance learning, MOOC, professional training, educational platform, highly qualified specialists

Век цифровых технологий и знаний происходят значительные изменения, связанные с новыми научными открытиями, информатизацией, глобализацией и развитием искусственного интеллекта. Все это приводит к глобальным изменениям в процессе подготовки высококвалифицированных специалистов путем использования инновационных методов обучения.

На макроуровне происходят децентрализация и диверсификация, интернационализация образования и внедрение цифровых технологий. На микроуровне активно сочетаются традиционные и инновационные методы, деятельностный подход и энергоинформационная среда, происходит внедрение цифровых технологий.

Большинство предприятий, и особенно крупные корпорации, сталкиваются с очень серьезными проблемами HR-менеджмента. Некоторые причины кроются в слабых или плохих навыках управления персоналом в сочетании с плохими лидерскими качествами со стороны руководителей предприятий, поскольку они сосредоточены в первую очередь на краткосрочных количественных результатах, которые не учитывают проблемы HR-менеджмента и ставят под угрозу эффективность функционирования компании уже в среднесрочной перспективе [1].

Нынешняя предполагаемая «панацея» от большинства проблем управления, сфокусированная на цифровизации и искусственном интеллекте, не только часто ухудшает положение в области управления персоналом и эффективного руководства, но также не способствует достижению устойчивых результатов деятельности предприятий.

При этом XXI век внес существенные изменения в методы подготовки высококвалифицированных специалистов для разных отраслей промышленности. Наиболее заметным явлением сейчас является интернетизация общества и проникновение цифровых технологий в обучение. Цифровые технологии изменяют не только образ жизни всех людей, но и способы коммуникаций, образ мышления, каналы влияния, социальное поведение и профессиональные навыки [2].

В последние годы (и особенно в период пандемии COVID-19) стали активно развиваться массовые открытые онлайн-курсы (далее – MOOC).

MOOC – это новый тип электронного обучения, который состоит из коротких видеолекций, компьютерных тестов и дискуссионных форумов в Интере-

те. Они предлагают людям возможность пройти различные курсы в зависимости от потребностей обучающегося, возникающих по разным причинам, включая личные интересы и профессиональное развитие.

Такие обучающие системы позиционируются как гибрид предыдущих попыток использования возможностей дистанционного обучения в Интернете, таких как открытые учебные программы и открытые образовательные ресурсы. При этом обучение на платформах MOOC бесплатное, а оплата требуется только при желании пройти сертификацию.

Миллионы людей во всем мире используют MOOC для обучения по разным причинам, в том числе:

- развитие карьеры;
- смена профессии;
- дополнительное обучение;
- непрерывное обучение;
- повышение квалификации;
- корпоративное электронное обучение и многое другое.

MOOC обеспечивает масштабное повышение квалификации работающих специалистов в результате улучшенного доступа к высококачественным онлайн-курсам. Массовые открытые онлайн-курсы относятся к разделу дистанционного обучения. Они эволюционировали из классической образовательной среды под влиянием движения за бесплатное использование учебных ресурсов (движение открытых образовательных ресурсов) [3]. Более того, MOOC в организации являются основным элементом передачи знаний и образовательных коммуникаций.

Основная идея такого типа обучения заключается в том, что онлайн-курс имеет неограниченное число участников и бесплатный доступ для участия через Интернет. MOOC в дополнение к бесплатному использованию всех традиционных форм преподавания учебных курсов, также используют другие методы, такие как:

- интерактивные блоги;
- сайты и все формы общения через Интернет;
- мобильную телефонию.

Фактически, целью любой платформы открытых онлайн-курсов является массовая передача и распространение определенных знаний большим группам людей путем сетевого взаимодействия.

Исторически первый MOOC был активирован в 2008 году Дж. Сименсом и С. Даунсом, которые провели занятия для двадцати пяти студентов в Манитоб-

ском университете (The University of Manitoba, общественный научно-исследовательский университет, расположенный в городе Виннипег, Канада) и открыли онлайн-курс, который посетили 2200 участников [4].

Тема курса заключалась в том, чтобы объединить людей, их общие и специализированные знания посредством совместной работы в сети. Обмен информацией происходил через блоги и через организованные обсуждения на платформах Moodle и Second Life. Сам поток информации в сети можно было отслеживать с помощью запросов RSS (Rich Site Summary, обширная сводка сайта) [5].

В MOOK первого поколения используется децентрализованный подход, ориентированный на учащегося. Второе поколение характеризуется принципом преподавания и обучения, ориентированного на учителя. Гибридные системы третьего поколения используют более прагматичный подход, объединяя два предыдущих подхода, варьируя возможности обучения и охватывая более широкую аудиторию.

После появления первых онлайн-курсов последовало стремительное развитие этого вида обучения:

1. Некоммерческие MOOK основаны на свободном обмене знаниями и активном участии всех заинтересованных сторон в развитии знаний в определенных областях. Их основные характеристики заключаются в том, что обменный курс может быть инициирован любым человеком, и здесь нет модератора, а все активные участники обмена информацией в определенных областях увеличивают и углубляют свои знания [6].

Следует отметить, что при таком обучении допустимо неограниченное количество участников, а также все формы литературы и материалов в курсе можно использовать бесплатно. Из-за доступности материала в сети и огромного количества очень сложной информации для фильтрации всех данных, большое количество участников пользуется преимуществами такой платформы.

2. С 2012 года появляется первый платный курс. В наши дни организаторами платных курсов являются университеты и престижные компании, а не коммерческие группы и отдельные лица. Характеристики этих систем отличаются от классической (бесплатной) платформы. Прежде всего, они основаны на методах передачи знаний в дистанционном образовании. В отличие от некоммерческих MOOK работу в таких курсах регулируют модераторы (обычно это один модератор или их группа).

Менеджеры и тренеры при использовании платных курсов имеют гораздо больший контроль над реализацией MOOK и выполнением задач в нем. Участники практически не имеют доступа к созданию материалов на таких курсах. Количество обуча-

ющихся не ограничено, но доступ к материалам курса имеют только те, кто зарегистрировался в качестве участников. Если обучающийся хочет получить свидетельство об окончании курса, он должен за него заплатить, и зачастую это немалая сумма.

Ранние MOOK часто подчеркивали функции открытого доступа, такие как открытое лицензирование контента, структура и цели обучения, чтобы способствовать повторному использованию и смешиванию ресурсов. Некоторые более поздние платформы второго типа используют закрытые лицензии для материалов своих курсов, сохраняя при этом свободный доступ для зарегистрированных пользователей.

Подобные платформы для своих курсов разработало большое количество престижных университетов. Частично это было сделано для расширения знаний, а частично – для того, чтобы заинтересовать потенциальных студентов этих университетов [7]. Также такие платформы предоставляют возможности для коммуникации с людьми из разных сфер деятельности и развитию знаний в самых разных областях.

3. Кроме вышеописанных, также сегодня существуют открытые онлайн-курсы, которые не относятся к формальному аспекту образования, независимо от того, для чего они создавались различными образовательными учреждениями или фирмами, имеющими доступ к специализированному обучению. Подобные онлайн курсы могут быть определены как неформальная форма обучения [8]. Даже если большинство участников по результатам прохождения MOOK не имеют права на получение сертификата, уровень знаний после окончания таких неформальных MOOK определенно повышается.

Позитивным направлением развития таких неформальных курсов является, прежде всего, информирование и обучение людей. Кроме того, с их помощью можно повысить квалификацию работающего населения.

При этом стоит учесть, что учебные мероприятия на таких платформах должны быть разнообразными, чтобы удовлетворять потребности и мотивировать обучающихся к успешному окончанию курсов.

Самым простым решением проблемы низких показателей завершения MOOK является мотивация обучающихся участвовать во всех учебных мероприятиях.

В этом случае будет полезно использовать схему, состоящую из ряда последовательных этапов:

- осведомленность о MOOK;
- регистрация в MOOK;
- активное обучение;
- прогресс получения знаний;
- завершение обучения в MOOK.

Несмотря на широкое распространение, качество обучения и бизнес-модель подобные обучающие системы все еще незаслуженно вызывают сомнения у

специалистов и недостаточно широко используется в HR-менеджменте (например, при переподготовке или повышении квалификации кадров).

Основные опасения по поводу таких обучающих систем заключаются в следующем:

- отсутствие серьезной педагогической базы;
- деперсонализация образования;
- корпоративное влияние на процесс обучения;
- игнорирование результатов исследований дистанционного образования.

В частности, очень серьезными считаются вопросы качества учебного процесса, включая мотивацию и поддержку обучающихся, что является основной причиной низкой степени завершения курсов в формате MOOK [9].

На наш взгляд здесь также стоит отметить следующую проблематику:

- курсы требуют слишком много дополнительного времени;
- предполагают изначально значительный объем знаний у учащегося;
- являются относительно базовым форматом и не всегда соответствуют уровню ведущих университетов.

Тем не менее, очевидны и преимущества для профессиональной подготовки и повышения квалификации специалистов. Так как MOOK предоставляют бесплатное образование, неограниченное участие и открытый доступ для всех желающих, то есть они нацелены на демократизацию образования.

Так, зарегистрированные пользователи получают бесплатную возможность прослушивать онлайн лекции известных профессоров ведущих университетов. Сторонники таких обучающих систем рассматривают их как средство демократизации доступа к образованию [10]. При этом снижаются затраты предприятия на обучение сотрудников и повышается его эффективность с экономической точки зрения.

Можно выделить шесть преимуществ использования открытых онлайн-курсов на предприятиях:

- экономическая рентабельность;
- низкая стоимость;
- снижение дискомфорта (обучаться можно в любое время и в любых комфортных для участника условиях);
- социальный престиж;
- экономия времени и усилий.

Отсутствие затрат считается основной причиной регистрации обучающихся на MOOK.

Основными мотивами использования персоналом предприятий MOOK являются:

- повышение квалификации и переобучение;
- изменение сферы деятельности;
- карьерный рост и получение новой должности;
- улучшение результатов работы (в т.ч. повышение производительности труда);

- улучшение перспектив трудоустройства;
- получение новых знаний.

Для выявления основных факторов, которые влияют на внедрение подобных платформ на предприятии, будут полезным проведение исследований характеристик обучающегося и оценки приверженности личной и профессиональной цели [11].

Кроме этого, на намерение использовать онлайн-платформы на предприятии, по нашему мнению, в значительной степени могут влиять репутация, открытость и полезность обучающей платформы, а также восприятие и удовлетворенность ее пользователей.

При этом стоит отметить, что даже высокие технологии не могут гарантировать качество и успех использования MOOK на предприятии. Это связано с тем, что это все-таки бесплатные курсы и поэтому они далеки от уровня обучения в аккредитованном университете.

Сегодня еще нельзя полностью подтвердить, что программы на основе MOOK демократизируют образование, поскольку традиционные учебные заведения не готовы полностью уступить свое первенство [1]. Однако в современных условиях, связанных с мировой пандемией, традиционные образовательные учреждения все чаще выступают инициаторами учебных программ на такой основе.

Здесь стоит отметить, что эти платформы могут иметь не только положительные стороны, включая автономию, разнообразие, открытость, взаимосвязанность и интерактивность через онлайн-курсы, но также и отрицательные аспекты, такие, как ограничение потенциала обучения, вызванное отсутствием необходимой полноценной поддержки и модерации.

Высокие показатели невыполнения программ связаны с вопросами качества, устойчивости и самой педагогики, поскольку повышение качества обучения учащихся и является одним из приоритетов основных провайдеров в большинстве курсов. В настоящее время отсутствует сложная архитектура обучения, которая эффективно адаптируется под индивидуальные потребности каждого учащегося, что особенно важно с учетом специфики профессиональной деятельности и сферы деятельности предприятия, на котором работает обучаемый специалист.

Подводя итоги, можно сказать, что, обучение в формате MOOK является реальностью современного мира и глобальной экономики. Сейчас это жизненно важный инструмент для достижения четвертой цели «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», в которой возможности дистанционного образования рассматриваются как одна из важнейших составляющих устойчивого будущего [12]. Институт Организации Объединенных Наций продвигает электронное обучение в формате MOOK несмотря на ряд его недостатков.

Открытые онлайн-курсы обладают огромным потенциалом для предоставления бесплатного образования и повышения квалификации специалистов предприятий различного профиля. Будет ли конкретная учебная среда (конкретный курс или платформа) успешной, во многом зависит от того, смогут ли сами обучающиеся вовремя освоить необходимые им знания.

МООК – важный инструмент для многих передовых профессий. Сегодня во многих отраслях потребность в новых знаниях становится острой, что обусловлено нехваткой квалифицированного кадрового резерва. Новой парадигмой для работодателей, испытывающих трудности с заполнением открытых вакансий, является переход к найму на основе навыков сотрудников, а не на основе учетных данных прошлых мест работы.

В целом такие платформы могут эффективно применяться для повышения квалификации или переобучения работников предприятий, если они будут и далее предоставлять возможность бесплатного обучения, а также будут стремиться руководствоваться педагогическими, а не технологическими принципами преподавания.

Развитие персонала помогает предприятиям развивать инновации для расширения и укрепления бизнеса. В условиях высокой рыночной конкуренции именно эта возможность предоставляется новым поколением дистанционного обучения – массовыми открытыми онлайн-курсами, которые дают возможность обновлять имеющиеся знания и приобретать новые, развивать ключевые компетенции, изучать практику лидеров мирового уровня, что позволит более эффективно решать стоящие перед предприятиями бизнес-задачи в условиях постоянного обновления технологий.

Список литературы

1. Трофимова Н.Н. Перспективы профессиональной подготовки высококвалифицированных специалистов на основе дистанционного обучения в цифровом формате // Инновации в образовании. 2020. № 6. С. 136-146.
2. Трофимова Н.Н. Инновационные способы иммерсивного обучения работников предприятий с использованием технологий виртуальной реальности зарубежный опыт // Актуальные проблемы экономики и управления. 2020. № 4 (28). С. 143-147.
3. Бабаева М.А., Смык А.Ф. Заочное обучение: исторический путь к МООК / М.А. Бабаева, А.Ф. Смык // Высшее образование в России. 2018. №4. С. 156-166.
4. Янг Ш. От «подрыва» к инновациям: о будущем МООК / Ш. Янг // Вопросы образования. 2018. №4. С. 21-43.
5. Дочкин С.А. Особенности реализации открытых онлайн-курсов в дополнительном профессиональном образовании / С.А. Дочкин // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. №3 (3). С. 4-8.
6. Рощина Я.М., Рощин С.Ю., Рудаков В.Н. Спрос на массовые открытые онлайн-курсы (МООС) опыт российского образования / Я.М. Рощина, С.Ю. Рощин, В. Н. Рудаков // Вопросы образования. 2018. №1. С. 174-199.
7. Софронова А.К., Миронов Э.Ю. Применение онлайн-курсов в дополнительном профессиональном образовании / А.К.Софронова, Э.Ю.Миронов // Педагогика. Психология. Философия. 2018. №4 (12). С. 71-76.
8. Убаева В.В. Информационные технологии в образовании: массовые открытые онлайн-курсы / В.В. Убаева // Вестник науки и образования. 2018. №4 (40). С. 105-108.
9. Кузина Ю.Д., Лысенко А.Н. Цифровые технологии в образовании: Материалы X Всероссийского молодежного научного форума, посвященного 90-летию БГИТУ «Актуальные аспекты экономики и управления в условиях цифровизации». Брянск, 2019.
10. Чекалина Т.А., Тумандеева Т.В., Максименко Н.В. Основные направления и перспективы развития онлайн-обучения / Т.А. Чекалина, Т.В. Тумандеева, Н.В. Максименко // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2018. №3 (31). С. 44-52.
11. Родина Т.Е. Технологии информатизации образования: Сборник ма Родина Т.Е. Технологии информатизации образования: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции «Информационные технологии в образовании и аграрном производстве». Брянск, 2020.
12. <https://unyearbook.un.org/> Ежегодник ООН, дата обращения: 17.03.2021

References

1. Trofimova N. N. Prospects of professional training of highly qualified specialists on the basis of distance learning in digital format // Innovations in education. 2020. No. 6. pp. 136-146.
2. Trofimova N. N. Innovative ways of immersive training of employees of enterprises using virtual reality technologies foreign experience // Actual problems of economicss and management. 2020. No. 4 (28). pp. 143-147.
3. Babaeva M. A., Smyk A. F. Distance learning: the historical path to the MOOC / M. A. Babaeva, A. F. Smyk // Higher education in Russia. 2018 2018. no. 4. pp. 156-166.
4. Yang Sh. From "Subversion" to Innovation: on the Future of MOOCs. Yang // Voprosy obrazovaniya. 2018 2018. №4. pp. 21-43.
5. Dochkin S. A. Features of the implementation of open online courses in additional professional education / S. A. Dochkin // Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2017. №3 (3). pp. 4-8.

6. *Roshchina Ya.M., Roshchin S.Yu., Rudakov V.N.* Demand for mass open online courses (MOOC) experience of Russian education / Ya. M. Roshchina, S. Yu. Roshchin, V. N. Rudakov // *Voprosy obrazovaniya*.
7. *Sofronova A.K., Mironov E.Yu.* Application of online courses in additional professional education / A. K. Sofronova, E. Yu. Mironov // *Pedagogika. Psychology. Philosophy*. 2018. №4 (12). pp. 71-76.
8. *Ubaeva V.V.* Information technologies in education: mass open online courses / V. V. Ubaeva // *Bulletin of Science and Education*. 2018. №4 (40). pp. 105-108.
9. *Kuzina Yu.D., Lysenko A.N.* Digital technologies in education: Materials of the X All-Russian Youth Scientific Forum dedicated to the 90th anniversary of BGITU "Actual aspects of economicss and management in the conditions of digitalization". Bryansk, 2019.
10. *Chekalina T.A., Tumandeeva T.V., Maksimenko N.V.* Main directions and prospects for the development of online learning / T. A. Chekalina, T. V. Tumandeeva., N. V. Maksimenko // *Professional education in Russia and abroad*. 2018. №3 (31). pp. 44-52.
11. *Rodina T.E.* Technologies of informatization of education: Collection of ma Rodina T. E. Technologies of informatization of education: Collection of materials of the III International scientific and practical conference "Information technologies in education and agricultural production". Bryansk, 2020.
12. [https:// unyearbook UN.un.org / Yearbook](https://unyearbook.un.org/), date accessed: 17.03.2021

Груднов Дмитрий Владимирович,

магистрант Института Экономики и менеджмента, Национальный исследовательский
Томский государственный университет, город Томск,
grudnov.dmika@gmail.com

ВЛИЯНИЕ COVID-19 НА ЭКОНОМИКУ. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. В статье говорится о проблемах и вызовах, появившихся вместе с пандемией COVID-19. Дается оценка их влияния на экономическую сторону жизни общества. Приводятся примеры из международной практики. Предлагаются технологии современного публичного управления, способные в дальнейшем смягчить потери от кризисов подобного рода.

Ключевые слова: экономика, кризис, правительство, государственное управление, пандемия

Dmitriy V. Grudnov,

Master student, Institute of Economics and Management National Research Tomsk State University, Tomsk,
grudnov.dmika@gmail.com

IMPACT OF COVID-19 ON THE ECONOMY. INTERNATIONAL EXPERIENCE

Abstract. The article talks about the problems and challenges that have emerged with the COVID-19 pandemic. An assessment of their impact on the economic side of society is given. Examples from international practice are given. The technologies of modern public administration are proposed that can further mitigate losses from crises of this kind.

Keywords: economy, crisis, government, public administration, pandemic

Коронавирус стал реальной угрозой существования знакомой и привычной для современной цивилизации системы экономических взаимоотношений [1]. Потери в экономике и здравоохранении, колоссальны [2]. Изменения, которые ежесекундно происходят в новой пандемической социальности, поражают своей неопределённостью [3], непредсказуемостью и скоростью глобализационных потоков. Органы власти, государства и целые надгосударственные объединения не справляются с новыми повестками и обнажением скрытых проблем. Отчасти, это говорит о малоэффективной работе по линии кризисного планирования, а также о возрастающей необходимости и актуальности стратегического предвидения (форсайта) в публичном управлении.

Упущения правительств привели к рецессии, вызванной непредсказуемостью коронавирусной пандемии. Существует мнение, что её влияние на человечество (в экономической интерпретации), сравнимо с влиянием Второй мировой войны [4]. Рецессия оставит глубокие шрамы из-за сокращения инвестиций, эрозии человеческого капитала, потери рабочих мест, невозможности продолжить или начать обучение, а также из-за фрагментации глобальной торговли и связей между поставщиками.

Страх перед пандемией COVID-19 и ее последствиями в настоящее время является более распространенной проблемой, чем сама пандемия. Уровень страха перед последствиями пандемии превышает уровень негативных переживаний граждан [5]. Интересно то, что правительства практически не предпринимают никаких шагов для создания положительной динамики в психическом состоянии граждан. В то время, когда экономика застыла в надежде увидеть конкретные и действенные мероприятия правительств по спасению ситуации, она вынуждена наблюдать бесконечные провалы и упущения, вызванные незнанием самой проблемы и непредсказуемостью любых действий.

Отдельно стоит проблема ответственности за последствия тех или иных решений. Различные политики, служащие и правительства в целом отказываются принимать на себя тяжесть принятия решений и ответственности за провалы в антикризисной политике и склоняются к обвинению в провалах общественности, ментальности и культуры... Хотя последние исследования и доказывают, что проблема заключается в нерешительности правительств к жёстким мерам и экстремальным решениям [6].

Рассматривая необходимость включения глобального стратегического предвидения и кризисного планирования в деятельность органов власти при

принятии решений в периоды глобальных кризисов, важно изучить опыт сегодняшних провалов и влияние коронавирусной инфекции на экономику в целом. Планирование требует конкретных сценариев, которые могут предоставить экспертные форсайт сессии. Сбор данных и анализ различных аспектов кризисных экономических трансформаций, вызванных пандемией, должен пролить свет на возможные сценарии развития ситуаций в дельнейшем.

К примеру, в международной практике практически не поднимается вопрос о негативном влиянии пандемии на сельские местности и экономику сельских регионов, считается, что по причине низкого уровня урбанизации и глобализации сельские общины менее предрасположены к влиянию глобального кризиса подобного рода. Последние исследования, проведённые в Китае, приводят убедительную аргументацию, противоречащую описанным выше высказываниям. Эмпирические результаты работы показали, что в феврале 2020 года в селах и деревнях по всему Китаю были введены строгие карантинные меры, которые привели к следующим результатам: распространение COVID-19 в сельских общинах было незначительным, уровень инфицирования составлял около 0,001%; уровень смертности по причине вероятно низкой заражаемости был практически нулевым. Однако, были негативные социальные и экономические последствия, включая высокий уровень безработицы, падение доходов домохозяйств, рост цен и проблемы с обучением студентов. Медицинская помощь была в целом доступной, но многие откладывали оказание медицинской помощи, не связанной с COVID-19, из-за ограничительных мер. Только 20% сельских жителей получали какую-либо помощь от местного правительства, и только 11% жителей деревень получали финансовые субсидии в том или ином виде [7]. Примечательно, что на национальном уровне, власти не высказывались о необходимости помощи сельским местностям, а программы поддержки и вовсе отсутствовали [8].

Похожие результаты можно было наблюдать в Италии, где было замечено, что существует проблема финансового обеспечения малых муниципалитетов [9]. Доходы бюджетов падают, а затраты на социальную сферу, обеспечение функционирования власти и обеспечение нормальной жизнедеятельности граждан в условиях новой социальности растут. Понимается, что власти не справляются в полной мере с принятыми на себя обязательствами, в следствие чего гражданам приходится нарушать ограничительные меры и обеспечивать в той или иной степени своё существование. И в то же время тем самым способствовать распространению коронавирусной инфекции.

Коронавирус и вызванный им «Коронакризис» обнажают множество проблем и противоречий, соз-

даётся чёткое представление того, что, если о проблеме не говорят, это не значит, что её не существует. И если умалчиваемые проблемы в сельском хозяйстве могут быть логичны, то более чувствительными и непредсказуемыми являются проблемы, связанные с «международной солидарностью» и взаимопомощью.

Так, можно говорить о сильной корреляции уровня доверия граждан к Правительству и гражданского одобрения деятельности Правительства с количеством международной помощи, направляемой Правительством в другие страны [10]. Граждане ревностно относятся к распределению государственных экономических ресурсов вне страны, в то время, когда цивилизация поражена глобальным кризисом и нет уверенности в стабильности и лёгком восстановлении. Данная тенденция может обнажить другие проблемы, граждане могут быть против выделения внешней помощи по причине нехватки экономических инструментов внутри страны для помощи уязвимым слоям и группам, пострадавшим от действия COVID-19. Что опять же говорит о неудовлетворительно низком уровне вовлечения граждан в процессы принятия публичных решений. Не секрет, что общество желает быть информированным и одновременно услышанным, современные граждане становятся субъектами управления и игнорирование их мнения может привести к печальным последствиям.

Но и стимулирующая государственная политика может оказаться довольно опасной и болезненной для экономики. Не секрет, что правительства многих стран проводят политику экономической поддержки бизнеса и граждан, стимулируют и поддерживают наиболее пострадавшие сферы экономики. Однако, сиюминутная помощь и крупные вливания в болезненную экономику способны привести только к углублению кризиса и к росту социального недовольства, что объясняется ограниченностью программ государственной поддержки и чёткой адресностью выделяемой помощи. И если средства для поддержки экономики заканчиваются раньше, чем заканчивается кризисная ситуация, то последствия кризиса становятся более ощутимыми и болезненными, так как у государства к тому моменту не остаётся достаточного количества ресурсов для возобновления уже новых программ.

Сценарии с уменьшением денежных вливаний будут характерны не только для государственного сектора. Мы можем говорить о возможных оттоках капитала из сферы технологий после окончания коронавирусной пандемии. Компании, предоставляющие услуги по обеспечению дистанционного функционирования различных сфер, а также компании, специализирующиеся на онлайн развлечениях и других видах дистанционных услуг, могут лишиться инвестиций и потребителей по причине потери сво-

ей актуальности, что опять же чревато усугублением экономической ситуации. Государство, взявшее на себя обязательства регулятора экономических отношений, должно предпринимать все возможные меры по предотвращению возможных перевесов в пользу онлайн или офлайн потребления. Серьёзные переориентации рынков на дистанционный формат работы уничтожают одни отрасли и развивают другие. Но, понимая временный характер коронавирусной пандемии и конечность ограничительных мер, правительства должны осознавать, что с окончанием кризиса, инвестиции и потребители вновь обратятся к офлайн рынкам и услугам, что в конечном счете убьёт онлайн-сферу, нанося очередные удары посткризисной экономике, которая слаба и пытается восстановиться. Государство, как регулятор, имеет все возможные механизмы для создания конкурентоспособного баланса онлайн и офлайн экономики с сохранением жизни и здоровья своих граждан. Именно поэтому необходимо задуматься о будущем восстановлении уже сегодня и минимизировать возможные риски для экономики.

Нельзя промолчать о панических покупках и повышении цен на ряд товаров первой необходимости по всему миру [11]. С одной стороны, панические покупки могут быть логичны, они преследуют большинство кризисов, но с другой стороны, с уровнем развития коммуникативных технологий государство получает многие каналы воздействия на своих граждан и может частично или полностью остановить данный процесс.

Наглядным примером неоднозначной политики государственного регулирования в кризисный период является вопрос обеспечения пресной водой жителей Евросоюза. Не секрет, что быстрое распространение коронавирусной инфекции привело к проблемам с обеспечением населения водными ресурсами. Правительства многих европейских стран приняли меры политического вмешательства для смягчения последствий, защиты своей экономики и граждан. Тем не менее, водные ресурсы и сфера водоснабжения в целом, которая является стратегическим продуктом для всей европейской экономики, попала под внимание правительств только после того, как Всемирная организация здравоохранения объявила вспышку COVID-19 чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения в январе 2020 года.

На момент написания статьи (2021 год) из 27 европейских стран, только 11 (40,7%) осуществили по крайней мере одно политическое вмешательство, которое касалось бы водного сектора [12]. По своему характеру данные вмешательства являлись краткосрочными мерами, включающими: либо полное покрытие затрат, либо отсрочку оплаты счетов за воду. С одной стороны, данные мероприятия способствовали со-

хранению на плаву отрасли в той или иной степени, с другой стороны, правительства не предпринимали шагов, необходимых для повышения устойчивости водного сектора в условиях растущей нехватки пресной воды, вызванной экстремальными климатическими колебаниями, а также пандемией COVID-19. И, тем самым, получилось, что сфера, имеющая максимальную важность для жизни и нормального функционирования общества, получила минимальную помощь. Подобные казусы не являются редкостью и характерны для кризисного периода нового вида, где максимизирована облачность будущего и непредсказуемы варианты развития событий. Правительства попросту не готовы к новым задачам, которые встают перед ними.

Серьёзной критике подвергается адресность государственной помощи во время пандемии. Правительства в короткие сроки разрабатывали и вводили меры поддержки граждан и организаций и логично, что эти меры имели ряд недостатков.

И если о большинстве из них заявлялось членами правительств, то совершенно неизученным является на сегодня вопрос помощи женщинам. Данные из Бостонского университета и Гарвардской школы здравоохранения говорят о сильной недооценённости проблем женщин в период COVID-19 [13]. В данном случае они подвергаются не только экономическим рискам, но и рискам социального и психологического характера. Таким образом, экономический стресс связанный с COVID-19, влияет на поведение женщин, усиливаясь повышенным риском для здоровья и боязнью осложнений или серьёзных последствий для физического здоровья на долгие годы. Кроме того, взаимосвязь между финансовыми трудностями и поведением, связанным с риском для здоровья среди женщин, может быть изменена уровнем здравоохранения или другими маркерами более широко социального-экономического контекста и ресурсов.

Данная информация подтверждается также исследованиями Токийского университета, где были обоснованы следующие предположения [14]:

- временные сотрудники чувствуют последствия кризиса сильнее, чем штатные служащие;
- более молодые сотрудники чувствуют последствия кризиса сильнее, чем пожилые;
- женщины подвержены большим трудовым рискам, чем мужчины;
- граждане, занятые на социальных и негибких работах, более уязвимы, чем граждане, трудящиеся на обычных и гибких работах.

Больше всего от последствий пандемии COVID-19 пострадали следующие группы: женщины; низкоквалифицированные рабочие; сотрудники, занятые на социальных и негибких работах; одинокие граждане.

Эти данные говорят о необходимости разработки и введения правительствами различных мер помощи не только финансового, но и социального характера. Необходимо изучать психологическое состояние различных групп граждан и проводить работу по его стабилизации. Что рекомендуется делать даже отдельным организациям [15]. Данная инициатива повлечёт дополнительные финансовые издержки, но в перспективе сможет сохранить целостность и ценность человеческого капитала.

Просмотрев существующие социально-экономические проблемы, вызванные распространением коронавирусной инфекции и ответные действия правительств различных стран, можно говорить о сильном

распространении проблемы не только в экономической плоскости, но и во всех сферах жизни общества. Современная цивилизация стирает границы между государствами и континентами, народами и культурами. Различные, на первый взгляд не связанные между собой отрасли, тесно переплетаются, и проблемы в одном направлении распространяют своё влияние на всю экономику. Именно поэтому деятельность правительств в вопросах осуществления поддержки своему населению должна быть: последовательной; спланированной на основании предыдущего опыта, но с учётом нынешних трансформаций; реальной, а не декларируемой. Иными словами – необходим институциональный подход [16] в решении экономических проблем.

Список литературы

1. Дедов Н.П. Управление экономическим поведением в условиях социального кризиса: пандемии COVID-19 // Самоуправление. 2020. №3. С. 188-191.
2. Han S., Roy P.K., Hossain M.I., Byun K., Choi C., Ha S. COVID-19 pandemic crisis and food safety: Implications and inactivation strategies // Trends in Food Science and Technology. 2021. №109. P. 25-36.
3. Onditi F., Nyadera I.N., Obimbo M.M., Muchina S.K. How urban 'informality' can inform response to COVID-19: a research agenda for the future // History and philosophy of the life science. 2021. №1. Article № 6.
4. Ehrenberg J.P., Utzinger J., Fontes G., da Rocha E.M.M., Ehrenberg N., Zhou X., Steinmann P. Efforts to mitigate the economic impact of the COVID-19 pandemic: potential entry points for neglected tropical diseases // Infectious Diseases of Poverty. 2021. № 1. Article №2.
5. Gruchola M., Slawek-Czochra M. "The culture of fear" of inhabitants of EU countries in their reaction to the COVID-19 pandemic – A study based on the reports of the Eurobarometer // Safety Science. 2021. №135. Article №105140.
6. Wang Y. Government policies, national culture and social distancing during the first wave of the COVID-19 pandemic: International evidence // Safety Science. 2021. №135. Article №105138.
7. Wang H., Zhang M., Li R., Zhong O., Johnstone H., Zhou H., Xue H., Sylvia S., Boswell M., Loyalka P., Rozelle S. Tracking the effects of COVID-19 in rural China over time // International Journal for Equity in Health. 2021. №1. Article №35.
8. Pan D, Yang J, Zhou G, Kong F. The influence of COVID-19 on agricultural economy and emergency mitigation measures in China: A text mining analysis // PLoS ONE. 2020. №10. Article №0241167.
9. Bonaccorsi G., Pierri F., Cinelli M., Flori A., Galeazzi A., Porcelli F., Schmidt A.L., Valensise C.M., Scala A., Quattrocioni W., Pammolli F. Economic and social consequences of human mobility restrictions under COVID-19 // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2020. № 27. P. 15530-15535.
10. Schneider S.H., Eger J., Bruder M., Faust J., Wieler L.H. Does the COVID-19 pandemic threaten global solidarity? Evidence from Germany // World Development. 2020. №140. Article №105356.
11. Islam T., Pitafi A.H., Arya V., Wang Y., Akhtar N., Mubarak S., Xiaobei L. Panic buying in the COVID-19 pandemic: A multi-country examination // Journal of Retailing and Consumer Services. 2021. №59. Article №102357.
12. Antwi S.H., Getty D., Linnane S., Rolston, A. COVID-19 water sector responses in Europe: A scoping review of preliminary governmental interventions // Science of the Total Environment. 2021. № 762. Article №143068.
13. Sampson L., Ettman C.K., Abdalla S.M., Colyer E., Duker K., Lane K.J., Galea S. Financial hardship and health risk behavior during COVID-19 in a large US national sample of women // SSM – Population Health. 2021. № 13. Article №100734
14. Kikuchi S., Kitao S., Mikoshiba, M. Who suffers from the COVID-19 shocks? Labor market heterogeneity and welfare consequences in Japan. 2021 // Journal of the Japanese and International Economies. 2021. №59. Article №101117
15. Столяров Н.О. Развитие механизмов управления организационной культурой в условиях преодоления последствий глобального кризиса, вызванного пандемией COVID-19 // Лидерство и менеджмент. 2020. №3. С. 393-404.
16. Аль Гарбави Х. Р. Н. Институциональные подходы по обеспечению поддержки предпринимательства в условиях пандемии (COVID-19) и экономического кризиса // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2020. №3. С. 56-60.

References

1. Dedov N.P. Managing economic behavior in a social crisis: the COVID-19 pandemic // Self-government. 2020. №. 3. P. 188-191.
2. Han S., Roy P.K., Hossain M.I., Byun K., Choi C., Ha S. COVID-19 pandemic crisis and food safety: Implications and inactivation strategies // Trends in Food Science and Technology. 2021. №109. P. 25-36.

3. Onditi F., Nyadera I.N., Obimbo M.M., Muchina S.K. How urban 'informality' can inform response to COVID-19: a research agenda for the future // *History and philosophy of the life science*. 2021. №1. Article № 6.
4. Ehrenberg J.P., Utzinger J., Fontes G., da Rocha E.M.M., Ehrenberg N., Zhou X., Steinmann P. Efforts to mitigate the economic impact of the COVID-19 pan-demic: potential entry points for neglected tropical diseases // *Infectious Diseases of Poverty*. 2021. № 1. Article №2.
5. Gruchola M., Stawek-Czochra M. "The culture of fear" of inhabitants of EU countries in their reaction to the COVID-19 pandemic – A study based on the re-ports of the Eurobarometer // *Safety Science*. 2021. №135. Article №105140.
6. Wang Y. Government policies, national culture and social distancing during the first wave of the COVID-19 pandemic: International evidence // *Safety Science*. 2021. №135. Article №105138.
7. Wang H., Zhang M., Li R., Zhong O., Johnstone H., Zhou H., Xue H., Sylvia S., Boswell M., Loyalka P., Rozelle S. Tracking the effects of COVID-19 in rural China over time // *International Journal for Equity in Health*. 2021. №1. Article №35.
8. Pan D, Yang J, Zhou G, Kong F. The influence of COVID-19 on agricultural economy and emergency mitigation measures in China: A text mining analysis // *PLoS ONE*. 2020. №10. Article №0241167.
9. Bonaccorsi G., Pierrri F., Cinelli M., Flori A., Galeazzi A., Porcelli F., Schmidt A.L., Valensise C.M., Scala A., Quattrocioni W., Pammolli F. Economic and so-cial consequences of human mobility restrictions under COVID-19 // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2020. № 27. P. 15530-15535.
10. Schneider S.H., Eger J., Bruder M., Faust J., Wieler L.H. Does the COVID-19 pandemic threaten global solidarity? Evidence from Germany // *World Develop-ment*. 2020. №140. Article №105356.
11. Islam T., Pitafi A.H., Arya V., Wang Y., Akhtar N., Mubarik S., Xiaobei L. Panic buying in the COVID-19 pandemic: A multi-country examination // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2021. №59. Article №102357.
12. Antwi S.H., Getty D., Linnane S., Rolston, A. COVID-19 water sector respons-es in Europe: A scoping review of preliminary governmental interventions // *Sci-ence of the Total Environment*. 2021. № 762. Article №143068.
13. Sampson L., Ettman C.K., Abdalla S.M., Colyer E., Dukes K., Lane K.J., Galea S. Financial hardship and health risk behavior during COVID-19 in a large US na-tional sample of women // *SSM – Population Health*. 2021. № 13. Article №100734
14. Kikuchi S., Kitao S., Mikoshiba, M. Who suffers from the COVID-19 shocks? Labor market heterogeneity and welfare consequences in Japan. 2021 // *Journal of the Japanese and International Economies*. 2021. №59. Article №101117
15. Stolyarov N.O. Development of mechanisms for managing organizational culture in the context of overcoming the consequences of the global crisis caused by the COVID-19 pandemic // *Leadership and Management*. 2020. № 3. P. 393-404.
16. Al Garbawi H. R. N. Institutional approaches to support entrepreneurship in a pandemic (COVID-19) and economic crisis // *Questions of modern science and practice. University named after IN AND. Vernadsky*. 2020. № 3. P. 56-60.

Хабичев Расул Хамзатович,

студент 4 курса, ФГБОУ ВО Российский государственный университет правосудия, Москва,
khabi.99@mail.ru

КВАЛИФИКАЦИЯ ДИСТРИБЬЮТОРСКИХ ДОГОВОРОВ

Аннотация. В статье проанализированы и обобщены различные позиции доктрины и правоприменительной практики о правовой квалификации дистрибьюторских соглашений как непоименованных в законодательстве. В связи с широким распространением дистрибьюторских договоров в предпринимательских отношениях исследование правовой природы и содержания института представляется актуальным. Автором на основе метода сравнительного правоведения, технико-юридического анализа, конкретизации и толкования предложено понятие дистрибьюторского договора и предпринята попытка обоснования его смешанной правовой природы.

Ключевые слова: дистрибьютор, дистрибьюторский договор, реализационное соглашение, условие об эксклюзивности, смешанный договор

Rasul Kh. Khabichev,

the 4th year student of Russian State University of justice, Moscow,
khabi.99@mail.ru

QUALIFICATION OF DISTRIBUTORSHIP CONTRACTS

Abstract. The article analyzes and summarizes various positions of the doctrine and law enforcement practice on the legal qualification of distributorship contracts which are not named in the legislation. Due to the wide spread of distributorship contracts in business relations, the study of the legal nature and content of the institute is relevant. The author based on the method of comparative law, technical and legal analyses, specification and interpretation, proposed the concept of a distributorship contract and attempted to justify its mixed legal nature.

Keywords: distributor, distributorship contract, implementation contract, exclusivity clause, mixed contract

В предпринимательских отношениях распространено использование дистрибьюторских договоров, которые принято относить к так называемым реализационным соглашениям [14, с.618-621]. Следует сказать, что в законодательстве РФ данный договор не поименован. Отсутствие законодательного регулирования и широкое распространение актуализируют вопросы квалификации данного предпринимательского договора.

Целью настоящего исследования является обобщение доктринальных взглядов ученых и выработка единого подхода к вопросу о квалификации дистрибьюторских договоров, целостно отражающего природу данного соглашения.

Изначально дистрибуция как деятельность появилась в экономической теории, в рамках которой существовало разделение функций производства и сбыта продукции [24, с.703-765]. Так доктрина исходила из того, что появляется некий посредник (агент), который и будет осуществлять реализацию товаров, поэтому дистрибьюторский договор приобрел черты посреднических соглашений, в рамках ко-

торых дистрибьютор действует от имени определенного продавца (производителя) [13, с.107-155]. Однако практика осуществления дистрибуции позволяет выделить и другие ее формы.

Так во Франции с конца XIX века дистрибьюторские соглашения заключались по модели договора купли-продажи, в рамках которой оптовые поставщики осуществляли передачу товаров в собственность дистрибьюторам, в целях последующей перепродажи [20, с.21].

Позже, благодаря развитию автомобильной отрасли, получают широкое распространение дистрибьюторские договоры по модели концессионных соглашений [23, с.167].

Таким образом, актуальность темы связана еще и с тем, что дистрибуция исторически осуществлялась и рассматривалась в различных формах. В связи с этим в доктрине и на практике встают вопросы: чем является дистрибьюторский договор, какова его природа, какие нормы к нему применимы?

Развитие общественных отношений, в том числе торговых, развитие межгосударственных связей

приводит к необходимости унификации правового регулирования. Так в соответствии с Типовым дистрибьюторским контрактом Международной торговой палаты (далее – МТП) данное соглашение не признается посредническим, так как дистрибьютор приобретает товары в собственность с целью их последующей продажи [22].

В настоящее время в доктрине предпринимательского права и судебной практике дистрибьюторское соглашение квалифицируется как:

1. Эксклюзивный договор продажи товаров определенного производителя на установленной в договоре территории;

2. Агентский договор;

3. Смешанный договор [17, с.434].

Рассмотрим данные позиции подробнее.

В первом случае речь идет о дистрибьюторском договоре, содержащем условия об эксклюзивности, по которому одна сторона (дистрибьютор) обязуется приобретать у другой стороны (поставщика) товар и осуществлять его продвижение или реализацию исключительно на территории, определенной договором, а поставщик обязуется не продавать товар третьим лицам для распространения на этой территории [9; 19, с.34-35]. Вместе с тем, необходимо указать, что предпринимательские договоры, так или иначе, подлежат государственному регулированию [21, с.108-111; 16, с.21]. В частности дистрибьюторский договор, содержащий условия об эксклюзивности, должен соответствовать антимонопольному законодательству РФ.

До 1 января 2010 года в части 1 статьи 11 Федерального закона от 26.07.2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [3] (далее – ФЗ № 135) содержался запрет на заключение соглашений, которые приводили или могли привести к необоснованному отказу от заключения договоров, если такой отказ прямо не предусмотрен нормативными правовыми актами. В этой связи условия дистрибьюторских договоров об эксклюзивности, в частности условие о том, что продавец не мог заключать аналогичные соглашения с другими дистрибьюторами, признавались судами недействительными [10].

На данный момент такого запрета нет, однако есть ограничения, закрепленные в части 2 статьи 11 ФЗ №135 [3]. Кроме того, запрещено включать условие об эксклюзивности в договор также, если продавец и дистрибьютор являются конкурентами на соответствующем товарном рынке, а также, если продавец занимает доминирующее положение на рынке (п.5 ч.1 ст.11 ФЗ № 135 [3]).

Вместе с тем, соглашение, содержащее только условие об эксклюзивности, служащее основанием для возникновения обязательства по передаче имущества в собственность, не может рассматриваться

как дистрибьюторское, так как данный договор должен содержать еще и иные условия необходимые для договора данного вида (п. 1 ст. 432 ГК [1]): условие о действии дистрибьютора от имени производителя (продавца), об осуществлении продвижения товара. При отсутствии данных условий, определяющих существо дистрибьюторских договоров, необходимо квалифицировать данное соглашение как договор поставки и применять к нему нормы о последнем [6]. Еще Президиум ВАС РФ в постановлении № 7073 указывал, что дистрибьюторский договор не может рассматриваться как обычный договор поставки, так как он представляет собой «договор на организацию отношений по поставкам продукции с оказанием услуг по поиску покупателей» [8]. Данная позиция ВАС РФ отражает сущность дистрибьюции как деятельности, направленной не только на реализацию (продажу), но и на продвижение продукции (товаров) на соответствующем рынке, следовательно продвижение товаров необходимо рассматривать в качестве цели дистрибьюторского договора.

В рамках второй позиции доктрина и правоприменительная практика рассматривают дистрибьюторский договор как посреднический - агентский. Однако, несмотря на это, данное соглашение нельзя квалифицировать таким образом, ведь в отличие от агента дистрибьютор приобретает товары в собственность. Уже из данного обстоятельства на дистрибьютора ложатся риски неоплаты товаров или невозможности их реализации. В этом смысле дистрибьюторский договор является «вертикальным» соглашением [18, с.107], тогда как агентский договор к таковым не относится.

В одном из дел рассматривался спор о взыскании неустойки (штрафа) за нарушение условий об эксклюзивности дистрибьюторского договора. Суд, оценивая природу данного условия (об эксклюзивности), указал на то, что само соглашение по правовой природе является агентским договором [11]. Однако сущность данного соглашения, как уже указывалось выше, состоит в том, что дистрибьютор приобретает товар в собственность и совершает действия от имени продавца (покупателя), направленные на продвижение товара на соответствующем рынке. Так, суд оценил правовую природу лишь одного из условий данного соглашения, но никак не договора в целом.

Действительно, в отношении эксклюзивных условий договора суды усматривают элементы агентского договора. В одном из дел суд определил правовую природу дистрибьюторского договора как смешанного, содержащего элементы договора поставки и агентского договора [7]. Суд указал на элементы агентского договора, поскольку в нём содержался запрет на самостоятельную реализацию поставщиком товаров на территории, закрепленной за дистрибьютором (ст. 1007 ГК РФ [2]). Вместе с тем, само по себе

установление запретов на совершение сторонами определенных действий не может свидетельствовать о наличии элементов агентского договора, если сторонами не согласованы юридические и иные действия, составляющие предмет агентского договора, которые дистрибьютор обязуется совершить.

Третья позиция является, на наш взгляд, самой обоснованной и активно воспринимается правоприменительной практикой. Так, дистрибьюторское соглашение квалифицируется в качестве смешанного договора [4, 5], сочетающего в себе элементы:

- договора купли-продажи (поставки), так как товар передается в собственность дистрибьютору (п.1 ст. 454, 506 ГК РФ [1]);
- агентского договора, так как дистрибьютор обязуется совершать от имени продавца (поставщика) юридические и иные действия; могут предусматриваться ограничения прав продавца и дистрибьютора (п.1 ст. 1005, 1007 ГК РФ [2]);
- договора коммерческой концессии, так как дистрибьютору в целях продвижения товаров может предоставляться комплекс исключительных прав (п.1 ст. 1027 ГК РФ [2]);
- и иных видов договоров.

В связи с тем, что в законодательстве РФ, прежде всего в части II Гражданского кодекса РФ, данный договор не поименован, понятие дистрибьюторского договора и его характерные черты выводятся из положений доктрины, анализа международных правовых норм, а также правоприменительной практики. Так дистрибьютор – субъект торговой деятельности, который приобретает товар в собственность с целью его последующей перепродажи и при этом действует от имени определенного производителя и оказывает определенные услуги по продвижению товара, может осуществлять техническое обслуживание [15, с.28]. Таким образом, дистрибьюторский договор представляет собой соглашение, по которому дистрибьютор обязуется приобрести в собственность товар у продавца (производителя), действовать от его имени и оказывать определенные сопутствующие услуги по продвижению товаров и осуществлению технического обслуживания.

Действительно, обязательства, возникающие из дистрибьюторского договора, опосредуют раз-

личные по своей правовой природе отношения. Без существования совокупности элементов, указанных выше, говорить о дистрибьюторском соглашении не приходится. Такое широкое распространение на практике непоименованных в законодательстве РФ соглашений связано с принципом свободы договора (ст.1, 421 ГК РФ [1]), так как реализация данного принципа позволяет заключить соглашение, содержащее элементы различных договоров. Договор как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами; позволяет предусмотреть любые не противоречащие законодательству условия договора.

Квалификация договора в качестве смешанного, на наш взгляд, имеет важное значение. Во-первых, исходит из толкования содержания договора в целом, с учетом всех его условий. Во-вторых, несмотря на то, что дистрибьюторский договор не поименован в законодательстве, позволяет распространить на него законодательное регулирование, так как признание его смешанным договором влечет возможность применения к нему правил об отдельных видах договоров (п.3 ст.421 ГК РФ [1]).

Недостатком квалификации дистрибьюторского соглашения в качестве смешанного договора является необходимость согласования всех существенных условий договоров, элементы которых содержатся в соглашении [12, с.19-20]. Данный вывод можно сделать из общего правила, что договор считается заключенным, если стороны достигли соглашения по всем существенным условиям (п.1 ст.432 ГК РФ [2]).

Итак, дистрибьюторский договор относится к числу предпринимательских договоров, распространенных в торговых отношениях, однако законодатель еще не определил его в качестве самостоятельного поименованного договора. В связи с этим, существование на практике данного договора обусловлено реализацией принципа свободы договора. Так, в доктрине и судебной практике в настоящее время устанавливается единообразный подход, что по своей правовой природе данный договор является смешанным, ведь в нем прослеживаются элементы различных поименованных в ГК РФ договоров, связанных между собой общей целью: продвижение товаров на соответствующем рынке.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. ст. 410.
3. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). ст. 3434.
4. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 13.03.2020 N Ф06-58706/2020 по делу N А12-39543/2018 // Доступ из СПС КонсультантПлюс. Раздел Судебная практика.

5. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 08.08.2019 N Ф09-4341/19 по делу N А34-9832/2018 // Доступ из СПС КонсультантПлюс. Раздел Судебная практика.
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 09.10.2019 N Ф08-8248/2019 по делу N А53-29334/2018 // Доступ из СПС КонсультантПлюс. Раздел Судебная практика.
7. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.07.2010 по делу N А14-8178/2009 // Доступ из СПС КонсультантПлюс. Раздел Судебная практика.
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 18 мая 1999 г. N 7073/98 по делу N А40-9311/98-55-54 // Доступ из СПС КонсультантПлюс. Раздел Судебная практика.
9. Постановление ФАС Поволжского округа от 03.08.2011 по делу № А55-26891/2009 // Доступ из СПС КонсультантПлюс. Раздел Судебная практика.
10. Постановления ФАС Центрального округа от 28 января 2011 г. по делу № А14-7143/2010/207/22 // Доступ из СПС КонсультантПлюс. Раздел Судебная практика.
11. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 19.04.2005 № Ф08-1395/2005 // Доступ из СПС КонсультантПлюс. Раздел Судебная практика.
12. *Андреева С.А.* Квалификация дистрибьюторского договора по российскому праву и ограничение от смежных договорных конструкций. // Конкурентное право. - 2013. - № 3. С. 16-20.
13. *Григорьев Т.Ю.* Трансграничные дистрибьюторское соглашение и договор торгового представительства в российском и зарубежном праве. М. 2018. С. 107-155.
14. *Ершова И.В.* Предпринимательское право: учебник для бакалавриата и специалитета / отв. ред. И. В. Ершова. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Проспект, 2021. 688 с.
15. *Кирпичев А.Е., Кондратьев В.А.* Коммерческое право: основы и современные проблемы: Курс лекций. – М.: РГУП, 2018. С. 28-29.
16. *Кирпичев А.Е.* Предпринимательские обязательства в публичном секторе экономики: Монография. – М.: РГУП, 2017. С. 21-22.
17. *Клейн Н.И.* Актуальные проблемы применения норм Гражданского кодекса РФ о договоре купли-продажи // Гражданское право и современность: сборник статей, посвященных памяти М. И. Брагинского / под ред. В. Н. Литовкина, К. Б. Ярошенко. М. 2013. 434 с.
18. *Михайлова Е.О.* Антимонопольные аспекты регулирования дистрибьюторского договора. Вопросы науки и образования. 2018. № 6 (18). С. 106-112.
19. *Улугова К.Э.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в сфере дистрибуции: частно-правовой и публично-правовой аспекты: дис ... кюн. М. 2015. С. 276.
20. *Beauchard J. Driot de la distribution et de la consummation.* PUF. Paris. 1996.
21. *Collins H.* Regulating contracts. Oxford. 2005. P. 108-111.
22. ICC Model Contract on Distributorship. ICC Product No. 776E, 2016.
23. *Leloup. J-M.* La création de contrats par la pratique commercial // L'évolution contemporaine du droit des contrats. PUF, 1986. P. 358.
24. *Shaw A.W.* Some Problems in Distribution Market // Quarterly Journal of Economics. Harvard University. Vol. 26. Issue 4. 1912. P. 703–765.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 № 51-FZ // Collection of legislation Of Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.
2. Civil Code of the Russian Federation (part two) of 26.01.1996 № 14-FZ // Collection of legislation Of Russian Federation. 1996. № 5. Art. 410.
3. Federal Law No. 135-FZ of 26.07.2006 «On Protection of Competition» // Collection of legislation Of Russian Federation. 2006. № 31 (1 part). art. 3434.
4. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District of 13.03.2020 N F06-58706/2020 in the case N А 12-39543 / 2018 // Access from the SPS ConsultantPlus. Section Judicial practice.
5. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District of 08.08.2019 N F09-4341/19 in the case N А34-9832/2018 // Access from the SPS ConsultantPlus. Section Judicial practice.
6. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of 09.10.2019 N F08-8248/2019 in case N А53-29334/2018 // Access from the SPS ConsultantPlus. Section Judicial practice.
7. Decision of the Nineteenth Commercial Court of Appeal of 30.07.2010 in case N А14-8178/2009 // Access from the SPS ConsultantPlus. Section Judicial practice.
8. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of May 18, 1999 N 7073/98 in case N А40-9311/98-55-54 // Access from the SPS ConsultantPlus. Section Judicial practice.
9. Resolution of the FAS of the Volga District of 03.08.2011 in case no. А55-26891/2009 // Access from the SPS ConsultantPlus. Section Judicial practice.
10. Decisions of the FAS of the Central District of 28 January 2011 in case no. А14-7143/2010/207/22 // Access from the SPS ConsultantPlus. Section Judicial practice.

11. Resolution of the FAS of the North Caucasus District No. F08-1395/2005 of 19.04.2005 // Access from the SPS ConsultantPlus. Section Judicial practice.
12. *Andreeva S.A.* Qualification of a distribution contract under Russian law and delineation from related contractual structures. // *Competition law.* - 2013. - № 3. pp. 16-20.
13. *Grigoriev T.Yu.* Cross-border distribution agreement and contract of trade representation in Russian and foreign law. M. 2018. pp. 107-155.
14. *Yershova I.V.* Entrepreneurial law: a textbook for undergraduate and specialist studies / ed. by I. V. Yershova. - 2nd ed., reprint. and additional. -M.: Prospect, 2021. 688 с.
15. *Kirpichev A.E.* Kondratiev V. A. Commercial law: fundamentals and modern problems: A course of lectures. - M.: RSUJ, 2018. pp. 28-29.
16. *Kirpichev A.E.* Entrepreneurial obligations in the public sector of the economy: Monograph. - M.: RSUJ, 2017. pp. 21-22.
17. *Klein N.I.* Actual problems of application of the norms of the Civil Code of the Russian Federation on the contract of purchase and sale // *Civil law and modernity: a collection of articles dedicated to the remembrance of M. I. Braginsky* / ed. V. N. Litovkin, K. B. Yaroshenko. M. 2013. 434 p.
18. *Mikhailova E.O.* Antitrust aspects of regulation of the distribution agreement. Questions of science and education. 2018. № 6 (18). pp. 106-112.
19. *Ulugova K.E.* Legal regulation of entrepreneurial activity in the field of distribution: private law and public law aspects: dis ... cand. sc. (jurisprudence). M. 2015. p. 276.
20. *Beauchard J.* The right of distribution and consumption. PUF. Paris. 1996.
21. *Collins H.* Regulating contracts. Oxford. 2005. P. 108-111.
22. ICC Model Contract on Distributorship. ICC Product No. 776E, 2016.
23. *Leloup J-M.* The creation of contracts through commercial practice // *The contemporary evolution of contract law.* PUF, 1986. P. 358.
24. *Shaw A.W.* Some Problems in Distribution Market // *Quarterly Journal of Economics.* Harvard University. Vol. 26. Issue 4. 1912. P. 703–765.

Якимов Роман Васильевич,
магистрант Института Экономики и менеджмента,
Национальный исследовательский Томский государственный университет, город Томск,
yakimovroman45643@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ГОРОДСКОМУ ПЛАНИРОВАНИЮ. ЕСТЬ ЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ В ОБЩЕСТВЕННОМ УЧАСТИИ?

Аннотация. В данной статье рассматривается феномен участия граждан в городском управлении. Автором было проведено исследование с целью выявить готовность граждан к вовлечению в управление. В результате сделан вывод о том, что можно говорить о формировании партисипативной культуры в Российской Федерации, что происходит становление гражданского общества, способного принимать решения совместно с органами государственной и муниципальной власти.

Ключевые слова: участие, гражданское общество, городское управление, вовлечение граждан в управление, государственное управление, публичное управление

Roman V. Yakimov,
Master student, Institute of Economics and Management National Research Tomsk State University, Tomsk,
yakimovroman45643@gmail.com

MODERN APPROACHES TO URBAN PLANNING. IS THERE A NEED FOR PUBLIC PARTICIPATION?

Abstract. This article examines the phenomenon of citizen participation in urban governance. A study was conducted to find out the willingness of citizens to get involved in governance. We can talk about the formation of a par-tisipative culture in the Russian Federation, the formation of a civil society is taking place, capable of making decisions by the joint bodies of state and municipal authorities.

Keywords: participation, civil society, urban governance, citizen involvement in governance, public administration

В настоящее время происходит активная трансформация форм и методов публичного управления [1]. Общественность активно вовлекается в деятельность органов управления практически во всех сферах и на всех уровнях власти. Данные тенденции не являются исключением и для городского планирования. Акторы являются жителями городской экосистемы, они находятся в постоянном соприкосновении с существующими проблемами и могут предлагать эффективные решения для гармоничного развития города. Необходимо помнить, что именно граждане являются одной из трёх подсистем городской среды (наряду с географической и городской средой), которые необходимы для функциональной и структурной устойчивости населенного пункта, как экосистемы [2]. В тоже время, органы власти, бизнес и различные организации являются основными держателями капитала и соответствующих полномочий, способных влиять на городскую экосистему (урбоэкосистема) и пути её развития. Складывается ситуация, когда стороны обладают взаимодополняющими характеристиками,

которые в симбиозе могут способствовать эффективной реализации развития городской среды.

Органы власти должны применять знания социальных наук и городского дизайна на стыке физической и социальной среды. Они озабочены невидимыми, но реальными процессами (социальными, политическими, экономическими, историческими и т.д.), которые порождают видимые физические конфигурации схем землепользования, транспортной инфраструктуры, открытого пространства и плотности населения – все это можно с уверенностью рассматривать как важные детерминанты городского планирования [3].

Как правило, партисипативные инициативы разрабатываются и предлагаются к реализации органами власти и, следовательно, игра ведётся по их условиям. Инициативы со стороны общественности в большей степени не приобретают массового характера и не продолжительны, чаще, они реализуются в виде разовых акций, воплощающихся в формат петиций, а с развитием информационно-коммуникаци-

онных технологий – онлайн-петиций. Растущей популярностью пользуются специальные (закрытые) группы для общения, оповещения и обсуждения гражданами в социальных сетях либо мессенджерах различных сторон своей жизнедеятельности в границах места обитания (этаж, подъезд, многоквартирный дом). Обычно, данные группы характерны для небольших сообществ и эффективны в их рамках, в большей степени существует вероятность мобилизации акторов для решения насущных, локальных проблем. Хотя в последнее время набирают популярность и группы городских сообществ, где обсуждаются более глобальные вопросы, но данные группы, как правило, распространяют в большей степени развлекательный контент, нежели социально направленный. Для органов власти важно находиться в постоянном контакте с общественностью и вовлекать её в процессы публичного принятия решений [4], в данном случае с целью формирования городской экосистемы, посредством активного вовлечения граждан в городское планирование.

Опрос проводился автором статьи в срок с 15.01.2021 года по 15.02.2021 года. Выборка была следующей: в ходе исследования было опрошено 200 человек, из которых, женщин – 120 человек, мужчин – 80 человек. Возраст участников: молодёжь (18-35 лет) – 50 респондентов, средний возраст (35-60 лет) – 110 респондентов, старший возраст (60-80 лет) – 40 респондентов.

Тематические блоки исследования составлены исходя из его потребностей, они направлены на освещение мотивов, внутренних побуждений, жизненного опыта и готовности граждан к участию в публичном управлении. К задачам опроса можно отнести:

- выявление общего уровня информированности о наличии механизмов соучастия;
- выявление уровня участия граждан в публичных процессах;
- выявление готовности граждан к вовлечению в городское управление;
- выявление внутренних оценок граждан по опыту своего участия в городском управлении;
- выявление ожиданий граждан от участия в городском управлении.

Мы можем сформулировать гайд опроса следующим образом:

1. Знаете ли Вы о наличии возможностей Вашего участия в городском планировании или процессах принятия решений? (Да/Нет)
2. Участвовали ли Вы когда-либо в процессах публичного принятия решений в своём городе? (Да/Нет)
3. С чем связано ваше участие/неучастие? (Развернутый ответ)
4. Как Вы оцениваете свой опыт участия в принятии решения? (Положительно/Отрицательно). Для

респондентов, давших положительный ответ на вопрос №2.

5. Принес ли он пользу обществу? (Да, значительную/Да, незначительную/Нет, реальных изменений не было/Свой вариант). Для респондентов, давших положительный ответ на вопрос №2.

6. Как Вы думаете, есть ли необходимость вовлекать граждан в городское управление? Аргументируйте свой ответ. (Развернутый ответ)

7. Готовы ли граждане на Ваш взгляд к участию в городском управлении? (Да/Нет)

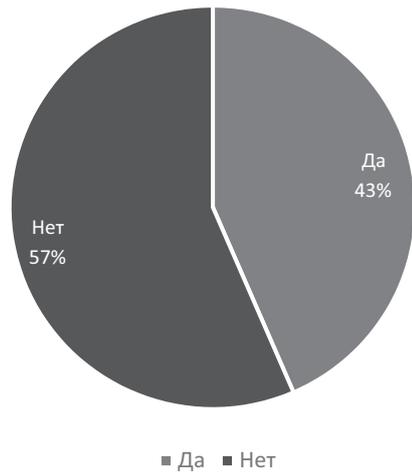
8. Что именно в городском управлении должно согласовываться с гражданами? (Развернутый ответ)

Результаты исследования представлены ниже в виде диаграммы.

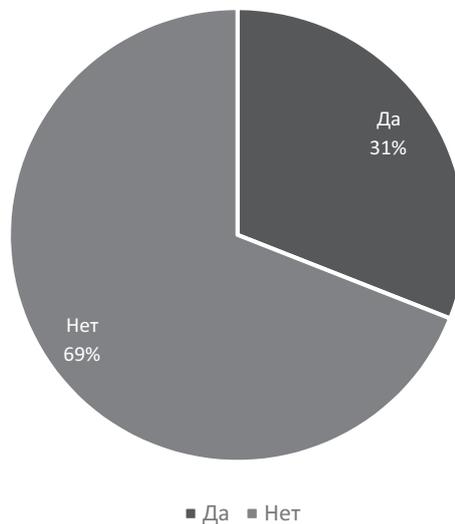
Из Рисунка 1 становится понятно, что граждане слабо информированы о наличии возможностей для участия в городском управлении. Данная практика распространена на территории РФ, даже при наличии механизмов для участия в управлении, граждане по причине слабой работы информационных отделов органов власти и их отсутствия в трендовых источниках информации не могут приобщиться даже к передовым городским практикам [5].

Из Рисунка 2 видно, что лишь 31% опрошенных когда-либо участвовал в практиках городского соуправления, что меньше общей доли граждан, информированных о наличии возможностей для вовлечения в городское управление. Процентное отклонение небольшое, ведь практики соучастия не являются обыденными процессами для российского общества. Новинки социального взаимодействия всегда тяжело принимаются и воспринимаются обществом, страхи оправдываются негативными практиками гражданского участия [6]. С другой стороны, низкий показатель участия может говорить о банально низком уровне гражданской культуры и опять же о неэффективной информационной политике ответственных подразделений органов власти.

Благодаря полученным в ходе исследования развернутым ответам респондентов на вопрос – «С чем связано ваше участие/неучастие?», мы можем увидеть полную картину мотивов. Респонденты связывают своё участие с такими категориями как: обязанность, долг, процветание, демократия, контроль за властью, забота о будущем и т.д. Неучастие в процессах городского со-управления чаще всего связывается с категориями: отсутствие доверия к органам власти, фикция, обман, фальсификация, коррупция и т.д. Исходя из полученных ответов мы можем говорить о сильной стереотипизации органов власти в глазах граждан. Существует устоявшаяся проблема недоверия к органам власти, которая усугубляется практически бесконтрольным появлением и распространением информации, а также низким уровнем

Рисунок 1. Знаете ли Вы о наличии возможностей Вашего участия в городском планировании или процессах принятия решений?

Рисунок 2. Участвовали ли Вы когда-либо в процессах публичного принятия решений в своём городе?

работы информационных отделов и служб при органах управления. С другой стороны, можно говорить об активном процессе формирования гражданского общества в России, респонденты начинают чувствовать необходимость участия в городском управлении, осознают свою роль и функции.

Для лучшего понимания опыта и мотивов респондентов в городском управлении, респондентам, давшим положительный ответ на вопрос № 2 было предложено ответить на два дополнительных вопроса. Результаты представлены на Рисунках 3 и 4.

На вопрос, «Как Вы оцениваете свой опыт участия в принятии решении?» 82% респондентов дали положительный ответ, что может говорить о высоком уровне организации партисипативных практик. С большой долей вероятности данные граждане в дальнейшем также будут принимать участие в городском планировании. А положительный опыт респон-

дентов способен транслироваться на их окружение, что приведёт к углублению культуры со-управления [7] и её распространению на более широкий круг участников.

По Рисунку 4 видно, что граждане склонны высоко оценивать свой опыт от участия в городском управлении. 81% опрошенных считает, что их участие в публичном управлении принесло пользу обществу (из которых: 47% считают, что значительную, 34% – незначительную) и только 19% респондентов считает, что их участие не принесло никакой пользы обществу и реальных изменений не было.

Мнения респондентов разделились при ответе на вопрос №6 («Как Вы думаете, есть ли необходимость вовлекать граждан в городское управление?»). Проанализировав полученные ответы, можно говорить о дифференциации общественного мнения по данному вопросу. Около 74% опрошенных считают,

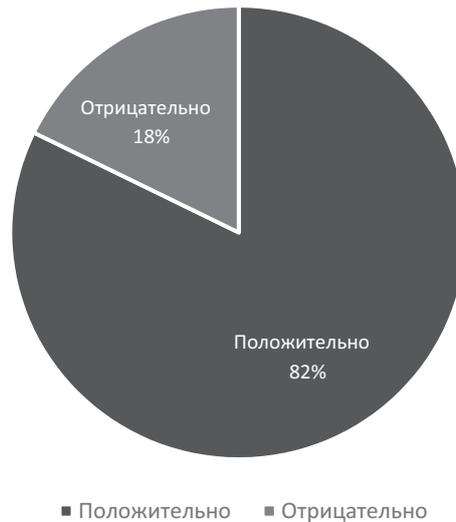

Рисунок 3. Как Вы оцениваете свой опыт участия в принятии решения?

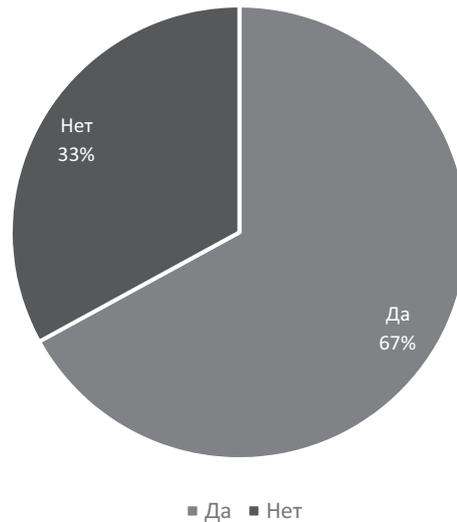

Рисунок 4. Принес ли он пользу обществу?

что граждане должны в той или иной степени участвовать в принятии решений, аргументируя это демократическим государственным строем и обязанностью гражданина, около 26% респондентов считают, что граждане не должны участвовать в городском управлении, так как они не имеют должной квалификации, существует мнение, что органы власти компетентнее в управленческих вопросах, чем обычные граждане. Следует отметить, что подавляющее большинство респондентов, ответивших отрицательно на данный вопрос, являлись представителями старшего поколения, а, следовательно, им ментально ближе советская бюрократическая управленческая модель. На примере данного вопроса можно заметить проистекание глубоких процессов социальных трансформаций и изменений в мировоззрении граждан.

На Рисунке 5 показано, что большинство респондентов (67%) считают, что граждане готовы участвовать в публичном управлении, 33% респондентов дали отрицательный ответ. Учитывая ответы респондентов на предыдущий вопрос можно говорить о понимании в обществе необходимости гражданского участия, но общество также понимает и тот факт, что граждане, как таковые, ещё не готовы к конструктивному участию, так как пока все еще не сложилась соответствующая гражданская культура.

Респонденты в большинстве случаев были единогласны в выборе сфер гражданского участия в городском управлении (Вопрос №8). Самыми востребованными сферами оказались: благоустройство, городской бюджет, дороги, ЖКХ, сфера культуры и досуга горожан.

Рисунок 5. Готовы ли граждане на Ваш взгляд к участию в городском управлении?

Исходя из результатов проведенного опроса можно говорить о формировании среди граждан культуры участия (партиципативности). Граждане начинают осознавать необходимость реализации новых управленческих технологий, возрастает гражданская ответственность и чувство долга. Основная проблема на пути к формированию эф-

фективных управленческих практик – это слабая информационная политика органов власти. Автор считает, что должна вестись систематическая работа с гражданами с целью вовлечения их в управленческие процессы. Данный подход улучшает качество администрирования, и увеличивается доверие граждан к органам власти.

Список литературы

1. *Welch E.W.* The Rise of Participative Technologies in Government. Transformational Government Through eGov Practice: Socio-Economic, Cultural, and Technological Issues // Emerald Group Publishing Limited. 2012. №1. P. 347-367.
2. *Колотвин А.В., Зинюхин Г.Б.* Модель городских экосистем // Вестник ОГУ. 2003. №7. С. 164-167.
3. *Northridge M.E., Sclar E.A* joint urban planning and public health framework: contributions to health impact assessment // American journal of public health. 2003. №1. P.118-121.
4. *Horst C., Erdal M.B., Jdid N.* The «good citizen»: asserting and contesting norms of participation and belonging in Oslo. Ethnic and Racial Studies. 2020. №16. P.76-95.
5. *Туманян Г.В.* Электронное партиципативное управление и его влияние на культуру гражданского участия // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 2. С. 298-302.
6. *Royo S., Yetano A.* 'Crowdsourcing' as a tool for e-participation: two experiences regarding CO2 emissions at municipal level // Electronic Commerce Research. 2015. №3. P. 323-348.
7. *Alsina V., Martí J.L.* The Birth of the CrowdLaw Movement: Tech-Based Citizen Participation, Legitimacy and the Quality of Lawmaking // Analyse und Kritik. 2017. №2. P. 337-358.

References

1. *Welch E.W.* The Rise of Participative Technologies in Government. Transformational Government Through eGov Practice: Socio-Economic, Cultural, and Technological Issues // Emerald Group Publishing Limited. 2012. No1. P. 347-367.
2. *Kolotvin A.V., Zinyukhin G.B.* Model of urban ecosystems // Vestnik OSU. 2003. No.7. P. 164-167.
3. *Northridge M.E., Sclar E.* A joint urban planning and public health framework: contributions to health impact assessment // American journal of public health. 2003. No1. P.118-121.
4. *Horst C., Erdal M.B., Jdid N.* The «good citizen»: asserting and contesting norms of participation and belonging in Oslo. Ethnic and Racial Studies. 2020. No16. P. 76-95.
5. *Tumanyan G.V.* Electronic participatory governance and its impact on the culture of civic participation // State and municipal management. Scholarly notes. 2020. No.2. P. 298-302.
6. *Royo S., Yetano A.* 'Crowdsourcing' as a tool for e-participation: two experiences regarding CO2 emissions at municipal level // Electronic Commerce Research. 2015. No3. P. 323-348.
7. *Alsina V., Martí J.L.* The Birth of the CrowdLaw Movement: Tech-Based Citizen Participation, Legitimacy and the Quality of Lawmaking // Analyse und Kritik. 2017. No2. P. 337-358.

Артамавичюс Владимир Леонасович,

аспирант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург,
e-mail: vladimir.artamav@mail.ru

Vladimir L. Artamavichyus,

graduate student, Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Saint-Petersburg

Бажанов Станислав Васильевич,

полковник юстиции в отставке, доктор юридических наук, профессор,
академик Петровской академии наук и искусств, Москва,
e-mail: svb-1956@mail.ru

Stanislav V. Bazhanov,

retired colonel of justice, Doctor of Law, Professor, Academician Peter's Academy
of Arts and Sciences, Moscow

Базылев Владимир Николаевич,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры Общегуманитарных дисциплин
и теории и истории государства и права, АНО ВО Институт деловой карьеры, профессор
Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, главный эксперт
Лаборатории экспертных исследований и ситуационного анализа «ЛЭКСАН», Москва,
e-mail: v-bazylev@inbox.ru

Vladimir N. Bazylev,

Doctor of Letters, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian Disciplines
and Theory and History of State and Law, Institute of Business Career, Professor of the National
Research University Higher School of Economics, Chief Expert of the Laboratory of Expert Research
and Situational Analysis "LEKSAN", Moscow

Бакатин Александр Николаевич,

аспирант, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), город Ростов-на-Дону,
e-mail: elantra1980@yandex.ru

Alexandr N. Bakatin,

graduate student, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don

Гостев Александр Николаевич,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры Теории и методологии
государственного управления, Академия управления МВД РФ, Москва,
e-mail: Gostevan@inbox.ru

Alexander N. Gostev,

Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology
of Public Administration, Academy of Management MIA of the Russian Federation, Moscow

Груднов Дмитрий Владимирович,

магистрант Института Экономики и менеджмента, Национальный исследовательский
Томский государственный университет, город Томск,
e-mail: grudnov.dmika@gmail.com

Dmitriy V. Grudnov,

Master student, Institute of Economics and Management National Research Tomsk State University,
Tomsk

Демченко Татьяна Сергеевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента, рекламы
и связей с общественностью, АНО ВО Институт деловой карьеры, Москва
e-mail: tstarshinova@mail.ru

Tatyana S. Demchenko,

PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor Department of Management, Advertising and Public Relations, Institute of Business Career, Moscow

Егоров Вадим Алексеевич,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права, процесса и криминалистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, город Липецк,
vadim.egorov.68@bk.ru

Vadim A. Egorov,

PhD in Pedagogic, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk

Иванова Виктория Игоревна,

старший лейтенант юстиции, следственное управление МВД по городу Липецку, город Липецк

Victoria I. Ivanova,

Senior Lieutenant of Justice, Investigation Department of the Ministry of Internal Affairs in the city of Lipetsk, Lipetsk

Климкин Валерий Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Правового обеспечения национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва,
e-mail: klimkin-vn@mail.ru

Klimkin Valeriy Nikolaevich,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Legal Support of National Security of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow

Куклина Елена Юрьевна,

полковник полиции, помощник начальника линейного управления МВД России, начальник отдела Северо-Восточного ЛУ МВД России на транспорте, слушатель 2 курса, группы № 2 ГЗ-1930, Академия управления МВД России, Москва,
e-mail: ekuklina2@mvd.ru

Elena Y. Kuklina,

the police colonel, the assistant to the chief of the linear Department of MIA of Russia, the head of department Northeast linear control of MIA of Russia on transport, the listener 2 courses, groups No. 2 GZ-1930, Academy of Management MIA of the Russian Federation, Moscow

Лисова Екатерина Валерьевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры Государственного и муниципального управления и конституционного права, АНО ВО Институт деловой карьеры, Москва,
e-mail: lisovaekaterina78@gmail.com

Ekaterina V. Lisova,

PhD in Sociology, assistant Professor, Full Professor of the Chair State and municipal administration and constitutional law, Institute of business career, Moscow

Макаров Иван Николаевич,

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью, АНО ВО Институт деловой карьеры, Москва,
excellennzz@gmail.com

Ivan N. Makarov,

Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Management, Advertising and Public Relations, Institute of Business Career

Малахов Андрей Аркадьевич,

полковник милиции в отставке, доцент кафедры Уголовно-правовых дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Владимирский филиал, город Владимир, e-mail: forensic.expert@outlook.com

Andrey A. Malakhov,

retired police colonel, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir branch, Vladimir

Манна Аммар Каримович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, ФГАОУ ВО Российский университет дружбы народов, Москва

Ammar K. Manna,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Сайфуллина Мария Ивановна,

студент 4 курса Юридического института ФГАОУ ВО Российский университет дружбы народов, Москва, e-mail: tigrtop@mail.ru

Maria I. Sayfullina,

the 4th year student of the Law Institute Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Салихов Борис Варисович,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры Теории регионоведения, Московский государственный лингвистический университет, Москва, e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru

Boris V. Salikhov,

Doctor of Economics, Professor, Professor of theory of region studies department of the Moscow state linguistic University, Moscow

Сухина Юлия Валериевна,

кандидат наук по государственному управлению, доцент кафедры Государственной, муниципальной службы и менеджмента, РАНХиГС, Липецкий филиал, город Липецк, e-mail: yuliya-sukhina@mail.ru

Yuliya V. Sukhina,

PhD in Public Administration, Associate Professor of the Department of State, Municipal Service and Management, RANEPА, Lipetsk branch, Lipetsk

Тарасов Евгений Александрович,

кандидат технических наук, доцент кафедры Строительной техники и инженерной механики, ФГБОУ ВО Воронежский государственный технический университет, город Воронеж, e-mail: 382652@mail.ru

Evgenii A. Tarasov,

PhD in Technics, associate Professor of the Department of construction machinery and engineering mechanics, Voronezh state technical University, Voronezh

Титовец Анна Эдуардовна,

соискатель кафедры Прокурорского надзора и криминологии,
ФГБОУ ВО Саратовская государственная юридическая академия, город Саратов,
e-mail: klan1986.86@mail.ru

Anna E. Titovets,

Applicant at the Department of Prosecutor's Supervision and Criminology, Saratov state law Academy, Saratov

Трофимова Наталья Николаевна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента наукоёмких производств,
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург,
e-mail: Tnn04@mail.ru

Natalia N. Trofimova,

PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Management of High-Tech Industries, St. Petersburg State University
of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg

Хабичев Расул Хамзатович,

студент 4 курса, ФГБОУ ВО Российский государственный университет правосудия, Москва,
e-mail: khabi.99@mail.ru

Rasul Kh. Khabichev,

the 4th year student of Russian State University of justice, Moscow

Чернявский Александр Геннадьевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Конституционного
(государственного) и международного права Военного Университета Министерства обороны
Российской Федерации, Москва,
e-mail: Aleksandrcher@mail.ru

Alexander G. Chernyavsky,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional (State)
and International Law of the Military University, Ministry of Defense
of the Russian Federation, Moscow

Шувалова Анастасия Михайловна,

старший преподаватель кафедры Криминалистики, Нижегородский филиал
Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации,
Нижний Новгород, соискатель кафедры Прокурорского надзора и криминологии,
ФГБОУ ВО Саратовская государственная юридическая академия, город Саратов,
e-mail: shinicheva@mail.ru

Anastasia M. Shuvalova,

Senior Lecturer Department of criminalistics, Nizhny Novgorod branch
of the Saint Petersburg Academy Investigative Committee of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod, Applicant at the Department of Prosecutor's Supervision
and Criminology, Saratov state law Academy, Saratov

Якимов Роман Васильевич,

магистрант Института Экономики и менеджмента, Национальный исследовательский
Томский государственный университет, город Томск,
e-mail: yakimovroman45643@gmail.com

Roman V. Yakimov,

Master student, Institute of Economics and Management National Research Tomsk State University,
Tomsk